

НОВЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Ежеквартальный научно-правовой журнал

**№ 4
(октябрь-декабрь)
2025 г.**

Учредитель и издатель:
Грудцына Людмила Юрьевна
Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Основан в 2023 году
Выходит ежеквартально
ISSN 3034-4395 (online)

Журнал зарегистрирован в
Федеральной службе по надзору в сфере
связи, информационных технологий и
массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации СМИ Эл №
ФС 77-85528 от 04.07.2023 г.

Журнал включен в Российский
Индекс научного цитирования (РИНЦ) и
зарегистрирован в Научной электронной
библиотеке eLIBRARY.RU

Ежеквартальный научно-правовой РИНЦ-журнал, посвященный теоретическим и практическим вопросам конституционного (государственного права), теории и истории права и государства, вопросам теоретико-правового изучения институтов гражданского общества, конституционному развитию государства и общества, методологии правотворчества и правоприменения, а также актуальным вопросам государственно-правовых наук.

Председатель редакционного совета:

Эриашвили Н.Д.

Главный редактор:

Сангаджиев Б.В.

Заместитель главного редактора:

Шайхуллин М.С.

Литературный редактор:

Медведева Е.А.

Корректор:

Дребезгова Ю.Д.

Компьютерная верстка:

Ерошина Е.А.

Дизайн обложки:

Ерцев Р.А.

Главный бухгалтер:

Антипова Е.А.

При использовании опубликованных материалов ссылка на «новый юридический журнал» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах.

Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование, после которого Редакционная коллегия принимает решение о принятии рукописи или ее отклонении. Автор рукописи извещается о принятом решении. Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

Адрес редакции:

121596, г. Москва, ул. Горбунова,
д. 2, стр. 3. Офис В 218. Этаж 2.
Бизнес-центр «Гранд Сетунь Плаза».
м. Сетунь. м. Молодежная.

Тел.: 8-800-700-45-88 (по России)

WhatsApp: 8-900-155-56-05

Сайт журнала: <https://new-law.ru>

E-mail: info@law-books.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель: **Н.Д. Эриашвили** – доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Академии Генеральной прокуратуры РФ, профессор кафедры предпринимательского и трудового права Института государственного управления и права Государственного университета управления.

Ж.А. Бокоев - кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, Член Совета по судебной реформе при президенте Кыргызской Республики.

А.П. Галоганов – доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов.

С.Д. Каракозов - доктор педагогических наук, профессор, проректор, директор Института математики и информатики Московского педагогического государственного университета.

В.В. Комарова – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права РФ Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Г.Б. Мирзоев – доктор юридических наук, профессор, президент Гильдии российских адвокатов, ректор Российской академии адвокатуры и нотариата, академик РАН, Почетный доктор Бриджпортского Университета (США), Почётный доктор философии университета «EuroSwiss».

Р.М. Мырзалимов - доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, член Редакционного совета Вестника Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики.

К.Х. Рахимбердин - доктор юридических наук, председатель правления Палаты юридических консультантов Восточно-Казахстанской области, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса ВКГУ им. С. Аманжолова, обладатель звания «Лучший преподаватель вуза» Министерства образования и науки Республики Казахстан (2007 г., 2013 г.).

EDITORIAL COUNCIL:

Chairman: **N.D. Eriashvili** — Doctor of Economics, Candidate of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Entrepreneurial and Labor Law of the Institute of Public Administration and Law of the State University of Management

A. Bokoev - Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law, Zhusup Balasagyn Kyrgyz National University, Member of the Council on Judicial Reform under the President of the Kyrgyz Republic

P. Galoganov - Doctor of Law, Honored Lawyer of Russia, President of the Moscow Region Bar, President of the Federal Union of Lawyers of Russia, Vice President of the International Union (Commonwealth) of Lawyers.

D. Karakozov - Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vice-Rector, Director of the Institute of Mathematics and Informatics of Moscow Pedagogical State University.

V. Komarova - a doctor of jurisprudence, professor managing department of the constitutional and municipal right of the Russian Federation of the Moscow state legal university of O.E. Kutafin (MGYuA).

M. Myrzalimov - Doctor of Law, Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law, Zhusup Balasagyn Kyrgyz National University, Member of the Editorial Council of the Bulletin of the Constitutional Chamber of the Supreme Court of the Kyrgyz Republic.

Kh. Rakhimberdin - Doctor of Law, Chairman of the Board of the Chamber of Legal Advisors of the East Kazakhstan Region, Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure, VKSU named after S. Amanzholova, holder of the title «Best University Teacher» of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (2007, 2013).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: **Б.В. Сангаджиев**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

Заместитель главного редактора: **М.С. Шайхуллин**, доктор юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права

Специальность: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

О.Н. Булаков – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Российского государственного гуманитарного Университета

Л.Ю. Грудцына – доктор юридических наук, профессор, профессор ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности», профессор кафедры конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Почетный адвокат России, эксперт РАН

Б.В. Сангаджиев – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

Л.А. Тхабисимова – доктор юридических наук, профессор, директор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Юридического института Пятигорского государственного университета, директор Северо-Кавказского центра избирательного права и процесса, руководитель Северо-Кавказского научно-образовательного центра политико-правовых проблем, Академик АМАН, Почетный работник сферы образования Российской Федерации, Заслуженный юрист Республики Адыгея.

М.С. Шайхуллин – доктор юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права.

Специальность: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

А.В. Барков - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии, Заслуженный юрист России.

Л.В. Андреева - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права МГЮА имени О.Е. Кутафина, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

В.Е. Белов -доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры правового обеспечения рыночной экономики отделения «Высшая школа правоведения» Института государственной службы и управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

С.А. Иванова - доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации».

Д.П. Стригунова - доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного и интеграционного права Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

EDITORIAL BOARD:

Editor-in-chief: **B.V. Sangadzhiev**, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia)»

Deputy Editor-in-Chief: **M.S. Shaikhullin**, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for State Legal Research of the Eurasian Research Institute of Law Problems

Specialty: 5.1.2. Public law (state legal) sciences.

O.N. Bulakov - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law, Russian State University for the Humanities

L.Yu. Grudtsyna - Doctor of Law, Professor, Professor of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian State Academy of Intellectual Property», Professor of the Department of Constitutional and International Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia)», Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences

B.V. Sangadzhiev - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

L.A. Tkhabisimova - Doctor of Law, Professor, Director, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Law Institute of Pyatigorsk State University, Director of the North Caucasus Voter Center for Electoral Law and Process, Head of the North Caucasus Scientific and Educational Center for Political Legal Problems, Academician of the AMAN, Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Republic of Adygea.

M.S. Shaikhullin - Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for State Legal Research of the Eurasian Research Institute of Law Problems.

Specialty: 5.1.3. Private law (civil) sciences.

A.V. Barkov - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Saratov State Law Academy, Honored Lawyer of Russia.

L.V. Andreeva - Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Business and Corporate Law, Moscow State Law Academy named after O.E. Kutafina, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

V.E. Belov - Doctor of Law, Associate Professor, Associate Professor, Department of Legal Support of Market Economics, Higher School of Law, Institute of Public Administration and Management, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation».

S.A. Ivanova - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Federal State Budgetary Institution of Higher Education «Financial University under the Government of the Russian Federation».

D.P. Strigunova - Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Department of International and Integration Law, Institute of Law and National Security, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation».

РУБРИКИ ЖУРНАЛА

- ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
- ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО
- КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО)
- ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА
- ТЕОРИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА
- ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ
- ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО
- ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ПРАВО
- ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ
- ПРАВО И ЭКОНОМИКА
- ПОЛИТИКА И ПРАВО
- ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА
- ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА
- АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО
- ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
- ПРИМЕНЕНИЕ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
- ПРАВОВАЯ РЕФОРМА
- ЮРИДИЧЕСКИЙ АРХИВ

JOURNAL CATEGORIES

- THEORY OF STATE AND LAW
- HUMAN RIGHTS AND CIVIL SOCIETY
- CONSTITUTIONAL (STATE) LAW
- CONSTITUTIONAL LAW ISSUES
- CIVIL LAW THEORY
- CONTROL THEORY
- CIVIL AND BUSINESS LAW
- BINDING LAW
- INTELLECTUAL PROPERTY LAW
- LAW AND ECONOMICS
- POLITICS AND LAW
- JUSTICE AND JURISPRUDENCE
- CIVIL LAW ISSUES
- ADMINISTRATIVE LAW
- PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION
- APPLICATION OF RUSSIAN LEGISLATION
- LEGAL REFORM
- LEGAL ARCHIVE

СОДЕРЖАНИЕ:

ПОЛИТИКА И ПРАВО

Ступин Д.Д. *	Уголовная политика России в сфере миграции	10
Юрченко Ф.А., Алексин С.И., Косолапова Н.А. *	Перспективы применения метода юридического проектирования в правотворчестве Российской Федерации	19

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Ходосовцев Н.С. *	Обеспечение прав и гарантий населения (граждан) в ситуациях, требующих вмешательства МЧС	25
Гогичашвили Н.Н. *	Правовые аспекты суррогатного материнства в международных условиях	31

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Деханов С.А. *	Конституционные основания принципа разграничения государственной и негосударственной деятельности—пределы деятельности государства	36
----------------	--	----

ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Гусаим А.И. *	Корпоративный договор в российском праве: проблемы правовой природы и судебной практики	39
Беспрозванных М.Г. *	Теоретические аспекты классификации преимущественных прав приобретения акций или доли в уставном капитале общества	45
Балхаев С.А. *	Злоупотребление правом при банкротстве физических лиц: критерии, доказуемость, судебная практика	49
Черных А.Н. *	Проблемные вопросы нотариального удостоверения завещаний и пути их решения	57

ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ПРАВО

Груздев В.В., Боташев Б.Ю. *	Предмет договора и объект обязательства: правовая характеристика и соотношение понятий	62
------------------------------	--	----

ПРАВО И ЭКОНОМИКА

Спиридов В.В. *	Правовые вызовы цифровой трансформации электроэнергетики: «умные» сети, кибербезопасность и данные	68
-----------------	--	----

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Кузнецов Р.К. *	Электронная форма сделки: эволюция правового регулирования в условиях цифровизации	74
Зеничев Н.А. *	Эволюция института шерифа в соединенных штатах Америки в период XVII-XIX веков	82
Денисов М.Д. *	Понятие и виды компьютерного мошенничества: теоретические подходы и классификации	92

CONTENT:

POLITICS AND LAW

Stupin D.D. * Russia's criminal policy in the field of migration	10
Yurchenko F.A., Alekhin S.I., Kosolapova N.A. * Prospects for Applying the Legal Drafting Method in Lawmaking in the Russian Federation	19

HUMAN RIGHTS

Khodosovtsev N.S. * Ensuring the Rights and Guarantees of the Population (Citizens) in Situations Requiring the Intervention of the Ministry of Emergency Situations	25
Gogichashvili N.N. * Legal Aspects of Surrogacy in an International Context	31

CONSTITUTIONAL (STATE) LAW

Dekhanov S.A. * Constitutional Foundations of the Principle of Distinction between State and Non-State Activities – Limits of State Activity	36
--	----

CIVIL AND BUSINESS LAW

Gusaim A.I. * Corporate Agreements in Russian Law: Issues of Legal Nature and Judicial Practice	39
Besprozvannykh M.G. * Theoretical Aspects of Classifying Preemptive Rights to Acquire Shares or Interests in a Company's Authorized Capital	45
Balkhaev S.A. * Abuse of law in the bankruptcy of individuals: criteria, provability, judicial practice	49
Chernykh A.N.* Problematic issues of notarization of wills and ways to solve them	57

LAW OF OBLIGATIONS

Gruzdev V.V. , Botashev B.Yu. * Subject of a Contract and Object of an Obligation: Legal Characteristics and Relationship between Concepts	62
--	----

LAW AND ECONOMICS

Spiridonov V.V. * Legal Challenges of the Digital Transformation of the Electric Power Industry: Smart Grids, Cybersecurity, and Data	68
---	----

PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION

Kuznetsov R.K. * Electronic Transaction Form: Evolution of Legal Regulation in the Context of Digitalization	74
Zenichev N.A. * The evolution of the sheriff's office in the united states of America from the 17th to the 19th centuries	82
Denisov M.D. * Concept and types of computer fraud: theoretical approaches and classifications	92

ПОЛИТИКА И ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.11.2025 г.
Дата принятия рукописи к печати: 03.12.2025

DOI: 10.24412/3034-4395-2025-4-10-18

СТУПИН Даниил Дмитриевич,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова,
Ленинские горы, 1, Москва, Россия, 119991,
e-mail: stupindaniill@yandex.ru

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В СФЕРЕ МИГРАЦИИ

Аннотация. В статье предлагается комплексное исследование современной уголовной политики Российской Федерации в сфере миграции, рассматриваемой как динамично развивающаяся область правового регулирования, в которой соприкасаются интересы государства, общества и отдельных социальных групп. Миграция анализируется как многоаспектный феномен, требующий координации уголовно-правовых, административно-правовых, социально-экономических и организационных механизмов воздействия. Цель исследования заключается в выявлении ключевых тенденций трансформации уголовной политики в условиях роста масштабов миграции, усложнения международной обстановки, усиления угроз безопасности и изменения структуры миграционных потоков. В работе проводится системный анализ развития уголовного законодательства, регулирующего ответственность за незаконные миграционные действия, включая ужесточение санкций, расширение состава преступлений, появление новых квалифицирующих признаков и усиление роли миграционного контроля. Показано, что на современном этапе наблюдается смещение акцента в сторону превалирования карательных методов над превентивными, что проявляется в укреплении тенденции к «кrimиграции», то есть последовательному включению административных правонарушений в сферу уголовно наказуемых деяний. На основе криминологического подхода обосновывается, что чрезмерное использование механизма криминализации не обеспечивает долгосрочного снижения миграционной преступности, поскольку игнорирует социальные, экономические, культурные и институциональные факторы, определяющие поведение мигрантов. В статье анализируются условия эффективности применения уголовно-правовых средств, включая качество правоприменения, уровень межведомственного взаимодействия, развитость профилактических мер и способность государственных институтов обеспечивать интеграцию мигрантов в принимающее сообщество. Аргументируется, что без поддержки пенитенциарных, социально-адаптационных и образовательных механизмов влияние уголовной политики остается ограниченным. Особое внимание уделяется необходимости модернизации системы исполнения наказаний в отношении иностранных граждан, поскольку именно этот элемент политики непосредственно связан с предупреждением рецидива. Сделан вывод о том, что эффективная уголовная политика в миграционной сфере должна носить комплексный и адаптивный характер, сочетающая меры ответственности с социально-профилактическими инструментами, научно обоснованным прогнозированием миграционных тенденций и постоянным совершенствованием нормативной базы, что позволит обеспечить устойчивое снижение миграционной преступности и достижение баланса публичных и частных интересов в условиях современных вызовов.

Ключевые слова: уголовно-правовая политика, миграция, правовая политика, криминализация, уголовно-исполнительная система.

STUPIN Daniil Dmitrievich,
Moscow State University
named after M.V. Lomonosov,
Leninskie Gory, 1, Moscow, Russia, 119991

RUSSIA'S CRIMINAL POLICY IN THE FIELD OF MIGRATION

Annotation. *The article presents a comprehensive examination of the contemporary criminal policy of the Russian Federation in the field of migration, interpreted as a multidimensional and constantly transforming area of legal regulation shaped by the interaction of state interests, societal needs, and the specific characteristics of migrant communities. Migration is analysed as a complex social and legal phenomenon that requires the coordinated application of criminal law, administrative law, and socio-economic and organizational mechanisms. The purpose of the study is to identify the key directions in the evolution of criminal policy amid the growing scale of migration processes, the increasing complexity of the international environment, the intensification of security challenges, and the qualitative transformation of migration flows. The article provides a systematic analysis of legislative developments concerning criminal liability for unlawful migration-related acts, including the expansion of criminal provisions, the introduction of new qualifying features, and the strengthening of punitive sanctions. It is demonstrated that current regulatory trends reveal a steady shift towards a punitive rather than preventive paradigm, which is reflected in the expansion of criminal law instruments into areas previously governed by administrative regulation. This tendency, described in academic discourse as "crimmigration", is critically assessed, with emphasis placed on its limited capacity to achieve long-term reductions in migration-related crime. The study argues that the effectiveness of criminal policy cannot be ensured solely by increasing penalties or broadening the scope of criminalization, as such measures overlook the social, economic, cultural, and institutional factors that shape migrant behaviour. The article highlights the significance of criminological approaches, which enable the identification of underlying causes of migration-related offences and provide a basis for constructing early prevention strategies, including social integration measures and targeted adaptation programmes. Special attention is devoted to the role of the penitentiary system, which directly influences the likelihood of recidivism among convicted migrants and therefore represents a crucial element of criminal policy. The research concludes that an effective criminal policy in the migration sphere must be comprehensive, adaptive, and evidence-based, integrating criminal-law mechanisms with social, organizational, and preventive measures, supported by ongoing refinement of the regulatory framework and improved interagency cooperation. Such an approach is necessary to ensure a sustainable reduction in migration-related crime while maintaining a balanced relationship between public interests, national security, and individual rights.*

Key words: migration; criminal policy; migration-related crime; crimmigration; prevention; legal regulation; social integration; penitentiary system; state security; public interest.

Уголовно-правовая политика в сфере миграции

Миграция в современной России представляет собой один из наиболее динамичных и социально значимых процессов, оказывающих непосредственное влияние на экономическое развитие, государственную безопасность и общественную стабильность. Усложнение международной обстановки, изменение демографической структуры, усиление трансграничной мобильности населения и рост миграционных потоков обуславливают

необходимость пересмотра и корректировки государственной политики в данной сфере, включая её уголовно-правовой компонент. Уголовная политика, ориентированная на регулирование миграционных процессов, является ключевым инструментом обеспечения безопасности и поддержания баланса интересов личности, общества и государства. При этом остаётся открытым вопрос об эффективности используемых государством мер, поскольку увеличение числа миграционных правонарушений и рост уровня преступности,

совершаемой иностранными гражданами, демонстрируют ограниченность исключительно репрессивных подходов.

Современный этап развития миграционного законодательства характеризуется тенденцией к расширению уголовно-правовых средств регулирования, что выражается в активной криминализации миграционных нарушений и усилении санкций за их совершение. Подобная политика нередко сопровождается смещением акцента от профилактических и адаптационных мероприятий к карательным механизмам, что вызывает дискуссии относительно её целесообразности и соответствия реальным потребностям правоприменения. В этих условиях особую значимость приобретает исследование комплексного характера уголовной политики, включающей не только нормы уголовного права, но и криминологические, пенитенциарные и социально-правовые инструменты воздействия.

Цель данного исследования состоит в анализе структуры и тенденций развития уголовной политики Российской Федерации в сфере миграции, оценке её эффективности, выявлении ключевых проблем и противоречий, а также определении перспектив совершенствования правового регулирования в данной области. Научная значимость работы заключается в обосновании необходимости комплексного и адаптивного подхода, учитывающего как нормативные изменения, так и социальные условия, влияющие на формирование миграционной преступности. Современная криминальная ситуация требует не только строгого правового реагирования, но и системных решений, направленных на предупреждение правонарушений, обеспечение интеграции мигрантов и снижение уровня рецидивной преступности.

Уголовная политика в сфере миграции представляет собой систему правовых, организационных и институциональных мер, посредством которых государство регулирует общественные отношения, возникающие в связи с перемещением иностранных граждан и лиц без гражданства, а также обеспечивает защиту публичных интересов и национальной безопасности. В классическом понимании уголовная политика охватывает деятельность по криминализации и декриминализации де-

яний, определению санкций, формированию системы наказаний, а также организации профилактики преступности и исполнения уголовных наказаний [6, с. 286]. Применительно к миграционной сфере уголовная политика приобретает межотраслевой характер, поскольку миграционные отношения регулируются одновременно конституционным, административным, трудовым, гражданским и уголовным правом.

Одной из ключевых теоретических основ является представление о миграции как о сложной социальной системе, в которой уголовно-правовые средства выступают лишь частью общего механизма государственного регулирования. Уголовный запрет в данной области должен обеспечивать охрану миграционного режима, защиту интересов граждан и государства, а также создание условий для легальной и безопасной миграции. Как справедливо отмечает А. А. Герцензон, уголовная политика не может сводиться исключительно к мерам репрессии, поскольку её эффективность определяется сочетанием криминологических, социально-экономических и организационных факторов. Это положение полностью применимо к миграционной сфере, где преступность формируется под воздействием многообразных детерминант, включая экономические мотивы, социальную неустойчивость, отсутствие адаптации и культурные барьеры.

Концептуально уголовная политика в сфере миграции строится на трёх базовых направлениях: охране установленного миграционного порядка; предупреждении незаконной миграции; минимизации рисков, связанных с преступной деятельностью иностранных граждан. Эти направления закреплены в стратегических документах, включая Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы, которая определяет необходимость сочетания правовых и социальных инструментов регулирования миграционных процессов [12].

Особую значимость имеет проблема расширения сферы действия уголовного права, получившая в зарубежной доктрине название «кримиграции». Данная категория описывает тенденцию постепенного включения миграционных нарушений в круг уголовно наказу-

емых действий, что ведёт к усилению роли уголовно-правового воздействия и сокращению пространства административного регулирования. В отечественной науке подчёркивается риск чрезмерной криминализации миграционных правонарушений, способной привести к неоправданному расширению уголовного закона и снижению его превентивной эффективности [5, с. 296].

С теоретической точки зрения уголовная политика в миграционной сфере должна строиться на принципах соразмерности, научной обоснованности и системности. Превышение уголовно-правового воздействия при отсутствии социальных и интеграционных мер приводит к нарушению баланса между публичными интересами и правами личности. Напротив, использование комплексных подходов, сочетающих правовые механизмы с профилактическими и социальными, позволяет достигать устойчивых результатов в снижении миграционной преступности и укреплении общественной безопасности.

Развитие миграционного законодательства России демонстрирует поэтапное усложнение правового регулирования и последовательное усиление уголовно-правовых инструментов воздействия на незаконные миграционные процессы. Трансформация нормативной базы отражает изменения политических приоритетов государства, социально-экономические вызовы и необходимость адаптации право-применительной практики к динамике миграционных потоков. Историческое развитие миграционного законодательства позволяет выделить несколько ключевых этапов, каждый

из которых характеризуется специфическими подходами к сочетанию административных и уголовных механизмов регулирования.

В научной литературе часто используется периодизация, предложенная М. Н. Урда, согласно которой первый этап 2000–2010-х годов можно охарактеризовать как период адаптации, когда российское законодательство стремилось к согласованию с международными обязательствами, а система миграционного контроля только формировалась [11, с. 196–214]. На данном этапе уголовный закон играл преимущественно вспомогательную роль, поскольку базовые задачи государственного регулирования заключались в институциональном становлении миграционных органов и выработке общих принципов допуска, пребывания и трудовой деятельности иностранных граждан.

Следующий этап, обозначенный как фаза ужесточения, связан с корректировкой уголовных и административных норм, направленных на повышение ответственности за нарушение миграционного режима. В этот период существенно расширяется круг составов правонарушений, связанных с незаконным въездом, фиктивной регистрацией и организацией незаконной миграции, а санкции приобретают всё более выраженный карательный характер [3, с. 280]. Данная тенденция была обусловлена ростом преступлений, совершаемых иностранными гражданами, а также необходимостью укрепления национальной безопасности в условиях региональных и глобальных вызовов.

Таблица 1. Основные изменения уголовного законодательства РФ в сфере миграции (2012–2024 гг.)

Период	Характер изменений	Примеры нормативных поправок	Правовые последствия
2012–2016	Дифференциация уголовной ответственности	Уточнение составов по ст. 322.1–322.3, введение квалифицирующих признаков	Рост числа уголовных дел с индивидуализированными санкциями
2017–2020	Укрепление миграционного контроля	Расширение оснований уголовной ответственности за фиктивную постановку на учёт	Повышение нагрузки на правоохранительные органы
2021–2023	Цифровизация учёта и контроля	Использование ИТ-технологий в выявлении преступлений, связанных с миграцией	Улучшение выявляемости организованных преступных схем

2024	Ужесточение санкций и расширение квалификаций	ФЗ № 383-ФЗ и № 384-ФЗ: повышение минимальных сроков лишения свободы; новые признаки (служебное положение, поддельные документы)	Перевод ряда составов в категорию тяжких и особо тяжких преступлений
------	---	--	--

Источник: составлено по: Федеральные законы № 383-ФЗ, № 384-ФЗ; данные анализа миграционного законодательства РФ.

Таблица демонстрирует ключевые этапы изменения уголовного законодательства в миграционной сфере и отражает общую тенденцию к усилению карательных мер, детализации составов преступлений и использованию современных технологий для борьбы с незаконной миграцией. Материал показывает, что эволюция законодательства движется от дифференциации санкций к комплексному ужесточению и повышению точности правового регулирования.

Третий этап, приходящийся на середину 2010-х годов, характеризуется дифференциацией уголовно-правовых санкций и уточнением квалифицирующих признаков преступлений. Усиливается внимание к организованным формам незаконной миграции, к преступлениям, связанным с использованием фиктивных документов, а также к противоправной деятельности, совершающейся с применением информационно-телецоммуникационных технологий. Такая детализация состава преступлений свидетельствует о стремлении законодателя повысить точность регулирования и обеспечить адекватность правового регулирования на сложные формы миграционных нарушений.

Современный этап развития законодательства начинается с конца 2010-х годов и характеризуется прагматичной моделью регулирования, ориентированной на повышение эффективности правоприменения. Законодатель активно корректирует нормы Уголовного кодекса, обеспечивая более строгие санкции по статьям 322.1–322.3 УК РФ, включая введение минимальных сроков лишения свободы и установление новых квалифицирующих признаков, связанных с использованием служебного положения и подделкой документов. Существенным шагом стало также включение совершения миграционных преступлений в состав организованных групп в категорию особо тяжких деяний. Эти изменения направ-

лены на противодействие профессиональной и организованной миграционной преступности.

При этом в научных работах обращается внимание на то, что одностороннее усиление уголовных мер не всегда приводит к снижению уровня незаконной миграции, поскольку такие меры не затрагивают социальные причины нарушений. Часть исследователей указывает на риски необоснованного расширения уголовного закона и чрезмерной криминализации, что может привести к снижению эффективности правоприменения и увеличению нагрузки на систему уголовной юстиции.

Эволюция нормативного регулирования миграционной сферы демонстрирует движение от формирования базовых институтов и административной модели контроля к комплексной системе, в которой уголовное право играет ключевую роль. Современное законодательство стремится к повышению точности, дифференциации и эффективности уголовно-правовых норм, однако требует баланса между карательными и профилактическими инструментами, что является важнейшим условием устойчивого развития миграционной политики государства.

Современная уголовная политика Российской Федерации в сфере миграции формируется в условиях усложняющихся внутренних и внешних вызовов, включая рост миграционной преступности, изменение структуры миграционных потоков и усиление угроз для национальной безопасности. Одной из ключевых тенденций последнего десятилетия является последовательное ужесточение уголовного законодательства, направленного на противодействие незаконной миграции, фиктивной регистрации и организации противоправного перемещения иностранных граждан. Принятые в 2024 году изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации, усилившие санкции по статьям 322.1–322.3 и расширив-

шие перечень квалифицирующих признаков, стали логическим продолжением общего курса на усиление миграционного контроля.

Однако анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что усиление уголовно-правовых мер не всегда приводит к снижению уровня миграционной преступности. По данным Следственного комитета Российской Федерации, в 2023–2024 годах наблюдается значительный рост преступлений, совершаемых иностранными гражданами, включая преступления против половой свободы, экстремистские правонарушения и преступления, связанные с незаконным пребыванием [7]. Рост преступности на фоне усиления санкций указывает на наличие глубоких социальных и организационных факторов, которые не могут быть устраниены исключительно репрессивными средствами. К ним относятся социальная неустойчивость мигрантов, отсутствие интеграционных механизмов, дефицит адаптационных программ, а также недостаточное межведомственное взаимодействие в сфере миграционного контроля.

Одной из наиболее заметных проблем современной уголовной политики является тенденция к расширению уголовно-правового регулирования — так называемая «кrimиграция». Применение уголовного закона к деяниям, традиционно относящимся к сфере административных правонарушений, приводит к увеличению нагрузки на систему уголовной юстиции, порождает риски произвольного толкования и размывает границы уголовной ответственности. Конституционный Суд РФ неоднократно подчеркивал, что криминализация должна рассматриваться как крайняя мера, применяемая при невозможности достижения целей правового регулирования иными средствами. Следовательно, чрезмерное ужесточение норм может снижать превентивный эффект уголовного наказания и снижать доверие к правовым институтам.

Не менее значимой проблемой остаётся ограниченная эффективность пенитенциарных механизмов. Осужденные иностранные граждане сталкиваются с трудностями адаптации в условиях изоляции, что усиливает риск рецидивной преступности после освобождения. Наличие языковых, культурных и социальных барьеров осложняет работа исправи-

тельных учреждений, а отсутствие системной программы ресоциализации снижает общий результат уголовно-правового воздействия. В этих условиях эксперты отмечают необходимость расширения образовательных, профессиональных и адаптационных программ для иностранных осуждённых, что соответствует общим принципам уголовной политики и международным стандартам обращения с заключёнными.

Несмотря на указанные проблемы, современная политика характеризуется и позитивными тенденциями. Важным шагом стало создание в 2024 году специализированной службы по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан в структуре МВД России, что позволило повысить качество ведомственного взаимодействия и улучшить контроль за миграционными процессами. Усиление цифровизации миграционного контроля, развитие автоматизированных систем учета и анализ данных также создают предпосылки для повышения эффективности противодействия незаконной миграции.

Современная уголовная политика РФ в сфере миграции представляет собой сложный комплекс правовых и организационных мер, эффективность которых ограничена при доминировании исключительно карательного подхода. Оптимальная модель предполагает сочетание уголовно-правовых инструментов с социально-профилактическими, интеграционными и пенитенциарными механизмами, а также повышение качества межведомственной координации и правоприменения.

Современная уголовная политика в сфере миграции не может быть эффективной, если ограничиваться только карательными мерами. Для достижения устойчивого результата требуется использование альтернативных и вспомогательных механизмов, которые позволяют воздействовать на причины миграционной преступности и снижать риск рецидива. В первую очередь это касается криминологического подхода, направленного на выявление и устранение факторов, способствующих совершению правонарушений иностранными гражданами. К таким факторам относятся социальная неустойчивость, отсутствие адаптации, ограниченность правового информирования и экономическая уязвимость мигран-

тов. Применение криминологических мер позволяет корректировать государственную политику в сторону профилактики, а не исключительно реагирования на уже совершённые преступления.

Важную роль играет и пенитенциарный подход, поскольку иностранные граждане в местах лишения свободы нуждаются в особых условиях для сохранения социально-психологической устойчивости и успешной последующей ресоциализации. Недостаточность образовательных, профессиональных и адаптационных программ для осуждённых мигрантов повышает вероятность их повторного участия в противоправной деятельности после освобождения. Создание благоприятных условий для участия осуждённых в трудовой деятельности, обучение профессиям и развитие культурно-образовательных инициатив рассматриваются как важные элементы государственной политики, соответствующие международным стандартам исполнения наказаний.

Социально-адаптационный подход дополняет уголовно-правовые меры, позволяя государству снижать уровень социальной напряжённости среди мигрантов и обеспечивать их включение в правовое пространство принимающего общества. Реализация программ правового просвещения, языковой поддержки, профессиональной адаптации и сопровождения вновь прибывающих снижает вероятность их вовлечения в криминальные структуры. Такие меры способствуют укреплению миграционной безопасности, снижению преступности и обеспечению баланса между интересами государства и правами личности.

Криминологический, пенитенциарный и социально-адаптационный механизмы выступают важными элементами уголовной политики, обеспечивая её комплексность и ориентированность на долгосрочный результат. Их сочетание позволяет повысить эффективность правового реагирования и сформировать устойчивую систему профилактики миграционной преступности.

Современная уголовная политика Российской Федерации в сфере миграции формируется на пересечении правовых, социальных и организационных механизмов, что обусловлено комплексным характером миграцион-

ных процессов и их значительным влиянием на состояние национальной безопасности. Анализ эволюции нормативного регулирования и действующей правоприменительной практики показывает, что государство последовательно усиливает роль уголовного закона в борьбе с незаконной миграцией, расширяя перечень уголовно наказуемых деяний и повышая уровень санкций. Такой курс отражает стремление обеспечить оперативное реагирование на новые формы миграционных нарушений и блокировать деятельность преступных групп, специализирующихся на организации незаконного въезда и фиктивной легализации иностранных граждан.

Вместе с тем выявленные тенденции свидетельствуют о том, что исключительно репрессивный подход не способен обеспечить устойчивое сокращение миграционной преступности. Усиление уголовных мер, будучи необходимым элементом политики, не затрагивает глубинные социальные причины правонарушений, связанные с недостаточной адаптированностью мигрантов, ограниченным доступом к правовой информации, экономической уязвимостью и культурными барьерами. Кроме того, чрезмерное расширение уголовного регулирования создаёт риск неоправданной криминализации деяний, традиционно относимых к административной сфере, что снижает эффективность правоприменения и противоречит принципам соразмерности и необходимости.

Результаты исследования подтверждают значимость применения альтернативных и вспомогательных механизмов уголовной политики – криминологического, пенитенциарного и социально-адаптационного подходов. Комплексное использование таких инструментов позволяет снизить вероятность рецидива среди иностранных осуждённых, повышает уровень их интеграции в социальную среду и способствует устраниению факторов, формирующих криминогенную мотивацию. Введение новых структур и укрепление межведомственного взаимодействия создают условия для повышения управляемости миграционных процессов и совершенствования контроля за ними.

Эффективное развитие уголовной политики в сфере миграции возможно только при

условии сочетания строгих правовых мер с системной профилактикой, социальной поддержкой и развитием институциональных механизмов адаптации. Оптимальный баланс между защитой публичных интересов и соблюдением прав личности обеспечивает

устойчивость правовой системы и способствует формированию современной модели миграционной безопасности, отвечающей вызовам текущего этапа государственного развития.

Список литературы:

- [1] «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ «Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» от 08.01.1997 N 1-ФЗ // URL: <http://pravo.gov.ru/codex/?ysclid=mik50pfzib6846061337>
- [2] «Уголовно-правовые гарантии суверенитета государства» (сравнительно-правовое исследование): науч.-практ. пособие / отв. ред. И. И. Кучеров, С. Л. Нудель, О. И. Семыкина. С. 251.
- [3] Андриченко Л.В. «Миграционная правовая политика России: тенденции и пути развития» – Москва: Норма, ИНФРА-М, 2024. – 280 с.
- [4] Андриченко Л.В. «Миграционное законодательство как механизм реализации миграционной правовой политики России: основные направления и тенденции развития» // «Миграционная правовая политика России: тенденции и пути развития: монография» / Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – Москва: Норма, ИНФРА-М, 2024. – С. 51–66.
- [5] Бабаев М.М. «Проблемы российской уголовной политики» / М.М. Бабаев, Ю.Е. Пудовочкин. — Москва : Проспект, 2018. — 296 с.
- [6] Герцензон А. А. Уголовное право и социология: проблемы социологии уголовного права и уголовной политики. — М.: Наука, 1970. — 286 с.
- [7] Комитет Следственного комитета РФ. О состоянии преступности среди иностранных граждан. — М., 2024.
- [8] Постановление КС РФ от 13.07.2010 № 15-П. // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102663/
- [9] Постановление КС РФ от 17.06.2014 № 18-П. // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_159479/
- [10] Постановление КС РФ от 27.05.2008 № 8-П. // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_77402/
- [11] Сажина В. А., Высоцкая З. Р. Эволюция миграционной политики России в отражении правовых источников политico-идеологического характера // Государственное управление. Электронный вестник. — 2020. — № 81. — С. 196–214.
- [12] Указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы». // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43709>

Spisok literatury:

- [1] «Criminal Code of the Russian Federation» of 13.06.1996 N 63-FZ «Criminal-Executive Code of the Russian Federation» of 08.01.1997 N 1-FZ // URL: <http://pravo.gov.ru/codex/?ysclid=mik50pfzib6846061337>
- [2] «Criminal-Law Guarantees of State Sovereignty» (comparative legal study): scientific and practical manual / eds. I. I. Kuchеров, S. L. Nudel, O. I. Semykina. P. 251.
- [3] Andrichenko L.V. «Migration Legal Policy of Russia: Trends and Paths of Development» - Moscow: Norma, INFRA-M, 2024. - 280 p.
- [4] Andrichenko L.V. «Migration Legislation as a Mechanism for Implementing Russia's Migration Legal Policy: Main Directions and Development Trends» // «Russia's Migration Legal

Policy: Development Trends and Paths: Monograph» / Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. Moscow: Norma, INFRA-M, 2024. pp. 51–66.

[5] Babaev, M.M. «Problems of Russian Criminal Policy» / M.M. Babaev, Yu.E. Pudovochkin. Moscow: Prospect, 2018. 296 p.

[6] Gertsenzon, A.A. Criminal Law and Sociology: Problems of the Sociology of Criminal Law and Criminal Policy. Moscow: Nauka, 1970. 286 p.

[7] Committee of the Investigative Committee of the Russian Federation. On the State of Crime Among Foreign Citizens. — M., 2024.

[8] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 13, 2010, No. 15-P. // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102663/

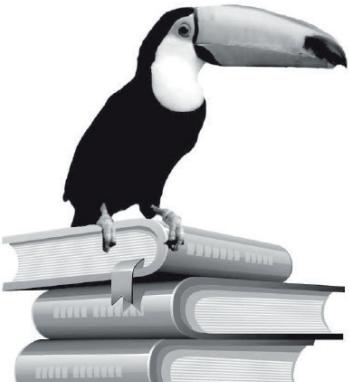
[9] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 17, 2014, No. 18-P. // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_159479/

[10] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 27, 2008, No. 8-P. // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_77402/

[11] Sazhina V. A., Vysotskaya Z. R. Evolution of Russia's Migration Policy as Reflected by Legal Sources of a Political and Ideological Nature // Public Administration. Electronic Bulletin. - 2020. - No. 81. - Pp. 196-214.

[12] Decree of the President of the Russian Federation of October 31, 2018 No. 622 «On the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2019-2025». // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43709>

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ЮРЧЕНКО Фаина Андреевна,
студент магистратуры
Юридического института НИУ “БелГУ”
e-mail: fenkaay@yandex.ru

АЛЕХИН Станислав Игоревич,
студент магистратуры
Юридического института НИУ “БелГУ”
e-mail: meercat2@rambler.ru

КОСОЛАПОВА Наталья Александровна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Юридического института НИУ “БелГУ”
e-mail: kosolapova@bsuedu.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДА ЮРИДИЧЕСКОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ В ПРАВОТВОРЧЕСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу метода юридического проектирования как инновационного инструмента правотворческой деятельности в Российской Федерации. Актуальность темы обуславливается динамичным развитием общественных отношений, увеличением количества нормативных актов и потребностью в повышении их качества, предсказуемости и эффективности в условиях постоянного реформирования правовой системы. Традиционные подходы зачастую не учитывают стратегические цели, что приводит к возникновению проблем, коллизий, а также популяризации реактивного подхода к законотворчеству, в то время как юридическое проектирование предлагает модель, основанную на прогнозировании, способную обеспечить создание устойчивого законодательства.

Цель исследования – систематизация научных знаний о сущности и особенностях метода юридического проектирования, а также оценка перспектив его интеграции в российское правотворчество. Задачи включают: определение понятия метода; выделение его отличительных признаков; характеристику преимуществ; выявление проблем и трудностей применения в Российской Федерации.

В статье раскрывается сущность метода юридического проектирования как комплексного междисциплинарного подхода, объединяющего знания и методологии различных наук. Выделены ключевые признаки: научная обоснованность, целенаправленность, моделирующий характер, ориентация на достижение конкретного результата и междисциплинарность, а также преимущества: структурированность правотворческого процесса; баланс аналитики и конструирования; повышение качества и эффективности правовых норм, их гибкости, адаптивности и предсказуемости. Среди ограничений выявлены: отсутствие единой методологии, дефицит междисциплинарных кадров, формализм и реактивность действующего подхода к правотворчеству, ресурсозатратность.

Перспективы применения в Российской Федерации связаны с возможностью перехода к прогностической модели правотворчества, требующей институциональной поддержки, подготовки квалифицированных кадров, цифровизации и разработки стандартизированной методологии. Это позволит сформировать долгосрочные стратегии совершенствования правовой системы и минимизировать риски, сопровождающие обновление законодательных норм.

Ключевые слова: юридическое проектирование, правотворчество, законотворчество, методология права, прогнозирование, моделирование, нормативно-правовой акт, норма права.

YURCHENKO Faina Andreevna,

Master's student at the
Law Institute of BelSU National Research University

ALEKHIN Stanislav Igorevich,

Master's student at the
Law Institute of BelSU National Research University

KOSOLAPOVA Natalia Aleksandrovna,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the
Law Institute of BelSU National Research University

PROSPECTS FOR THE APPLICATION OF THE METHOD OF LEGAL DESIGN IN LAWMAKING OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article is devoted to the analysis of the method of legal design as an innovative tool of law-making activity in the Russian Federation. The relevance of the topic is due to the dynamic development of social relations, the increase in the number of normative acts and the need to improve their quality, predictability and efficiency in the context of constant reform of the legal system. conflicts, as well as the popularization of a reactive approach to lawmaking, while legal design offers a model based on forecasting, capable of ensuring the creation of sustainable legislation.*

The purpose of the study is to systematize scientific knowledge about the essence and features of the method of legal design, as well as to assess the prospects for its integration into Russian lawmaking. The tasks include: defining the concept of method; highlighting its distinctive features; characteristics of advantages; identification of problems and difficulties of application in the Russian Federation.

The article reveals the essence of the method of legal design as a complex interdisciplinary approach that combines knowledge and methodologies of various sciences. The key features are highlighted: scientific validity, purposefulness, modeling nature, focus on achieving a specific result and interdisciplinarity, as well as advantages: structuring of the law-making process; balance of analytics and construction; improving the quality and efficiency of legal norms, their flexibility, adaptability and predictability. Among the limitations, the following were revealed: the lack of a unified methodology, the lack of interdisciplinary personnel, the formalism and reactivity of the current approach to lawmaking, and resource consumption.

The prospects for application in the Russian Federation are associated with the possibility of transition to a predictive model of lawmaking, which requires institutional support, training of qualified personnel, digitalization and the development of a standardized methodology. This will make it possible to form long-term strategies for improving the legal system and minimize the risks accompanying the updating of legislative norms.

Key words: legal design, lawmaking, lawmaking, methodology of law, forecasting, modeling, normative legal act, rule of law.

Введение

Современное состояние правотворчества в Российской Федерации характеризуется высоким уровнем динаминости, что выражается в увеличении числа принимаемых нормативно-правовых актов и усложнении их

содержания. В подобных условиях актуализируется потребность в повышении качества и предсказуемости законодательства, а также в разработке целостных подходов к процессу его разработки. Одним из инновационных направлений методологии права, обеспечива-

ющих возможность решения данных задач, выступает юридическое проектирование. Актуальность исследования определяется необходимостью выявления новых методологических и теоретических оснований совершенствования правотворчества в Российской Федерации, ориентированного не только на решение текущих задач, но и создание долгосрочной и устойчивой правовой системы.

Степень научной разработанности исследования находится на крайне низком уровне, что обуславливается относительной новизной метода юридического проектирования и его незначительной практикой применения в правотворчестве России. В то же время, можно выделить отдельных авторов трудов, посвященных исследованию содержания и перспектив данного метода, среди которых: А.Н. Артамонов, М.П. Клеймёнов, Н.А. Косолапова, Г.Р. Куперин, В.В. Кутько, А.П. Мазуренко, В.П. Павлов, В.М. Серых и М.А. Чистюхин.

Цель и задачи

Цель настоящей статьи – систематизации научных знаний об особенностях и сущности метода юридического проектирования, перспектив его использования в отечественном правотворческом процессе. Для достижения цели решаются следующие задачи: определить понятие юридического проектирования; выделить отличительные признаки данного метода; охарактеризовать преимущества проектирования; определить проблемы и трудности интеграции юридического проектирования в российскую систему правотворчества.

Материалы и методы

Исследование опирается на общеначальные методы анализа, синтеза и системного подхода. Используются также специальные юридические методы: формально-логический для определения понятия и признаков юридического проектирования; сравнительный для выявления отличий проектирования от традиционных методов; прогностический для оценки перспектив интеграции метода юридического проектирования в правотворческий процесс России.

Результаты

Метод юридического проектирования обладает комплексным характером, так как объ-

единяет в себе элементы теории права, логики, системного анализа, социологии и кибернетики. Его сущность заключается в заблаговременном моделировании правовой реальности, что позволяет выстроить сознательный образ будущего правового акта с учетом актуальных закономерностей функционирования права и существующих общественных процессов [3, с. 47].

В отличие от традиционных подходов к правотворчеству, которые в большей степени ориентированы на решение конкретной проблемы или же устранение выявленного законодательного пробела, юридическое проектирование предлагает систему правовых решений, основанных на стратегических задачах общества и государства. Основной принцип данного метода – прогнозирование последствий, которые могут возникнуть вследствие изменения подхода к правовому регулированию. Иными словами, законодатель, выступающий в роли проектировщика, должен обеспечить не только формулирование норм права, но и предвосхищать их возможные эффекты и риски, восприятие обществом принятых нововведений [5, с. 51].

С целью более наглядной демонстрации отличий традиционных методов и юридического проектирования, ниже приведем несколько ключевых признаков последнего:

1. Научная обоснованность. Каждое решение, принимаемое в рамках юридического проектирования, должно предполагать под собой основу в виде теоретического анализа, социологических исследований и сформированных прогностических моделей. Проектирование не предполагает возможности использования политического или исключительно интуитивного подхода к разработке правовых конструкций, что способствует практической эффективности реформ, минимизации вредных и иных негативных последствий.

2. Целенаправленность и системность. В рамках юридического проектирования перед процессом разработки проекта нормативно-правового акта ставится совокупность конкретных целей, предполагающих достижение желаемого результата, обеспечивающего совершенствование правовой системы. В свою очередь, каждый элемент проекта должен быть связан с другим в рамках единой концеп-

ции правового регулирования. При этом обязательному учету подлежит иерархическая зависимость норм права, принципы, на основании которых между собой взаимодействуют правовые институты и механизмы правоприменения [2, с. 73].

3. Моделирующий характер. В качестве ключевого инструмента проектирования всегда выступает модель, позволяющая определить будущую правовую систему или ее частности. Модель может обладать концептуальным характером, быть структурной или функциональной.

4. Ориентация на достижение конкретного результата. Юридическое проектирование понимает под результатом не сам факт принятия нормативно-правового акта, реализацию его положений на практике, а предполагаемую и в последствие реальную эффективность и социальную значимость.

5. Междисциплинарность. Проектирование не ограничивается только использованием правовых знаний, так как требует применения методов экономических, социологических, психологических и иных наук, что позволяет реализовать комплексный подход, характеризуемый большей эффективностью за счет своей многогранности и возможности учета различных существенных обстоятельств, не подлежащих выявлению только юридическими методами [7, с. 59].

Представленная совокупность признаков позволяет охарактеризовать юридическое проектирование не только как самостоятельный метод научного познания, но и как метод практической деятельности субъектов правотворческого процесса, обеспечивающий возможность плавного перехода от реактивной модели разработки и принятия нормативно-правовых актов к прогностической, что особенно актуально в современных условиях, когда общественные отношения обладают высокой динамичностью, а тенденции государственного развития постоянно обновляются под влиянием вновь возникающих обстоятельств внутреннего и внешнего характера [4, с. 308].

Безусловным преимуществом юридического проектирования является его структурированность и логическая обоснованность, которые выражаются в использовании подхо-

да, предполагающего несколько взаимосвязанных между собой этапов:

1) постановка целей и формулирование задач – определение социальной проблемы, которая подлежит решению правовыми средствами, цели и критерии, подлежащих обязательному учету для оценки эффективности будущего нормативно-правового акта;

2) анализ и диагностика текущего состояния правового регулирования соответствующей группы общественных отношений – изучение действующих норм права, практики их реализации, выявление пробелов, коллизий и других противоречий;

3) формирование концепции проекта – разработка модели будущего нормативно-правового акта, которая должна включать в себя: его структуру, используемые основные понятия, взаимосвязи с другими правовыми институтами и фундаментальные принципы;

4) прогнозирование последствия – анализ социальных, экономических и политических эффектов, которые могут наступить вследствие изменения подхода к правовому регулированию; использование качественного (оценочного) или количественного (основанного на математических или статистических моделях) подхода к составлению прогноза;

5) конструирование текста нормативно-правового акта – преобразование разработанных моделей в юридический язык;

6) оценка эффективности созданного проекта – определение его соответствия поставленным на первоначальном этапе целям, внутреннего единства, практической применимости сформулированных норм, рисков возникновения коллизий или иных негативных последствий социального и политического характера [8, с. 155].

Еще одно преимущество метода юридического проектирования – сбалансированное сочетание аналитических и конструктивных элементов. К числу аналитических элементов относятся:

- выявление закономерностей в области правового регулирования тех или иных общественных отношений;

- оценка факторов, сказывающихся на эффективности правовых норм;

- выявление типичных ошибок законодательства, недостатков традиционных подхо-

дов к правотворчеству.

Конструктивные элементы включают в себя:

- разработку нормативно-правового акта с оптимальной структурой;
- создание понятийного аппарата, терминов и категорий, определение их содержания;
- формирование алгоритма, посредством которого правовые нормы подлежат практической реализации [6, с. 111].

Среди других преимуществ также можно выделить:

- повышение качества законодательства за счет комплексности, научной обоснованности и прогнозированию, снижающих вероятность вступления в законную силу противоречивых или неэффективных правовых норм;
- предсказуемость правового регулирования, обеспечиваемая за счет прогнозирования и предварительной оценки потенциальной эффективности;
- согласованность правовой системы за счет анализа межотраслевых и межинституциональных связей, предотвращающего дублирование или коллизии норм права;
- гибкость и адаптивность законодательства за счет включения в него механизмов самообновления;
- ориентация на достижение долгосрочных стратегических целей, способствующих устойчивому развитию общества и государства;
- снижение затрат на правоприменение за счет использования более логичных и структурированных нормативно-правовых актов, требующих меньшего количества усилий для толкования, что упрощает судебную и административную практику [9, с. 93].

С целью надлежащего выявление перспектив интеграции юридического проектирования в правотворческую практику Российской Федерации, следует также оговориться и о существующих ограничениях и трудностях, препятствующих использованию данного метода:

- отсутствие единой методологии, сказывающееся на возможности системного ис-

пользования проектирования в государственных структурах;

- недостаток междисциплинарных кадров, которые могут быть задействованы в процессе разработки проектов нормативно-правовых актов;

- преобладание формального подхода к нормотворчеству, принципа реактивного законодательства, т.е. принятия норм только под конкретные события, что вступает в прямое противоречие с идеологией проектирования;

- значительные требования к времени и ресурсам, затрачиваемым на разработку, апробацию и оценку эффективности проектов;

- недостаточный уровень правовой культуры участников правотворческого процесса, зачастую приводящий к упрощенному восприятию соответствующего метода как одной из многих бюрократических формальностей [1, с. 89].

Заключение

Метод юридического проектирования представляет собой перспективное направление развития современной теории и практики правотворчества, так как он объединяет научное моделирование, конструирование правовых норм и прогнозирование, что позволяет создать более качественные, устойчивые к вызовам и согласованные акты. Применение данного метода способствует повышению эффективности правоприменительной практики, снижению количества коллизий и других проблем, а также обеспечивает возможность формирования долгосрочных правовых стратегий. В перспективе широкая интеграция юридического проектирования может потребовать институциональной поддержки, подготовки квалифицированных специалистов, создания методических рекомендаций и стандартов, а также внедрения новейших цифровых и других технологий. Реализация данных условий позволит отечественной правовой системе перейти на качественно новый уровень, предлагающий научную обоснованность и проектное правотворчество, которые полностью отвечают требованиям и вызовам XXI века.

Список литературы:

[1] Артамонов А.Н. Техника правотворчества как способ совершенствования обще-

ственных отношений / А.Н. Артамонов // Вестник Российской правовой академии. – 2020. – № 4. – С. 87-94.

[2] Клеймёнов М.П. Прогнозирование и правотворчество / М.П. Клеймёнов // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2025. – Т. 22. – № 3. – С. 72-79.

[3] Косолапова Н.А. Понятие и сущность юридического проектирования / Н.А. Косолапова // Инновационный потенциал развития юридической науки и практики в современном мире. – 2023. – № 1. – С. 46-49.

[4] Куперин Г.Р. Тенденции в развитии российского правотворчества / Г.Р. Куперин // В сборнике: Традиции и новации в системе современного российского права. Материалы XXI Международной научно-практической конференции молодых ученых: в 3 т. – М., 2022. – С. 307-309

[5] Кутько В.В., Чистюхин, М.А. Правовая природа юридического проектирования / В.В. Кутько, М.А. Чистюхин // Уральский научный вестник. – 2023. – № 6. – С. 49-54.

[6] Мазуренко, А.П. Российская правотворческая политика как средство модернизации единого правового пространства / А.П. Мазуренко // Правовая культура. – 2023. – № 1 (52). – С. 111-112.

[7] Павлов В.П. Перспективы нормотворчества в России / В.П. Павлов // Право и управление. XXI век. – 2024. – Т. 20. – № 1 (70). – С. 58-65.

[8] Павлов В.И. Юридический дизайн: понятие, сущность, политico-правовое содержание и идеологическое значение для развития национальной правовой системы / В.И. Павлов // Право. by. – 2025. – № 1 (93). – С. 154-162.

[9] Сырых В.М. Ведущие правовые доктрины современного правоведения / В.М. Сырых // Правовая культура. – 2023. – № 2 (53). – С. 88-97.

Spisok literatury:

[1] Artamonov, A.N. Tekhnika pravotvorchestva kak sposob sovershenstvovaniya obshchestvennykh otnosheniy / A.N. Artamonov // Vestnik Rossiyskoy pravovoy akademii. – 2020. – № 4. – S. 87-94.

[2] Kleymenov, M.P. Prognozirovaniye i pravotvorchestvo / M.P. Kleymenov // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo. – 2025. – Т. 22. – № 3. – S. 72-79.

[3] Kosolapova, N.A. Ponyatie i sushchnost' yuridicheskogo proektirovaniya / N.A. Kosolapova // Innovatsionnyy potentsial razvitiya yuridicheskoy nauki i praktiki v sovremennom mire. – 2023. – № 1. – S. 46-49.

[4] Kuperin, G.R. Tendentsii v razvitii rossiyskogo pravotvorchestva / G.R. Kuperin // Vsbornike: Traditsii i novatsii v sisteme sovremennoogo rossiyskogo prava. Materialy XXI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii molodykh uchenykh: v 3 t. – M., 2022. – S. 307-309

[5] Kut'ko, V.V., Chistyukhin, M.A. Pravovaya priroda yuridicheskogo proektirovaniya / V.V. Kut'ko, M.A. Chistyukhin // Ural'skiy nauchnyy vestnik. – 2023. – № 6. – S. 49-54.

[6] Mazurenko, A.P. Rossiyskaya pravotvorcheskaya politika kak sredstvo modernizatsii edinogo pravovogo prostranstva / A.P. Mazurenko // Pravovaya kul'tura. – 2023. – № 1 (52). – S. 111-112.

[7] Pavlov, V.P. Perspektivy normotvorchestva v Rossii / V.P. Pavlov // Pravo i upravlenie. XXI vek. – 2024. – Т. 20. – № 1 (70). – S. 58-65.

[8] Pavlov, V.I. Yuridicheskiy dizayn: ponyatie, sushchnost', politiko-pravovoe soderzhanie i ideologicheskoe znachenie dlya razvitiya natsional'noy pravovoy sistemy / V.I. Pavlov // Pravo. by. – 2025. – № 1 (93). – S. 154-162.

[9] Syrykh, V.M. Vedushchie pravovye doktriny sovremennoogo pravovedeniya / V.M. Syrykh // Pravovaya kul'tura. – 2023. – № 2 (53). – S. 88-97.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.11.2025 г.
Дата принятия рукописи к печати: 03.12.2025

DOI: 10.24412/3034-4395-2025-4-25-30

ХОДОСОВЦЕВ Никита Сергеевич,
студент 2 курса по специальности
Правовое обеспечение национальной безопасности
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Санкт-Петербургский университет МЧС России
государственной противопожарной службы
им. Героя РФ генерала армии Зиничева Е.Н.»
e-mail: info@law-books.ru

Научный руководитель:
МОИСЕЕНКО Михаил Иванович,
доцент кафедры административного права и процесса,
кандидат юридических наук,
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Санкт-Петербургский университет МЧС России
государственной противопожарной службы
им. Героя РФ генерала армии Зиничева Е.Н.»
e-mail: info@law-books.ru

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ И ГАРАНТИЙ НАСЕЛЕНИЯ (ГРАЖДАН) В СИТУАЦИЯХ, ТРЕБУЮЩИХ ВМЕШАТЕЛЬСТВА МЧС

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы обеспечения прав человека в условиях чрезвычайных ситуаций. Предметом рассмотрения являются правовые акты, составляющие законодательство Российской Федерации.

Ключевые слова: права человека и гражданина, обеспечение конституционных прав, чрезвычайное законодательство, чрезвычайная ситуация.

KHODOSOVTSEV Nikita Sergeevich,
second-year student majoring in
Legal Support of National Security
Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education
«Saint Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia
of the State Fire Service
named after Hero of the Russian Federation, General of the Army E.N. Zinichev»

Academic Supervisor:
MOISEENKO Mikhail Ivanovich,
Associate Professor, Department of Administrative Law and Procedure,
Candidate of Law,
Federal State Budgetary

ENSURING THE RIGHTS AND GUARANTEES OF THE POPULATION (CITIZENS) IN SITUATIONS REQUIRING THE INTERVENTION OF THE MINISTRY OF EMERGENCY SITUATIONS

Annotation. *This article examines issues of ensuring human rights in emergency situations. The subject of this article is the legal acts that constitute the legislation of the Russian Federation.*

Key words: *human and civil rights, ensuring constitutional rights, emergency legislation, emergency situation.*

В настоящее время одним из главных направлений государственной политики Российской Федерации по-прежнему остаётся обеспечение соблюдения гарантированных Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина, защита материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций [1].

В случаях, когда возникает реальная угроза для жизни и безопасности людей, для их имущества, жилища и др. применение специальных норм направлено на защиту этих прав и свобод. В Конституции Российской Федерации продекларировано, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» [2, ст. 2 гл.1]. Эти положения предоставляют конституционные гарантии и защиту прав человека в любых обстоятельствах, включая чрезвычайные ситуации.

Актуальность проблемы обусловлена тенденциями роста числа ЧС в Российской Федерации, количеством пострадавших и размером ущерба территориям, который причиняется опасными природными явлениями, авариями на промышленных предприятиях. Так, за период 2016-2022 г.г. в Российской Федерации только фактов введения режима ЧС федерального значения (обстановка, когда количество людей, погибших и (или) получивших ущерб здоровью, составляет свыше 500 человек либо размер материального ущерба составляет свыше 1,2 миллиарда рублей [3])

зарегистрировано 13(!) случаев. Существующее на сегодняшний день положение дел в сфере обеспечения безопасности личности общества и государства, в том числе в части, касающейся предупреждения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, стало предметом серьёзной озабоченности руководства Российской Федерации. Не случайно в мае 2024 года Президент РФ Владимир Путин, выступая на заседании Совета по стратегическому развитию и нацпроектам, назвал сбережение народа главным приоритетом развития страны [4].

Права граждан Российской Федерации в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций определены Федеральным законом от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [5, ст.18]. Согласно данному нормативно-правовому акту при введении режима чрезвычайной ситуации, высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации осуществляет меры, обусловленные развитием чрезвычайной ситуации, не ограничивающие прав и свобод человека и гражданина и направленные на защиту населения и территорий от чрезвычайной ситуации, создание необходимых условий для предупреждения и ликвидации чрезвычайной ситуации и минимизации ее негативного воздействия.

Несмотря на существующие конституционные гарантии обеспечения прав и свобод граждан, в настоящее время можно выделить ряд проблемных вопросов, препятствующих реализации этих самых прав и свобод.

В российском праве в общем юридиче-

ском смысле понятие «право» означает возможности, а гарантии – это средства, обеспечивающие реализацию и защиту прав. Кроме того, федеральные законы и другие нормативно-правовые акты устанавливают механизмы и процедуры для обеспечения защиты прав и свобод граждан в условиях чрезвычайных обстоятельств.

В этой связи необходимо также различать понятия «права предоставлены законом» и «права гарантированы законом». В первом случае это означает, что субъекту права дано правовое разрешение на осуществление определенного действия в соответствии соотствующим законом. При этом закон не даёт гарантии, что субъект права будет в состоянии реализовать это право, так как могут возникнуть другие ограничения, например, наложенные судебными или иными органами.

Фраза же «права гарантированы законом» означает, что субъект права гарантированно осуществляет это самое право в соответствии с законодательством, но при условии отсутствия препятствий или нарушении прав других лиц. Это значит, что субъект права имеет разрешение на реализацию права и ему гарантирована защита от нарушения этого права.

Так, например, согласно вышеупомянутой ст. 18 Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» граждане РФ имеют право «на возмещение ущерба, причиненного их здоровью и имуществу вследствие чрезвычайных ситуаций». Органы государственной власти субъектов Российской Федерации (в соответствии с тем же Федеральным законом от 21 декабря 1994 года № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера») принимают решения об осуществлении единовременных денежных выплат гражданам Российской Федерации, иностранным гражданам и лицам без гражданства в случаях возникновения чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, включая определение случаев осуществления единовременных денежных выплат, а также круга лиц, которым указанные выплаты будут осуществлены. Единовременные денежные выплаты осуществляются согласно распоря-

жению органа государственной власти субъектов Российской Федерации о выделении средств фонда пострадавшим людям на основании списков пострадавших граждан, приложенных к этому распоряжению. Такие списки составляются на основании актов обследования жилого помещения и имущества пострадавших граждан (акты также прилагаются к списку).

Для определения прав населения на получение указанных выплат, и, соответственно, на включение списки, имеет факт проживания на территории, признанной как территорией чрезвычайной ситуации, причинение соответствующего ущерба и доказанность утраты имущества первой необходимости. Бремя доказывания обстоятельств, определяющих указанное право, лежит на гражданах.

При этом факт проживания лица на соответствующей территории на момент чрезвычайной ситуации подтверждается наличием постоянной регистрации по месту жительства [6, ст.2]. Если на момент чрезвычайной ситуации на соответствующей территории у гражданина отсутствует постоянная регистрация по месту жительства, факт его проживания в целях включения в списки и предоставления выплат может лица на быть установлен только в судебном порядке, т.к. регистрация по месту жительства сама по себе не порождает права и обязанности и не служит основанием ограничения или условием реализации прав и свобод гражданина.

Некоторые проблемы обеспечения прав и гарантий населения в ситуациях, требующих вмешательства сотрудников или подразделений МЧС, порождаются тем, что правовое регулирование общественных отношений не всегда успевает за их развитием. Другими словами, право не может развиваться с тем же темпом, что и общественные отношения, что вызвано появлением новых отношений, выявлением проблем и противоречий в них, поиском путей и способов их решения, а также процедурой принятия нормативно-правовых актов.

Так, в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19) в чрезвычайное законодательство были внесены существенные изменения, согласно которым, основанием для введения режима чрезвычай-

ной ситуации стало «распространение заболевания, представляющего опасность для окружающих» [7]. Кроме того, Правительству РФ представлено право на введение режима повышенной готовности и режима чрезвычайной ситуации как во всей стране, так и в ее отдельных регионах.

При этом возникла правовая коллизия между нормами закона о чрезвычайных ситуациях. Её суть: с одной стороны при принятии мер по защите населения и территории от чрезвычайных ситуаций закон не позволяет ограничивать права и свободы граждан [5, ст.4.1], а с другой стороны – Правительству РФ и органам государственной власти субъектов РФ позволительно устанавливать правила поведения в период режима повышенной готовности или режима чрезвычайных ситуаций [5, ст.ст. 10,11], в том числе ограничивающие конституционное право граждан на свободу передвижения. При этом законодателем не устанавливаются пределы правового регулирования поведения граждан и организаций в период режима повышенной готовности или режима чрезвычайных ситуаций, а также допустимых ограничений их прав при режиме повышенной готовности и режиме чрезвычайных ситуаций. Это допускает возможность злоупотребления со стороны органов государственной власти и нарушения ими основополагающих конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Для обеспечения эффективной работы федеральных органов исполнительной власти по защите и обеспечению прав и свобод человека и гражданина в чрезвычайных ситуациях требуется хорошо организованная система, включающая комплекс управлеченческих органов. В данную систему входят различные штабы, состоящие из сотрудников МВД России и МЧС России, воинских частей Росгвардии и иных подразделений, принимающих участие в действиях при чрезвычайных ситуациях. В особых обстоятельствах может быть создан и оперативный штаб совместного действия, который будет выполнять роль экстренного управлеченческого органа, мобилизуя все доступные ресурсы и возможности [8, с. 17].

Для эффективного решения задач по обеспечению прав и гарантий исследователями предлагается принять ряд мер [8, с. 19].

Во-первых, усилить сотрудничество и координацию между федеральными органами исполнительной власти, ответственными в области рассматриваемых правоотношений, и органами, участвующими в ликвидации чрезвычайных ситуаций.

Во-вторых, требуется продолжить улучшение нормативно-правовой базы, включая федеральное законодательство, в сфере чрезвычайных ситуаций и защиты прав и свобод граждан.

В-третьих, важно проводить систематическую подготовку и обучение кадров, работающих в органах МЧС России, МВД России и других государственных органах, чтобы они были готовы эффективно действовать в условиях чрезвычайных ситуаций и соблюдать принципы защиты прав и свобод граждан.

Говоря о проблеме обеспечения прав и гарантий населения (граждан) в условиях чрезвычайных ситуаций, некоторые исследователи отмечают сложность этого процесса, обусловленного его комплексным характером, и видят его решение в сфере кодификации законодательства.

Так, например, в связи с кодификацией нормативных актов, действующих в сфере предупреждения и ликвидации ЧС техногенного и природного характера, предлагается создать Кодекс гражданской защиты населения Российской Федерации. «Кодекс гражданской защиты населения Российской Федерации, подобно Уголовному кодексу Российской Федерации должен выступать в качестве «юридического монополиста» (выражение В.Д. Сорокина). Такой подход в наибольшей степени отвечает требованиям эффективного регулирования общественных отношений в рассматриваемых условиях, а также является необходимым условием соблюдения базовых положений в процессе строительства правового государства» [9, с. 229]. Разработка и принятие в действие данного кодекса по мнению инициаторов введения данного нормативно-правового акта позволит упразднить значительное количество нормативных актов, нормы которых регулируют общественные отношения в указанной сфере.

Любое право остается фикцией, если нет определенных условий его осуществления. Для реального воплощения субъективных

прав требуются многие условия, в том числе лежащие за рамками права, закона: экономические, политические и другие. Таким образом, вопросы обеспечения прав и свобод человека при чрезвычайных обстоятельствах и

в условиях введения чрезвычайного законодательства находится в дальнейшем правовом регулировании правозащитной и правоприменительной практики.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. – 1993. – 25 дек.; // URL: <http://pravo.gov.ru>. (дата обращения 16.10.2025).

[2] Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территории от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера». (дата обращения 16.10.2025).

[3] Федеральный закон от 01.04.2020 № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349080/ (дата обращения 16.10.2025).

[4] Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территории от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера». (дата обращения 20.10.2025).

[5] Закон Российской Федерации от 25.06.1993 года № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2255/ (дата обращения 20.10.2025).

[6] Постановление Правительства РФ от 21.05.2007г. № 304 «О классификации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (с изменениями и дополнениями) // СПС Гарант. URL: <https://base.garant.ru/12153609> (дата обращения 20.10.2025).

[7] Басова Ю.Ю. Научные подходы к совершенствованию нормативно-правовой базы в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций техногенного и природного характера // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2019. Т. 5 (71). № 3. С. 226–231.

[8] Морева А.А., Асеев И.И. Организация деятельности федеральных государственных органов по обеспечению и защите прав и свобод человека и гражданина в условиях чрезвычайной ситуации // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2023. № 3 (60). С. 16–21.

[9] Путин счел сбережение народа главным приоритетом развития страны // Газета. Ru. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2024/05/29/23126917> (дата обращения 16.10.2025).

Spisok literatury:

[1] Konstitutsiiia Rossiiskoi Federatsii (priniata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabria 1993 g.) // Rossiiskaia gazeta. – 1993. – 25 dek.; // URL: <http://pravo.gov.ru>. (data obrashcheniiia 16.10.2025).

[2] Federal'nyi zakon ot 21 dekabria 1994 g. № 68-FZ «O zashchite naseleniiia i territorii ot chrezvychainykh situatsii prirodnogo i tekhnogenogo kharaktera». (data obrashcheniiia 16.10.2025).

[3] Federal'nyi zakon ot 01.04.2020 № 98-FZ «O vnesenii izmenenii v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii po voprosam preduprezhdeniiia i likvidatsii chrezvychainykh situatsii» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349080/ (data obrashcheniiia 16.10.2025).

[4] Federal'nyi zakon ot 21 dekabria 1994 g. № 68-FZ «O zashchite naseleniiia i territorii ot chrezvychainykh situatsii prirodnogo i tekhnogenogo kharaktera». (data obrashcheniiia 20.10.2025).

[5] Zakon Rossiiskoi Federatsii ot 25.06.1993 goda № 5242-1 «O prave grazhdan Rossiiskoi Federatsii na svobodu peredvizheniiia, vybor mesta prebyvaniia i zhitel'stva v predelakh Rossiiskoi

Federatsii» (posledniaia redaktsiia) // SPS Konsul'tantPlius. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2255/ (data obrashcheniia 20.10.2025).

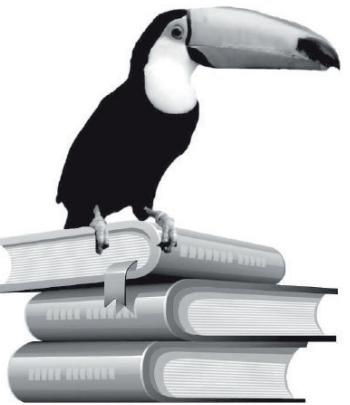
[6] Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 21.05.2007g. № 304 «O klassifikatsii chrezvychainykh situatsii prirodnogo i tekhnogennogo kharaktera» (s izmeneniiami i dopolneniiami) // SPS Garant. URL: <https://base.garant.ru/12153609> (data obrashcheniia 20.10.2025).

[7] Basova Iu.Iu. Nauchnye podkhody k sovershenstvovaniu normativno-pravovoi bazy v sfere preduprezhdenii i likvidatsii chrezvychainykh situatsii tekhnogennogo i prirodnogo kharaktera // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo Iuridicheskie nauki. – 2019. T. 5 (71). № 3. S. 226–231.

[8] Moreva A.A., Aseev I.I. Organizatsiia deiatel'nosti federal'nykh gosudarstvennykh organov po obespecheniiu i zashchite prav i svobod cheloveka i grazhdanina v usloviakh chrezvychainoi situatsii // Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychainye situatsii. – 2023. № 3 (60). S. 16–21.

[9] Putin schel sberezhenie naroda glavnym prioritetom razvitiia strany // Gazeta.Ru. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2024/05/29/23126917> (data obrashcheniia 16.10.2025).

**Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ГОГИЧАШВИЛИ Нина Николаевна,
студентка группы Юрб 23-2
3-го курса Юридического факультета ФГБОУ ВО
«Северо-Кавказский горно-металлургический институт
(государственный технологический университет)»
г. Владикавказ
e-mail: info@law-books.ru

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА В МЕЖДУНАРОДНЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. Такое явление, как суррогатное материнство, несмотря на то, что существует уже почти 50 лет, с правовым регулированием этого вопроса все еще возникает много вопросов и несостыковок. Поэтому было довольно интересно углубиться в вопрос и узнать, как и по каким законам действует эта процедура, особенно если попадает в правовое поле сразу нескольких стран одновременно, что случается особенно часто в связи с распространением репродуктивного туризма.

Ключевые слова: суррогатное материнство, репродуктивный туризм, вспомогательные репродуктивные технологии, коммерческое суррогатное материнство, гестационное суррогатное материнство.

GOGICHASHVILI Nina Nikolaevna,
a third-year student in the Yurb 23-2 group,
Faculty of Law, Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education
«North Caucasus Mining and Metallurgical Institute»
(State Technological University),
Vladikavkaz

LEGAL ASPECTS OF SURROGATE MOTHERHOOD IN INTERNATIONAL CONDITIONS

Annotation. Despite the fact that surrogacy has been around for almost 50 years, there are still many questions and inconsistencies regarding its legal regulation. Therefore, it was quite interesting to delve into the issue and find out how this procedure works under the laws of multiple countries, which is especially common due to the prevalence of reproductive tourism.

Key words: surrogate motherhood, reproductive tourism, assisted reproductive technologies, commercial surrogate motherhood, gestational surrogate motherhood.

Введение. Для начала стоит охарактеризовать понятие, о котором мы будем говорить. Это процедура по оплодотворению женщины, которая не является матерью будущего ребенка на генетическом уровне, с помощью половых клеток генетических родителей. Обращаются за этой услугой по разным причинам, но в основном из-за неспособности генетической

матери иметь детей.

Данный вид суррогатного материнства называют гестационным. Так же выделяют генетическое или традиционное суррогатное материнство. Под термином подразумевают, что в роли суррогатной выступает генетическая мать, использующая собственные яйцеклетки и сперматозоиды донора для процедуры. Но

далее в тексте об этом виде материнства речь не пойдет.

Суррогатное материнство также можно разделить на коммерческое, предполагающее, что суррогатная мать получит вознаграждение за оказанную помощь, и некоммерческое, при котором суррогатная мать соглашается помочь исключительно из альтруистических побуждений.

Анализ современных публикаций. Анализ современных публикаций дает понять, что ситуации, в которых люди хотят воспользоваться процедурой суррогатного материнства в иностранных государствах, очень распространены, а вопросы касающихся регулирования этого процесса довольно много. Среди различных законодательств можно выделить три позиции относительно правового регулирования суррогатного материнства: запрет процедуры и на коммерческой, и на безвозмездной основе; разрешение на проведение процедуры только на безвозмездной основе и, наконец, полный доступ как к безвозмездной, так и к коммерческой форме процедуры [3].

В большинстве стран мира суррогатное материнство запрещено или доступ к нему сильно усложнен. Поэтому сначала поговорим о тех государствах, которые совершенно не подойдут для репродуктивного туризма с целью использования услуг местных суррогатных матерей.

Например, в Германии не допускается не только эта процедура, но и любые врачебные действия, влекущие за собой неправомерное обращение с эмбрионами. И в том случае, если граждане воспользуются этой услугой в тех странах, где это разрешено, государство не признает такого ребенка своим гражданином даже с помощью генетической экспертизы подтверждающей родство. А медперсонал, участвовавший в проведении подобных операций, может понести уголовную ответственность вплоть до трех лет лишения свободы. Многие считают, что такой бескомпромиссный подход связан с нелицеприятным прошлым, в котором Третий Рейх проявлял огромный интерес к биотехнологиям.

Законодательное регулирование суррогатного материнства в Швейцарии началось в 90-ые годы прошлого века. Сначала ограничительные меры приняли отдельные кантоны,

а потом запрет вышел и на федеральный уровень. Сейчас врачей за проведение процедуры ждет уголовная ответственность.

Во Франции любые соглашения, связанные с деторождением или вынашиванием беременности для иного лица считаются недействительными. А уголовная ответственность в виде лишения свободы до трех лет грозит каждому, кто принимал участие в программе суррогатного материнства. Об этом говорится прямо во французском Гражданском Кодексе.

И в Норвегии ситуация примерно такая же. Так как на территории страны любые операции по донорству яйцеклеток запрещены, а матерью признается только женщина, родившая ребенка.

А Италия в 2024-ом году ужесточила закон, и теперь ее граждане не имеют возможности пользоваться услугами суррогатного материнства даже за пределами своей родины, а не только внутри нее. За нарушения закона им грозит уголовная ответственность. Эти изменения, вероятно, были продиктованы новым более консервативным политическим курсом.

В большинстве остальных стран Европы, например, Дании, Австрии, Румынии, Люксембурге, Монако и др. законодательство действует по подобному принципу. Это связано со Специальным экспертным комитетом Советом Европы по биоэтике и искусственным методам деторождения 1989-го года. На нем была полностью исключена возможность коммерческого суррогатного материнства [2].

Полный запрет на суррогатное материнство действует и во многих странах Азии: Китай, Малайзия и т.п.

Интересное положение у Таиланда. До 2014-го года страна была одной из популярных для репродуктивного туризма, но в 2015-ом был введен запрет для иностранцев на пользование услугами суррогатного материнства. В 2024-ом году началась разработка законопроекта, который вернул бы иностранцам право пользоваться процедурой наравне с гражданами страны, но он так и не был принят. В Непале сложилась идентичная ситуация. Там схожий запрет ввели всего на месяц позже, чем в Таиланде и никаких попыток отменить его не предпринималось.

Индия долгое время считалась самой популярной страной для репродуктивного туризма

в поисках суррогатных матерей. С 2002 года было принято Национальное руководство по аккредитации, надзору и регулированию клиник ВРТ (вспомогательные репродуктивные технологии). Вместе с этим законом легализовалось и коммерческое суррогатное материнство. Такое решение связано с желанием страны развивать медицинский туризм. Эта отрасль была довольно успешной и приносила почти 400 миллионов долларов ежегодно. Настолько популярной для репродуктивного туризма Индию делало практически не регулируемая, а поэтому дешевая и доступная процедура суррогатного материнства. Это выгодно выделяло страну на фоне западных стран, где процедура в большинстве случаев сопровождается бюрократическими сложностями и дороговизной всего процесса. Но, не смотря на коммерческую выгодность и популярность для иностранных граждан, начиная с 2016-го года, постепенно был принят ряд ограничительных мер, в совокупности вылившийся в «Закон о регулировании суррогатного материнства» 2021-го года. Согласно этому законодательному акту процедурой суррогатного материнства могут пользоваться только граждане Индии с набором определенных обязательных условий, а также суррогатное материнство не может быть коммерческим [4].

До недавнего времени Россия тоже была весьма доступной для суррогатного туризма. Но в 2022-ом году в силу вступил Федеральный Закон № 538, который запретил иностранным гражданам пользоваться услугами суррогатного материнства, кроме случаев, когда иностранец находится в браке с гражданином или гражданкой Российской Федерации [1].

Далее нам нужно упомянуть страны, у которых нет официальной, закрепленной в законодательстве позиции относительно правового регулирования суррогатного материнства. В них можно воспользоваться услугами суррогатного материнства, но власти не смогут гарантировать того, что услуги будут предоставлены надлежащим образом. Например, так действует Бельгия. В ней до сих пор не существует специализированного законодательного акта, регулирующего процесс суррогатного материнства. То есть все договоры или контракты, связанные с такой процедурой,

не имеют никакой юридической силы и их надлежащее исполнение гарантирует только сама клиника, предоставляющая услуги. Это влечет за собой разнообразные риски, потому что, если суррогатная мать не захочет отказываться от своих прав на ребенка, суд Бельгии встанет на ее сторону, а биологические родители потеряют деньги и останутся без ребенка.

Такую же политику «невмешательства» выбрало еще несколько государств: Эстония, Греция, Латвия, Литва и др.

Теперь можно поговорить о странах, наиболее подходящих для репродуктивного туризма или суррогатного материнства в частности.

В Соединенных Штатах нет национального законодательства о суррогатном материнстве. Это объясняется федеральной системой, оставляющей штатам довольно широкий спектр полномочий в определенных областях, в том числе и в сфере семейного права. В 1980-х годах была предпринята попытка урегулировать процесс на федеральном уровне, но этот законопроект не встретил достаточной поддержки для реализации. Но за счет штатов Калифорния, Коннектикут, Мэн. Делавэр, Нью-Джерси, Вашингтон, Невада, Вермонт, Нью-Гэмпшир, Род-Айленд, округ Колумбия, где процедура разрешена США занимает лидирующие позиции по количеству случаев суррогатного материнства: около 8000 случаев ежегодно.

Довольно либеральна политика Кыргызстана относительно суррогатного материнства так же очень привлекательна для иностранцев. В стране разрешено коммерческое суррогатное материнство и практически никак не ограничивается круг лиц, которые могут им воспользоваться. А родительские права получаются автоматически, освобождая суррогатную мать от юридических обязательств по содержанию ребенка после его рождения.

Хоть для иностранных туристов Казахстан и не так популярен для суррогатного туризма, как те же Соединенные Штаты, но первая эко-лаборатория там функционирует еще с 1995-го года. По сравнению с США для иностранцев Казахстан выгодно отличает дешевизна процедуры. Но в отличие от Кыргызстана можно столкнуться с ограничениями

из-за особых условий участия в программе: будущие биологические родители официально должны состоять в браке, а одинокие женщины и мужчины не могут воспользоваться этой процедурой в Казахстане [7].

Конечно есть еще достаточное количество стран с законным доступом к суррогатному материнству, но ситуация в них либо идентична вышеописанным примерам других государств, либо слишком затруднена для иностранных граждан, чтобы говорить о них в этой части статьи.

Вывод. Подводя итоги статьи можно сказать, что обстановка вокруг суррогатного материнства и его законности еще долгое время будет острой, потому что им недовольны, как представители консервативных течений, так и более демократически настроенные полити-

ки и активисты. Но это не отменяет того, что существование такой процедуры необходимо, и огромное количество людей в ней нуждается. Можно заметить, что обычно суррогатное материнство, в том числе и для иностранных граждан поддерживают развивающиеся страны, планирующие активно расширять свою экономику. И когда экономика страны достигнет необходимого уровня, суррогатное материнство упраздняется. А вместе с этим запретом со страны, как будто снимается статус «инкубатора для иностранцев». Но это только видение автора статьи, и оно не охватывает всех стран и их политики, а только пытается найти причину столь нестабильного положения одной и той же процедуры на разных территориях и в разное время.

Список литературы:

- [1] Алексеева Г.И, Домбровская Е.Н. А.Ю Kochurina // «Репродуктивный туризм» в России: возможности и проблемы применения суррогатного материнства. // Сборник научных трудов студентов и аспирантов. – 2018. – С. 305-310.
- [2] Бардашевич Я.В. Особенности правового регулирования института суррогатного материнства на примере зарубежных стран // Эпомен. – 2021. – № 51. – С. 97-120.
- [3] Гулько А.С. Правовые проблемы суррогатного материнства
В сборнике: Правовые и социально-экономические проблемы современной России: теория и практика. // Сборник статей XII Международной научно-практической конференции. Пенза. – 2024. – С. 136-140.
- [4] Кдлян Е.Л., Магдесян Г.А Репродуктивный туризм: теоретико-правовой аспект // Е.Л. Кдлян, Г.А. Магдесян // Интегрированные коммуникации в спорте и туризме: образование, тенденции, международный опыт. – 2018. –Краснодарский край, г. Сочи. – С. 296-299.
- [5] Конституция Индии // Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=28>
- [6] Саввина О.В. Влияние «репродуктивного туризма» на законодательство, регулирующее суррогатное материнство // Lex Russica (Русский закон). – 2018. – № 2 (135). – С. 140-147.
- [7] Шефер Ю.В. Сравнительно-правовой анализ законодательства в области суррогатного материнства // Актуальные проблемы правотворчества и правоприменительной деятельности в Российской Федерации. // Материалы межвузовской научной студенческой конференции. – 2019. – С. 506-509.

Spisok literatury:

- [1] Alekseeva G.I, Dombrovskaia E.N. A.Iu Kochurina // «Reproduktivnyi turizm» v Rossii: vozmozhnosti i problemy primeneniiia surrogatnogo materinstva. // Sbornik nauchnykh trudov studentov i aspirantov. – 2018. – S. 305-310.
- [2] Bardashevich Ia.V. Osobennosti pravovogo regulirovaniia instituta surrogatnogo materinstva na primere zarubezhnykh stran // Epomen. – 2021. – № 51. – S. 97-120.
- [3] Gul'ko A.S. Pravovye problemy surrogatnogo materinstva
V sbornike: Pravovye i sotsial'no-ekonomicheskie problemy sovremennoi Rossii: teoriia i praktika. // Sbornik statei XII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Penza. – 2024.

– S. 136-140.

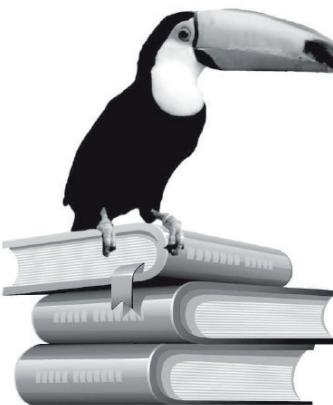
[4] Kdlian E.L., Magdesian G.A *Reproduktivnyi turizm: teoretiko-pravovoi aspekt* // E.L. Kdlian, G.A. Magdesian // *Integrirovannye kommunikatsii v sporte i turizme: obrazovanie, tendentsii, mezhdunarodnyi opyt.* – 2018. –Krasnodarskii krai, g. Sochi. – S. 296-299.

[5] Konstitutsiiia Indii // Internet-biblioteka konstitutsii Romana Pashkova. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=28>

[6] Savvina O.V. *Vliianie «reproduktivnogo turizma» na zakonodatel'stvo, reguliruiushchee surrogatnoe materinstvo* // *Lex Russica (Russkii zakon).* – 2018. – № 2 (135). – S. 140-147.

[7] Shefer Iu.V. *Sravnitel'no-pravovoi analiz zakonodatel'stva v oblasti surrogatnogo materinstva // Aktual'nye problemy pravotvorchestva i pravoprimenitel'noi deiatel'nosti v Rossiiskoi Federatsii.* // *Materialy mezhvuzovskoi nauchnoi studencheskoi konferentsii.* – 2019. – S. 506-509.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профessionально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.11.2025 г.
Дата принятия рукописи к печати: 03.12.2025

DOI: 10.24412/3034-4395-2025-4-36-38

*ДЕХАНОВ Сергей Александрович,
профессор кафедры конституционного и гражданского права
Государственного университета просвещения,
профессор кафедры гражданского права
Российской таможенной академии,
доктор юридических наук, доцент
г. Москва, Россия,
e-mail: daad95@mail.ru*

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРИНЦИПА РАЗГРАНИЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И НЕГОСУДАРСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ - ПРЕДЕЛЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В статье предпринята попытка обосновать цели государства через его конституционный строй. В работе авторы приходят к выводу, что конституция сама по себе не может обеспечить реализацию конституционного строя. Реализация основ конституционного строя возлагается на государство, при этом государство должно ограничить себя в той сфере, которая затрагивает частную жизнь граждан и определяет меру их свободной и беспрепятственной деятельности. Естественным ограничителем пределов деятельности государства должно выступать развитое гражданское общество, а равновесие между гражданским обществом и государством должен обеспечивать парламент.

Ключевые слова: государство, конституция, конституционный строй, цели государства, пределы деятельности государства, парламент.

*DEKHANOV Sergey Aleksandrovich,
Professor of the Department of Constitutional and Civil Law
at the State University of Education,
Professor of the Department of Civil Law
at the
Russian Customs Academy,
Doctor of Law, Associate Professor
Moscow, Russia*

CONSTITUTIONAL FOUNDATIONS OF THE PRINCIPLE OF DISTINGUISHING STATE AND NON-STATE ACTIVITIES—LIMITS OF STATE ACTIVITIES

Annotation. The article attempts to justify the goals of the state through its constitutional system. The author concludes that the constitution itself cannot ensure the implementation of the constitutional system. The implementation of the foundations of the constitutional system is entrusted to the state, and the state must limit itself in areas that affect the private lives of citizens and determine the extent of their free and unrestricted activities. A developed civil society should serve as a natural

limit to the state's activities, and the balance between civil society and the state should be ensured by the parliament.

Key words: *state, constitution, constitutional system, state goals, limits of state activity, parliament.*

Любое современное государство имеет свои особенности. Эти особенности закреплены в конституции и образуют его конституционный строй. Основы конституционного строя Российской Федерации закреплены в Главе 1 Конституции.

В Российской Федерации основами конституционного строя являются народовластие, государственный суверенитет, разделение властей, республиканская форма правления, приоритет права и свобод человека и гражданина, федерализм, идеологическое многообразие и политический плюрализм, социальное государство, свобода хозяйствования и многообразие форм собственности.

Конституция сама по себе в ее статическом состоянии не может обеспечить реализацию основ конституционного строя. Для этого у конституции есть институт государства, именно государство, в первую очередь, и призвано обеспечить реализацию этих основ.

Обеспечение основ конституционного строя – и есть первоочередная цель государства.

Но, может быть, у государства есть еще и другие цели или, можно сформулировать иначе, а какие цели были у государства в доконституционный период.

По этому поводу И.Кант писал: «Познания целей государства – вопрос не простой, так как «добраться до начального периода государства невозможно (ибо дикии не составляют никакого документа относительно своего подчинения закону)» [3, с. 266].

Единственным, пожалуй, исключением является история США, в частности, период расселения в Новой Англии пуритан, которые объединились в политический союз и наметили его цели.

Задолго до вышеотмеченного события, не имея под рукой эмпирического материала, философы и юристы, государственные деятели на доктринальном уровне выработали, так называемый реестр целей государства, основная идея которого сводится к тому, что государство возникает в тот момент, когда оно в каче-

стве своей субъективной цели видит удовлетворение некой или неких потребностей лиц, учредивших это государство.

Определенной цели должна соответствовать форма государства.

Но уже в те давние исторические времена многим было понятно, что государство должно ограничить себя в той сфере, которая затрагивает частную жизнь граждан и определяет меру их свободной и беспрепятственной деятельности. Основной принцип состоит в том, что каждый человек пользуется самой полной свободой, развивая все свои своеобразные способности.

Но это только в теории, а на практике? Формулируя задачи для реализации поставленных целей, часть из которых государство должно реализовать лично, для этого оно и создается, а другую часть – передать обществу и его членам. В этом случае государство получает дополнительное наименование: конституция или демократия. Современные правовые государства так можно и называть.

И все же, и это подтверждено опытом, зачастую государства не признают никаких других границ, кроме тех, которые такие государства устанавливают для себя сами. Поэтому естественным ограничителем пределов деятельности государства должно выступать развитое гражданское общество, которое должно постоянно напоминать государству о тех целях, ради которых оно создано и законным способом предотвращать интервенцию государства в частно-хозяйственную сферу. А равновесие между гражданским обществом и государством должен обеспечивать парламент [1, с. 13–15; 2, с. 2–5].

Парламент является неким стержнем для гражданского общества и государства, гарантом ненасильственно и добровольно устанавливаемой социально-политической гармонии.

Но, конечно же, эффективным механизмом ограничения деятельности государства является конституция. Несмотря на практически всеобщее признание принципа ограничения деятельности государства, например, в

Европе имеется только конституция одного государства – конституция Швейцарии, где легально ограничены пределы деятельности государства. В конституции Швейцарской конфедерации просто и лаконично записано: «Право является основой государства, и оно устанавливает пределы его деятельности» [4].

Конституции других стран прямого ограничения деятельности государства не содержат, эта норма выводится путем синтетического обобщения группы норм и принципов.

Применительно к Российской Федерации, начиная с конца 20 столетия, стала модной и востребованной теория малого государства. Концепцию малого государства отстаивали многие видные российские ученые. Малое государство – это недорогое государство. Большое государство – большие налоги и дорогое государство.

Внешние условия, а особенно события,

последовавшие после начала СВО, в данный момент не только ставят под сомнение теорию малого государства, но, наверное, ее и опровергают. Необходимость радикального увеличения выпуска военной продукции отчетливо указали на то, что в настоящее время публичная собственность должна в первую очередь использоваться в целях обеспечения обороны страны и безопасности государства.

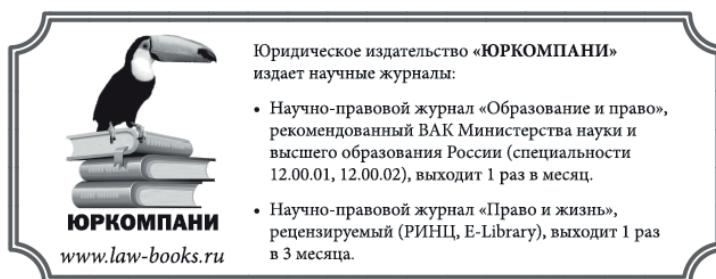
Таким образом, на основании вышеизложенного, можно сделать следующие выводы. У любого государства должны быть цели, цели должны быть закреплены в конституции, государство не должно выходить за пределы конституционных целей, ограничивая себя только реализацией необходимого. Если цели выполнены или они были сформулированы ошибочно или объективно недостижимы, в конституцию должны быть внесены изменения.

Список литературы:

- [1] Деханов С.А. *Адвокатура, гражданское общество, государство//адвокат.* 2004. № 12. С. 13–15.
- [2] Деханов С.А. *О пределах деятельности государства, гражданском обществе, парламенте // Конституционное и муниципальное право.* 2007. №3. С. 2–5.
- [3] Кант И. *Сочинения в шести томах.* М., Мысль, 1965 (Философ. Наслед. Акад. наук СССР. Ин–т философии, т. 4, ч. 2.).
- [4] Конституция Швейцарской конфедерации // URL: legalns.com (дата обращения 24.01.2025).

Spisok literatury:

- [1] Dekhanov S.A. *Advokatura, grazhdanskoe obshchestvo, gosudarstvo//advokat.* 2004. № 12. S. 13–15.
- [2] Dekhanov S.A. *O predelakh deiatel'nosti gosudarstva, grazhdanskom obshchestve, parlamente // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo.* 2007. №3. S. 2–5.
- [3] Kant I. *Sochineniya v shesti tomakh.* M., Mysl', 1965 (Filosof. Nasled. Akad. nauk SSSR. In-t filosofii, t. 4, ch. 2.).
- [4] Konstitutsiya Shveitsarskoi konfederatsii // URL: legalns.com (data obrashcheniya 24.01.2025).

ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.11.2025 г.
Дата принятия рукописи к печати: 03.12.2025

DOI: 10.24412/3034-4395-2025-4-39-44

ГУСАЙМ А.И.,
магистрант направления 40.04.01 «Юриспруденция»,
профиль «Правовое обеспечение деятельности корпоративного юриста»
ЧОУВО «Московский университет имени С.Ю. Витте»,
г. Москва,
e-mail: agusaim@internet.ru

КОРПОРАТИВНЫЙ ДОГОВОР В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Аннотация. В представленной статье предпринята попытка комплексного исследования теоретических и практических аспектов правовой природы корпоративного договора в российском праве. Корпоративный договор рассматривается как относительно новая для отечественного законодательства конструкция, закреплённая в Гражданском кодексе Российской Федерации и получившая дальнейшее развитие в отраслевых законах, регулирующих деятельность хозяйственных обществ. Особое внимание уделено анализу положений ст. 67.2 ГК РФ, определяющей содержание и пределы действия данного института, а также выявлению его соотношения с иными корпоративными источниками регулирования, прежде всего с уставом общества.

В теоретической части статьи обобщены и систематизированы научные подходы к квалификации корпоративного договора. В частности, рассмотрены точки зрения, согласно которым данный договор может пониматься как обязательственное соглашение между участниками, как разновидность организационных актов или как смешанная правовая конструкция, сочетающая элементы обязательственного и корпоративного регулирования. Подчёркивается, что отсутствие единой доктринальной позиции затрудняет правоприменение и обуславливает неоднозначность судебных решений.

Практическая часть исследования основана на анализе судебной практики арбитражных судов, которая демонстрирует наиболее проблемные аспекты применения корпоративных договоров. Среди них выделяются вопросы приоритета устава над условиями договора, возможности признания недействительными решений органов управления, принятых в нарушение условий соглашения, а также проблема определения мер ответственности участников за недобросовестное или ненадлежащее исполнение принятых обязательств.

Ключевые слова: корпоративный договор, корпоративное право, правовая природа, устав общества, судебная практика.

GUSAIM A.I.,
Master's student of the program 40.04.01 Law,
profile "Legal support of corporate lawyer's activities"
Moscow Witte University,
Moscow, Russia

CORPORATE AGREEMENT IN RUSSIAN LAW: ISSUES OF LEGAL NATURE AND JUDICIAL PRACTICE

Annotation. *In the present article, an attempt is made to conduct a comprehensive study of the theoretical and practical aspects of the legal nature of the shareholders' agreement (corporate agreement) in Russian law. The shareholders' agreement is examined as a relatively new construct for domestic legislation, enshrined in the Civil Code of the Russian Federation and further developed in sector-specific laws regulating the activities of business entities. Particular attention is paid to the analysis of Article 67.2 of the Civil Code of the Russian Federation, which defines the content and scope of this institution, as well as to the identification of its correlation with other corporate regulatory sources, primarily with the company's charter.*

In the theoretical part of the article, the scholarly approaches to the qualification of the shareholders' agreement are summarized and systematized. In particular, various points of view are considered, according to which such an agreement may be understood as: an obligation-based arrangement between the parties, a form of organizational act, or a hybrid legal construct combining elements of contractual and corporate regulation. It is emphasized that the absence of a unified doctrinal position complicates law enforcement and results in inconsistent judicial decisions.

The practical part of the study is based on the analysis of arbitrazh (commercial) court practice, which demonstrates the most problematic aspects of applying shareholders' agreements. Among these are the issues of the charter's priority over the provisions of the agreement, the possibility of invalidating decisions of management bodies adopted in violation of the terms of the agreement, as well as the problem of determining measures of liability for participants' bad faith or improper performance of their obligations.

Key words: shareholders' agreement, corporate law, legal nature, company's charter, judicial practice.

Корпоративный договор - продукт английской юриспруденции, первое упоминание о котором можно встретить уже в начале XIX века. Это отчётливо видно из постановлений английских судов 1820-1840 годов. «Shareholders agreement» был выведен английской юриспруденции из общеправового принципа свободы договора, а затем получил точечную проработку на уровне судебной практики.

В России институт корпоративного договора впервые был внедрён в российский правопорядок лишь в 2008 году, когда были внесены соответствующие положения в специальное законодательство об обществах с ограниченной ответственностью и об акционерных обществах. Дальнейшее закрепление института произошло уже на уровне Гражданского кодекса, в который в 2014 году были внесены соответствующие изменения.

Несмотря на то, что исследуемый институт является относительно молодым для российского правопорядка, сложилась обширная судебная практика по спорным вопросам корпоративного договора. В рамках указанной

статьи постараемся тезисно изложить выводы такой правоприменительной практики.

Несмотря на достаточно продолжительный период его действия, вопросы правовой природы корпоративного договора до настоящего времени не получили однозначного решения как в теории, так и в судебной практике. Одни исследователи рассматривают его как разновидность гражданско-правовой сделки, другие – как локальный нормативный акт, третьи – как особый институт, занимающий промежуточное положение между договором и внутренним актом юридического лица.

Ключевая особенность корпоративного договора заключается в его факультативности: стороны самостоятельно решают, заключать ли его и в какой форме. В отличие от устава общества, корпоративный договор не подлежит государственной регистрации и имеет конфиденциальный характер.

Корпоративный договор, закреплённый в ст. 67.2 Гражданского кодекса Российской Федерации, является одним из новых инструментов регулирования корпоративных отношений. Он позволяет участникам хозяйств

ственных обществ согласовывать порядок осуществления корпоративных прав, условия голосования, правила отчуждения долей и иные вопросы взаимодействия.

Однако до настоящего времени не выработано единого подхода к его правовой природе. В доктрине встречаются три основные позиции: признание корпоративного договора гражданско-правовой сделкой, локальным нормативным актом либо самостоятельным институтом, сочетающим черты обоих элементов.

Судебная практика также остаётся неоднородной. Верховный Суд РФ неоднократно указывал на необходимость учитывать баланс интересов сторон, однако в делах об оспаривании решений общих собраний чаще всего приоритет отдаётся уставу общества. В то же время нарушивший корпоративный договор участник может быть привлечён к гражданско-правовой ответственности, в частности к возмещению убытков.

Ключевыми проблемами являются: неопределенность статуса корпоративного договора по отношению к уставу, сложности в обеспечении судебной защиты, а также отсутствие ясных правил конфиденциальности. Для устранения данных пробелов представляется целесообразным закрепить приоритет корпоративного договора для его сторон, расширить перечень способов защиты прав участников и учесть зарубежный опыт регулирования аналогичных соглашений (shareholders' agreement).

1. Норма, закреплённая в п. 2 ст. 67.2 ГК РФ, в соответствии с которой корпоративный договор не может обязывать его участников голосовать в соответствии с указаниями органов общества, определять структуру органов общества и их компетенцию, является нормой непосредственного применения, по смыслу ст. 1192 ГК РФ. В указанном случае применимое право, выбранное сторонами посредством проявления автономии воли участников гражданских правоотношений, применяется в части, не урегулированной императивными нормами личного закона такого юридического лица. В рамках указанной позиции Верховный суд сделал важнейший вывод о том, что нормы, установленные п. 2 ст. 67.2 ГК РФ являются строго императивными,

и кроме того, являются нормами непосредственного применения. Указанная позиция подчеркивает важность таких норм для российского правопорядка.

2. Стороны могут предусмотреть в корпоративном договоре право какой-либо стороны на односторонний отказ. Важность указанного вопроса исходит из правового принципа «недопустимости одностороннего отказа от исполнения обязательств», предусмотренного ст. 310 ГК РФ. Возможность такого одностороннего отказа допускается лишь если об этом говорит ГК РФ или иные правовые акты. Точку в этом вопросе поставил Верховный суд.

Указанная позиция имеет важнейшее значение для исследования правовой природы корпоративного договора, так как исходя из смысла ст. 310 ГК РФ право на односторонний отказ может быть предусмотрено соглашением в «предпринимательских договорах». Согласно сложившейся практике, само по себе участие в хозяйственном обществе не является предпринимательской деятельностью, а, следовательно, участники общества, по общему правилу, не являются предпринимателями с точки зрения п. 1 ст. 2 ГК РФ. Позиция ВС РФ свидетельствует о предпринимательском характере корпоративного договора, что в цивилистической доктрине является небесспорным.

3. Корпоративный договор, которым предусмотрен опцион на заключение договора купли-продажи акций/долей участия, не является предварительным по смыслу ст. 429 ГК РФ. Действительно, на раннем этапе развития исследуемого института в России учёные указывали на схожесть корпоративного договора, предусматривающего выкуп акций (долей) при наступлении/ненаступлении определённых обстоятельств с предварительным договором.

4. В рамках Постановления Арбитражного суда Дальневосточного округа суд, анализируя правовую природу рассматриваемых институтов, приходит к выводу о недопустимости применения положений ст. 429 ГК РФ к корпоративному договору. Суд также отмечает, что такой корпоративный договор считается заключенным в момент достижения сторонами соглашения по всем существенным

условиям.

По мнению автора суд следует верной формальной логике. Определённые сходства рассматриваемых институтов действительно прослеживаются, однако в корпоративном договоре, как правило, прописывается только условие, при котором возникает обязанность по выкупу/продаже акций (долей), без указания существенных условий самого основного договора, что является обязательным для предварительного договора (п. 3 ст. 429 ГК РФ). Кроме того, предварительный договор всегда является срочным и всегда должен приводить к заключению основного договора. Сделка по отчуждению акций/доле на основании корпоративного договора может так никогда и не состояться в связи с ненаступлением отлагательного условия.

5. В корпоративный договор может быть включено условие, в соответствии с которым сторона принимает на себя обязательство воздержаться от участия в управлении обществом или от получения прибыли общества, а также воздержаться от выхода из общества. В рамках указанного дела ВС РФ рассуждает над объёмом предмета корпоративного договора, т.е. возможностью включения тех или иных условий в него. При внедрении корпоративного договора в российский правопорядок многие исследователи [2] полагали, что перечень условий, которые могут включаться в предмет корпоративного договора, исходя из буквального толкования п. 1 ст. 67.2 ГК РФ, является закрытым. В дальнейшем, с учетом практической реализации корпоративного договора в российских хозяйственных обществах, доктрина перешла на позицию открытости указанного перечня.

По мнению автора перечень всё же является открытым. На это, в частности, указывает слова «в том числе», законодатель осознанно не использовал уточняющие слова «только» или «исключительно» и т.д. Кроме того, формулировки, указанные в анализируемой норме, являются достаточно пространными, например: «иные действия по управлению обществом». Позиция автора в том числе подтверждается указанным судебным решением.

6. Возможно применение принципа «эсто-пель» против недобросовестной стороны при рассмотрении вопроса о недействи-

тельности корпоративного договора. В рамках одного дела⁷ Арбитражный суд Новосибирской области указал, что заявление о пороках корпоративного договора, которые влекут его недействительность, не имеют правового значения, если лицо, которое на них ссылается, действует недобросовестно, в частности если его поведение после заключения корпоративного договора давало основание другим лицам полагаться на его действительность. Данный вывод указывает на новый способ защиты прав, вытекающих из корпоративного договора.

Кроме того, недвусмысленно суд наталкивает на вывод о том, что к институту корпоративного договора могут применяться общие положения о сделках, что, по мнению автора, является правильным.

7. Корпоративный договор может содержать элементы других договорных конструкций, что позволяет охарактеризовать такой договор как смешанный по смыслу п. 3 ст. 421 ГК РФ. Стоит отметить, что корпоративный договор предусматривает возможность участия в нём строго определённого круга лиц, однако это не предопределяет, что в него не могут включены элементы других договорных конструкций [4, с. 23]. Указанные выводы подтверждаются судебной практикой⁸, а также тем, что в соответствии с п. 1 ст. 67.2 ГК РФ корпоративный договор является гражданско-правовой сделкой, и соответствует предмету гражданского законодательства, по смыслу ст. 2 ГК РФ [5, с. 51-52]. В связи с этим, к указанному институту применяются нормы гражданского права о сделках, о договорах, в т.ч. принцип свободы договора, принцип эстопеля и т.д.

В соответствии с п. 3 ст. 421 ГК РФ к отношениям сторон по смешанному договору применяются в соответствующих частях правила о договорах, элементы которых содержатся в смешанном договоре. Таким образом, к корпоративному договору, в случае установления судом его смешанного характера, могут применяться положения о других договорных конструкций.

В современной юридической науке выделяются несколько концепций:

1. Договорная концепция. Корпоративный договор трактуется как разновидность

гражданско-правовой сделки. В пользу данной позиции говорит возможность судебного понуждения к исполнению договора и использование обязательственной терминологии.

2. Нормативная концепция. Авторы считают корпоративный договор локальным нормативным актом, поскольку его правила распространяются на неопределённый круг лиц в пределах общества.

3. Смешанная концепция. Согласно этой позиции, корпоративный договор занимает промежуточное положение, сочетая в себе элементы сделки и локального акта.

Зарубежный опыт подтверждает дискуссионность: в англо-американском праве *shareholders' agreement* признаётся договором, но его положения часто закрепляются в уставе компании.

Судебная практика демонстрирует неоднозначное толкование корпоративного договора. Верховный Суд РФ указывает, что корпоративный договор не может подменять устав общества, но стороны вправе защищать свои права при нарушении его условий.

Ключевая проблема заключается в соотношении корпоративного договора и устава: приоритет принадлежит уставу как зарегистрированному документу, однако нарушение условий корпоративного договора может влечь гражданско-правовую ответственность.

Другой проблемный аспект связан с механизмом исполнения. Недобросовестное голосование на собрании акционеров или участников общества сложно оспорить, а убытки доказать не всегда возможно. Суды постепенно вырабатывают подходы к защите, включая признание решений собрания недействительными.

Анализ законодательства и практики позволяет выделить следующие проблемы:

- неопределённость правовой природы корпоративного договора;
- отсутствие критериев соотношения корпоративного договора и устава общества;
- ограниченные способы судебной за-

щиты;

- фрагментарность регулирования отдельных вопросов (например, конфиденциальности).

В качестве решений предлагается:

- законодательно закрепить приоритет корпоративного договора для его участников;
- разработать чёткие правила взаимодействия договора и устава общества;
- расширить способы защиты прав сторон договора;
- использовать зарубежный опыт для повышения эффективности правового регулирования.

Корпоративный договор является ключевым инструментом в регулировании корпоративных отношений, однако его правовая природа продолжает вызывать споры. Научные концепции и судебная практика демонстрируют отсутствие единого подхода, что создаёт риски для участников хозяйственных обществ.

Совершенствование законодательства должно быть направлено на устранение пробелов и формирование эффективных правовых механизмов, обеспечивающих баланс интересов сторон. Для корпоративного юриста знание особенностей корпоративного договора и умение их применять.

В рамках настоящей статьи была проанализирована судебная практика по корпоративному договору, которая позволила сделать следующие научные выводы:

1. Корпоративный договор обладает особой правовой природой и не является предварительным договором, по смыслу ст. 429 ГК РФ.
2. Перечень условий, которые могут включаться в корпоративный договор, является открытым. Кроме того, такие условия могут содержать элементы нескольких договорных конструкций.
3. По своей правовой природе корпоративный договор является «предпринимательским» договором.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. I–IV).

[2] Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 08.02.1998 № 14-ФЗ.

- [3] Федеральный закон «Об акционерных обществах» от 26.12.1995 № 208-ФЗ.
- [4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».
- [5] Суханов Е.А. *Российское гражданское право*. – М.: Статут, 2020.
- [6] Лаптев В.А. *Корпоративные договоры: проблемы правовой природы и практики применения* // Закон. – 2021. – № 5. – С. 112–120.
- [7] Шиткина И.С. *Корпоративное право России*. – М.: Проспект, 2022.

Spisok literatury:

- [1] *Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (ch. I–IV)*.
- [2] *Federal'nyi zakon «Ob obshchestvakh s ogranichennoi otvetstvennost'iu»* от 08.02.1998 № 14-FZ.
- [3] *Federal'nyi zakon «Ob aktsionernykh obshchestvakh»* от 26.12.1995 № 208-FZ.
- [4] *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF* от 23.06.2015 № 25 «O применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».
- [5] Sukhanov E.A. *Rossiiskoe grazhdanskoe pravo*. – M.: Statut, 2020.
- [6] Laptev V.A. *Korporativnye dogovory: problemy pravovoi prirody i praktiki primeneniia* // *Zakon*. – 2021. – № 5. – S. 112–120.
- [7] Shitkina I.S. *Korporativnoe pravo Rossii*. – M.: Prospekt, 2022.

БЕСПРОЗВАННЫХ Мария Гарриевна,
студент образовательного частного учреждения высшего образования
«Международный юридический институт»,
г. Москва
e-mail: info@law-books.ru

Научный руководитель:
КИКАВЕЦ Виталий Викторович,
кандидат юридических наук, доцент
образовательного частного учреждения высшего образования
«Международный юридический институт»,
г. Москва
e-mail: info@law-books.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КЛАССИФИКАЦИИ ПРЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ ПРИОБРЕТЕНИЯ АКЦИЙ ИЛИ ДОЛИ В УСТАВНОМ КАПИТАЛЕ ОБЩЕСТВА

Аннотация. В современных условиях развития гражданского оборота и усложнения хозяйственных отношений механизм преимущественных прав становится важным инструментом защиты интересов участников и акционеров. Реализация таких прав обеспечивает приоритетное приобретение долей, акций и паёв, а также соблюдение баланса интересов в вещных, обязательственных, корпоративных правоотношениях, при наследовании и банкротстве.

Ключевые слова: преимущественные права, доли и акции, корпоративные правоотношения, обязательственные правоотношения, защита интересов, контроль участников, правовые механизмы.

BESPROZVANNYKH Maria Garriyevna,
student at the private institution of higher education
«International Law Institute,»
Moscow

Academic Supervisor:
KIKAVETS Vitaly Viktorovich,
Candidate of Law, Associate Professor
at the private institution of higher education
«International Law Institute,»
Moscow

THEORETICAL ASPECTS OF THE CLASSIFICATION OF PRE-EMPTIVE RIGHTS FOR THE ACQUISITION OF SHARES OR SHARES IN THE AUTHORIZED CAPITAL OF A COMPANY

Annotation. In modern conditions of the development of civil turnover and the complication of economic relations, the mechanism of preferential rights is becoming an important tool for protecting the interests of participants and shareholders. The exercise of such rights ensures the priority acquisition of shares, shares and units, as well as the maintenance of a balance of interests

in property, obligations, corporate legal relations, inheritance and bankruptcy.

Key words: *pre-emptive rights, shares and shares, corporate legal relations, binding legal relations, protection of interests, control of participants, legal mechanisms.*

Гражданское право основывается на принципах равенства участников гражданских правоотношений и свободы договора. Тем не менее в некоторых случаях с целью обеспечения справедливого баланса интересов, а также защиты наиболее уязвимых субъектов законодательство закрепляет правовые механизмы, которые предоставляют приоритет одним лицам по сравнению с другими. Такими механизмами выступают преимущественные права, существование которых определяется необходимостью регулирования хозяйственных отношений, а также имеющейся потребности в обеспечении правовых гарантий защиты интересов отдельных категорий граждан и организаций.

Преимущественное право можно рассматривать как универсальный правовой институт, сочетающий индивидуально-защитные и регулятивные начала, т.е. это установленная законом или договором особая правовая возможность, предоставляющая определённому субъекту приоритет в совершении юридически значимых действий по сравнению с иными участниками гражданских правоотношений, направленная на обеспечение справедливого баланса интересов и защиту прав уполномоченного лица.

Преимущественные права выполняют двоякую функцию – защитную, поскольку обеспечивают приоритетную реализацию интересов, и стабилизирующую, поскольку укрепляют доверие к институтам гражданского оборота.

Преимущественные права могут быть систематизированы по нескольким основаниям, одно из которых классификация преимущественных прав по законодательству. При этом преимущественные права подразделяются на те, которые связаны с обязательственными правоотношениями, с корпоративными правоотношениями.

Статьи 250, 1168 и 1169 Гражданского кодекса Российской Федерации [1] регулируют различные ситуации реализации преимущественного права, направленные на защиту

интересов участников общей собственности и наследников. Статья 250 защищает участников долевой собственности при продаже доли постороннему лицу, обеспечивая им возможность сохранить свой контроль в обществе. Статья 1168 закрепляет преимущественное право на неделимую вещь при разделе наследства, предотвращая переход имущества к посторонним. Статья 1169 устанавливает преимущественное право на предметы обычной домашней обстановки и обихода при наследовании, обеспечивая справедливое распределение имущества между наследниками. Данные нормы направлены на сохранение прав участников и предотвращение нарушений при переходе собственности.

Статьи 7, 40 и 41 Федерального закона от 26.12.1995 №208-ФЗ «Об акционерных обществах» [2] регулируют различные ситуации реализации преимущественного права акционеров и направлены на защиту их интересов при приобретении акций и эмиссионных ценных бумаг общества. Статья 7 закрепляет условия реализации преимущественного права при купле-продаже акций непубличного акционерного общества, предоставляя его действующим акционерам и, в отдельных случаях, самому обществу. Статья 40 обеспечивает права акционеров при размещении дополнительных акций и конвертируемых эмиссионных ценных бумаг, сохраняя пропорциональность участия в обществе. Статья 41 устанавливает порядок осуществления преимущественного права, определяя процедуру уведомления, сроки и условия приобретения акций. Данные нормы направлены на сохранение прав акционеров и предотвращение нарушения их долей участия в капитале общества.

Таким образом, преимущественные права играют важную роль в защите интересов участников как общей собственности, так и акционерных обществ. Нормы Гражданского кодекса РФ обеспечивают сохранение контроля и справедливое распределение имущества при продаже долей и наследовании, предотвращая переход прав к посторонним лицам.

Нормы Федерального закона «Об акционерных обществах» защищают акционеров при приобретении акций и эмиссионных ценных бумаг, обеспечивая пропорциональное участие в капитале общества и регулируя порядок реализации преимущественного права. Все эти законодательные положения направлены на сохранение прав участников, предотвращение нарушения долей участия и поддержание стабильности правоотношений.

Необходимо также отметить, что основанием для преимущественных прав являются обязательственные правоотношения ввиду того, что преимущественные права воплощаются в относительном правоотношении.

Преимущественные права могут быть также классифицированы по сферам гражданских правоотношений.

В области вещного права преимущественные права представляют собой особые полномочия, которые предоставляют одному лицу приоритет перед другими участниками правоотношений. Такие права возникают в тех случаях, когда законодательство допускает отклонение от принципа равенства всех сторон, например, при передаче или отчуждении имущества. Основная функция преимущественных прав заключается в ограничении возможностей других субъектов с целью защиты интересов лица, которому они предоставлены.

В обязательственных правоотношениях некоторые участники наделяются особыми правами, которые предоставляют им приоритет перед другими участниками гражданского оборота. Такие права закрепляются законом и создают юридическое преимущество, позволяя определённым лицам действовать прежде других в конкретных ситуациях.

В корпоративных и кооперативных правоотношениях преимущественные права представляют собой специальные субъективные права, закреплённые законом или уставом, которые дают их обладателю возможность первоочередного приобретения определённых активов или долей перед другими участниками. В рамках корпоративных правоотношений такое право проявляется, например, как возможность первоочередного приобретения долей, акций или паёв — либо по цене, предложенной третьему лицу, либо по цене или по

порядку её определения, установленным уставом организации, в зависимости от её организационно-правовой формы. Появление преимущественного права в корпоративной сфере связано с совместным участием нескольких лиц (участников, акционеров, членов кооперативов) в управлении организацией и их правом на участие в её деятельности [5, с. 45].

Следующим основанием для классификации может быть способ осуществления преимущественных прав. В рамках данной классификации выделяют преимущественное право приобретения (покупки), заключение договора и удовлетворение требований.

Преимущественное право покупки представляет собой особый вид гражданских прав, который позволяет определённым лицам получать возможность заключать сделки или приобретать имущество раньше других участников. Примерами такого права является право собственника на приобретение доли в совместной собственности (ст. 250 ГК РФ), право участника Общества с ограниченной ответственностью или самого общества на покупку доли другого участника перед третьими лицами (ст. 21 Федерального закона от 08.02.1998 N 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [3]) и др. Следует учитывать, что обладание преимущественным правом не гарантирует возможность купить имущество по минимальной цене: стоимость устанавливается в соответствии с законом или процедурой, одинаково для всех участников. Преимущественное право на заключение договора представляет собой возможность для конкретного лица или группы лиц заключить договор раньше других участников при равных условиях. Преимущественные права кредиторов при банкротстве представляют собой установленные законом приоритеты в удовлетворении требований за счёт имущества должника.

Преимущественные права на приобретение акций или долей в уставном капитале общества представляют собой особые права участников общества или акционеров, представляющие им возможность первоочередного приобретения этих долей или акций перед другими лицами. Такие права реализуются в различных правоотношениях.

Отношения, связанные с отчуждением

объектов преимущественных прав с правом собственности на имущество, когда участник или акционер уже владеет долей или акциями, он получает преимущество при продаже или передаче своей доли третьим лицам; без права собственности на имущество: когда лицо не является собственником, но законодательство или устав общества предоставляют ему право первоочередного приобретения новых акций или долей при их выпуске или продаже другими участниками.

Отношения, направленные на временное использование объектов преимущественных прав, включающие ситуации, когда право на приобретение акций или долей передаётся во временное владение или пользование, например, при договорах доверительного управления или временного размещения прав, что позволяет использовать права без немедленного приобретения собственности.

Отношения, связанные с наследованием объектов преимущественных прав, предусматривают возможность передачи преимуще-

ственного права на приобретение акций или долей наследникам участника или акционера, обеспечивая сохранение порядка участия в капитале общества и защиту интересов наследников [4, с. 154]

Таким образом, преимущественные права на приобретение акций и долей в уставном капитале общества представляют собой юридические механизмы, предоставляющие участникам и акционерам возможность первоочередного приобретения долей перед другими лицами. Эти права реализуются в корпоративных, обязательственных и наследственных правоотношениях, обеспечивая защиту интересов участников, контроль над составом собственников и стабильность гражданского оборота. Преимущественные права выполняют защитную и стабилизирующую функцию, позволяя сохранять баланс интересов, предотвращать переход собственности к посторонним и регулировать порядок участия в капитале общества.

Список литературы:

- [1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025)
- [2] Федеральный закон от 26.12.1995 N 208-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.09.2025) «Об акционерных обществах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025)
- [3] Федеральный закон от 08.02.1998 N 14-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об обществах с ограниченной ответственностью» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025)
- [4] Драгунов, А.А. Преимущественное право, как юридический термин и правовое преимущество как правовое понятие: вопросы соотношения / А.А. Драгунов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. - №9. - С. 154-165.
- [5] Тыртычный, С.А. Актуальные проблемы осуществления преимущественных прав субъектами гражданских правоотношений / С.А. Тыртычный // Международное право. – 2022. - №1. – С. 45-48.

Spisok literatury:

- [1] Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' pervaia) ot 30.11.1994 N 51-FZ (red. ot 31.07.2025) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.08.2025)
- [2] Federal'nyi zakon ot 26.12.1995 N 208-FZ (red. ot 31.07.2025, s izm. ot 25.09.2025) «Ob aktsionernykh obshchestvakh» (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.09.2025)
- [3] Federal'nyi zakon ot 08.02.1998 N 14-FZ (red. ot 31.07.2025) «Ob obshchestvakh s ogranicennoi otvetstvennost'iu» (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.09.2025)
- [4] Dragunov, A.A. Preimushchestvennoe pravo, kak iuridicheskii termin i pravovoe preimushchestvo kak pravovoe poniatie: voprosy sootnosheniia / A.A. Dragunov // Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. – 2021. - №9. - S. 154-165.
- [5] Tyrtychnyi, S.A. Aktual'nye problemy osushchestvleniya preimushchestvennykh prav sub'sektami grazhdanskikh pravootnoshenii / S.A. Tyrtychnyi // Mezhdunarodnoe pravo. – 2022. - №1. – S. 45-48.

БАЛХАЕВ Суламбек Алиханович,
магистрант, 2 курс
Высшая школа государственного аудита,
кафедра экономических и финансовых расследований
Московской государственный университет им. М.В.Ломоносова,
г. Москва
e-mail: sulambekkk@mail.ru

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ ПРИ БАНКРОТСТВЕ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ: КРИТЕРИИ, ДОКАЗУЕМОСТЬ, СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Аннотация. В статье исследуется феномен злоупотребления правом в процедурах банкротства граждан, рассматриваемый как системный вызов устойчивости института несостоительности, а не как совокупность единичных отклонений поведения участников. Цель работы состоит в формулировании операцionalизуемых критериев недобросовестности и предложении согласованного подхода к её доказыванию, соотносимого с целями и функциями процедуры банкротства физических лиц. Эмпирической базой служат разъяснения Пленума Верховного Суда РФ 2015 года и Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан, утвержденный Президиумом ВС РФ 18 июня 2025 г., дополненные анализом решений ныне действующих судов. Автор выстраивает трёхконтурную модель контроля добросовестности: фильтры допуска к процедуре и её стадиям, стандарты поведения должника в ходе дела и критерии отказа в освобождении от обязательств как ключевой санкции за злоупотребление. Показано, что российская практика эволюционирует от формально-юридического к экономико-поведенческому анализу действий должника, при котором определяющим становится материальный эффект для конкурсной массы и интересов кредиторов. Научная новизна работы заключается в систематизации объективных индикаторов недобросовестности и увязке их с распределением бремени доказывания и стандартами достоверности доказательств. Сделан вывод о формировании двухконтурной системы проверки, в которой отказ в освобождении от долгов сохраняет характер исключительной меры, применяемой при доказанной причинной связи между злоупотребительным поведением и ущемлением прав кредиторов. Практическая значимость исследования состоит в повышении предсказуемости судебных решений и снижении транзакционных издержек участников процедур банкротства граждан.

Ключевые слова: несостоительность, реструктуризация, сокрытие активов, кредиторы, судебная практика, распределение рисков, бремя доказывания, аффилированность, недобросовестность, конкурсная масса, баланс интересов.

BALKHAEV Sulambek Alikhanovich,
Master's student, 2nd year;
Higher School of Public Audit,
Department of Economic and Financial Investigations,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow

ABUSE OF LAW IN THE BANKRUPTCY OF INDIVIDUALS: CRITERIA, PROVABILITY, JUDICIAL PRACTICE

Annotation. The article examines the phenomenon of abuse of law in bankruptcy procedures

for citizens, considered as a systemic challenge to the sustainability of the institution of insolvency, rather than as a set of individual deviations in the behavior of participants. The purpose of the work is to formulate operationalized criteria for dishonesty and propose a coordinated approach to its proof, consistent with the goals and functions of the bankruptcy procedure for individuals. The explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation in 2015 and the Review of Judicial Practice in cases of bankruptcy of citizens, approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on June 18, 2025, supplemented by an analysis of decisions of lower courts, serve as an empirical basis. The author builds a three-circuit model of integrity control: filters for admission to the procedure and its stages, standards of behavior of the debtor during the case, and criteria for refusal of release from obligations as a key sanction for abuse. It is shown that Russian practice is evolving from a formal legal to an economic and behavioral analysis of the debtor's actions, in which the material effect on the bankruptcy estate and the interests of creditors becomes decisive. The scientific novelty of the work lies in the systematization of objective indicators of dishonesty and their correlation with the distribution of the burden of proof and standards of reliability of evidence. The conclusion is made about the formation of a two-circuit verification system in which the refusal of debt relief retains the character of an exceptional measure applied when there is a proven causal relationship between abusive behavior and infringement of creditors' rights. The practical significance of the study is to increase the predictability of court decisions and reduce the transaction costs of participants in bankruptcy proceedings.

Key words: insolvency, restructuring, concealment of assets, creditors, judicial practice, risk allocation, burden of proof, affiliation, dishonesty, bankruptcy estate, balance of interests.

Введение

Институт банкротства граждан за последние годы превратился в значимый инструмент реструктуризации непосильной задолженности и восстановления платёжеспособности физических лиц. Расширение практики его применения обнажило сложный спектр интересов участников: должников, кредиторов, финансовых управляющих и государства. В этой конфигурации злоупотребление правом выступает не просто частным эхессом поведения сторон, а системным вызовом устойчивости процедуры: каждая попытка использовать формальные возможности закона вопреки его целям подрывает доверие к институту, повышает транзакционные издержки и искажает распределение рисков. В условиях нарастающей нагрузки на суды и неоднородности правоприменения вопрос о границах допустимого поведения приобретает не только теоретическое, но и выраженное практическое значение.

Проблема злоупотребления правом в делах о банкротстве граждан имеет многослойную природу. С одной стороны, категория злоупотребления традиционно связывается с общими принципами добросовестности и недопустимости извлечения выгоды из собственных неправомерных действий. С другой – специ-

фика статуса гражданина-должника, его социальная уязвимость и публично-правовые компоненты процедуры требуют более деликатной настройки критериев, чем это принято в делах о несостоятельности коммерческих организаций. Пограничные ситуации – инициирование процедуры при очевидной платёжеспособности, фиктивное формирование задолженности, сокрытие активов, манипулирование перечнем кредиторов, злоупотребительное поведение на стадиях реструктуризации и реализации имущества демонстрируют, что универсального теста на недобросовестность недостаточно: суду требуется воспроизводимый стандарт оценки фактов и доказательств, учитывающий поведенческие и экономические мотивы участников.

Судебная практика зафиксировала разнонаправленные подходы к квалификации злоупотреблений. В одних делах акцент смещается на совокупность объективных индикаторов – временные корреляции сделок перед подачей заявления, необычные транзакции с аффилированными лицами, несоответствие образа жизни декларируемой неплатёжеспособности, систематическое игнорирование обязанностей по раскрытию информации. В других решающим оказывается субъективная сторона: намерение должника извлечь выгоду

из процедурных льгот при отсутствии добросовестной мотивации восстановить расчёты с кредиторами. Отсутствие унифицированного набора критериев и предсказуемых доказательных стандартов приводит к фрагментации практики, снижает правовую определённость, увеличивает стоимость правоприменения и провоцирует стратегическое поведение как со стороны должников, так и со стороны кредиторов.

Настоящая статья преследует цель сформулировать операционализируемые критерии злоупотребления правом в дела о банкротстве физических лиц и предложить согласованный подход к доказыванию, соотносимый с целями и функциями процедуры. Особое внимание уделяется распределению бремени доказывания, стандартам достоверности и достаточности доказательств, а также роли презумпций и опровергимых выводов, позволяющих снизить информационную асимметрию между сторонами и судом. В качестве критерия успешности предлагаемого подхода принимается его способность повышать предсказуемость результатов спора без чрезмерного расширения усмотрения суда и без нивелирования реабилитационной функции банкротства граждан.

Литературный обзор

Литература, посвящённая злоупотреблению правом в процедурах банкротства физических лиц, формируется на пересечении общей теории несостоятельности, доктрины добросовестности и эмпирических наблюдений за правоприменением. Теоретический фундамент задаёт экономико-правовая традиция, рассматривающая банкротство как инструмент коллективного взыскания, устраняющий «гонку кредиторов» и перераспределяющий контроль над активами должника в интересах максимизации стоимости и справедливого раздела. В классической работе Т. Джексона подчёркивается, что право несостоятельности не создаёт новых прав, а переупорядочивает существующие притязания, одновременно вводя ограничения на оппортунистическое поведение участников; из этого вытекает нормативное требование к добросовестности как к «смазке» механизма процедуры (Jackson, 1986). Эта идея находит

отражение и в международных руководствах: Руководство ЮНСИТРАЛ по праву о несостоятельности исходит из необходимости встроить принципы добросовестности и предсказуемости в конструкцию как корпоративного, так и персонального банкротства, чтобы пресечь стратегическое использование процедур вопреки их целям. Такие документы задают методологический ориентир для национальных систем, указывая на необходимость чётких критериев и пропорциональных санкций за недобросовестность.

Сравнительное правоведение показывает, что контуры понятия злоупотребления в персональном банкротстве формируются также судебной практикой. В праве США прецедент «Marrama v. Citizens Bank of Massachusetts» закрепил возможность отказа в процессуальной привилегии конверсии дела при наличии «плохой веры» – например, при умышленном сокрытии существенных активов; тем самым Верховный суд де-факто встроил в кодовую норму § 706(a) исключение, основанное на добросовестности (Marrama v. Citizens Bank, 2007). В Европе Директива (ЕС) 2019/1023, хотя прежде всего адресована превентивным реструктуризациям, выстраивает важный барьер против злоупотреблений, ограничивая защиту только тем финансированием и мерам, которые «разумно и непосредственно необходимы» для продолжения деятельности; логика соразмерности и антиоппортунистические фильтры проецируются и на режимы освобождения от долгов граждан. Национальные реализации дополняют эту рамку: например, голландский WHOA и формирующаяся практика допускают корректировку решений «удерживающих» кредиторов, когда их стратегия носит злоупотребительный характер, хотя такие вмешательства должны оставаться исключением. Эти наблюдения подтверждают, что судебные системы склонны к «контрлю за добросовестностью» как за доступом к льготам процедуры, так и за отдельными тактическими ходами сторон.

Российская доктрина и правоприменение выстраивают схожий каркас, опираясь на общегражданский принцип недопустимости злоупотребления правом (ст. 10 ГК РФ) и специальные положения Закона о банкротстве. Постановление Пленума Верховного

суда от 13 октября 2015 года прямо связывает утверждение плана реструктуризации с тестом добросовестности и экономической исполнимости, указывая, что суд не должен санкционировать план, который лишает должника и его иждивенцев средств к существованию либо является заведомо невыполнимым. Последующие обзоры судебной практики систематизируют типовые злоупотребления и распределяют бремя доказывания, включая ситуации сокрытия активов, манипулирования перечнем кредиторов, фиктивного формирования задолженности или выбраковки требований для достижения искусственного порога.

Новейший «Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан» (утв. Президиумом ВС РФ 18 июня 2025 г.) консолидирует антиоппортунистические подходы: допускается оспаривание не только сделок, но и любых действий, влияющих на имущественную массу, дополняется тест на недобросовестность при освобождении от долгов и аккуратно уточняется связь между реабилитационной функцией процедуры и защитой кредиторов. Эти акценты отражают движение к воспроизводимым критериям злоупотребления и к усилению процессуальных фильтров доступа к привилегиям банкротства.

Методология

Эмпирическое исследование выполнено по модели целенаправленного отбора источников, где «единицами наблюдения» выступают правовые позиции высших судебных инстанций и подтверждающие их решения судов нижестоящих уровней. Базой для анализа служит «Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан», утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18 июня 2025 года, в котором консолидированы ключевые ориентиры добросовестности и пределы использования процедурных льгот должником-гражданином. Для верификации и контекстуализации подходов использовались разъяснения Пленума Верховного Суда 2015 года, а также публично доступные сообщения и аналитические материалы, освещающие новейшие правовые позиции и их практическое применение. Такой дизайн позволяет выстроить анализ вокруг

трёх контуров: фильтры допуска к процедурам и их стадиям, стандарты поведения должника в ходе дела и критерии отказа в освобождении от обязательств как ключевой санкции за недобросовестность (Верховный Суд РФ, 2025; Пленум ВС РФ, 2015).

Результаты

Первый контур – фильтры допуска, демонстрирует, что суды продолжают использовать общий принцип недопустимости злоупотребления правом как процессуальный «краевой» тест на добросовестность уже при решении вопросов о введении процедур и утверждении планов реструктуризации. Пленум закрепил право суда учитывать недобросовестность по собственной инициативе, если усматривается явное отклонение поведения от разумного стандарта, и выносить соответствующие обстоятельства на обсуждение, даже если стороны на них прямо не ссылались. В рассматриваемый период эти ориентиры транслируются в практику: суды критично оценивают случаи инициирования процедуры при наличии у должника устойчивых источников дохода, при этом отсутствие ликвидных активов само по себе не оправдывает попытку конвертировать процедуру в способ уклонения от расчётов с кредиторами. При утверждении реструктуризации акцент смещается на экономическую исполнимость и реалистичность плана, а также на сохранение жизненного минимума, что в совокупности призвано отсекать проекты, маскирующие стратегическое затягивание или перераспределение рисков на кредиторов без встречной добросовестной попытки восстановить платёжеспособность (Пленум ВС РФ, 2015).

Второй контур – поведение в ходе дела, наполняется конкретным содержанием в «Обзоре 2025», где систематизированы типичные схемы злоупотреблений и дан более чёткий набор индикаторов недобросовестности. Ключевыми остаются сокрытие активов, формирование «дружественной» кредиторской массы и аффилированные транзакции с выбытием имущества незадолго до подачи заявления, причём суды ориентируются на временные корреляции, атипичность распоряжения имуществом и несоответствие образа жизни декларируемой неплатёжеспособности. Пока-

зательно, что Верховный Суд допускает квалификацию как злоупотребления не только собственно сделок, но и совокупности действий, которые ухудшают состав конкурсной массы и нарушают баланс интересов; тем самым устраниён соблазн «распылить» негативный эффект на ряд формально обособленных эпизодов. Судами также подчёркивается обязанность должника к полному и достоверному раскрытию информации: непредставление существенных сведений финансовому управляющему или предоставление недостоверных данных трактуется как недобросовестность и усиливает риски отказа в ключевых льготах процедуры (Верховный Суд РФ, 2025).

Третий контур – отказ в освобождении от обязательств, аккумулирует самые чувствительные последствия злоупотреблений. Данные Судебного департамента и сводные обзоры свидетельствуют, что отказ остаётся исключением, применяемым в малой доле дел, что согласуется с реабилитационной функцией персонального банкротства. Вместе с тем высшая инстанция подтверждает, что при доказанном сокрытии имущества, умышленном искажении сведений о составе активов и пассивов, а равно при моделировании фиктивной неплатёжеспособности применение освобождения от долгов несовместимо с целями процедуры. В свежих разъяснениях подчёркивается, что частичное освобождение от обязательств не является допустимым компенсатором «наказания»: если выявлена недобросовестность, решение должно быть концептуально определённым и отражать причинно-следственную связь между поведением должника и нарушением интересов кредиторов. Такая конструкция дисциплинирует участников, устранивая зона-шоппинг по периметру льгот и санкций и снижая мотивацию к стратегическим дефолтам (Обзор 2025; материалы по статистике и обзорам).

Показателен блок дел, где выявлен «постфактум» скрытый актив. Верховный Суд в 2025 году подтвердил, что обнаружение неучтённого имущества и попытка реализовать его после завершения процедуры вступает в прямое противоречие с предпосылками освобождения: сокрытие признаётся уклонением от погашения задолженности, что блокирует применение правила об освобождении.

Этот подход строится на причинной связке: должник не только лишил кредиторов информации, но и исказил распределение риска и очередности, лишив конкурсную массу части стоимости. В результате освобождение от долгов не применяется независимо от того, была ли формально завершена процедура, поскольку добросовестность должника оценивается ретроспективно по совокупности обстоятельств, а не по одному «изолированному» шагу (Определение ВС РФ от 22.07.2025).

Методологически заметен переход от формально-юридического к экономико-поведенческому анализу. Судебные акты всё чаще апеллируют к экономической рациональности действий должника: например, необъяснимые переводы аффилированным лицам при наличии просроченных обязательств, отказ от конвертации «видимой» стоимости в конкурсную массу, демонстративное потребление при заявленной неплатёжеспособности – всё это рассматривается как маркеры, усиливающие вину. При этом «технические» нарушения без ущерба для кредиторов не всегда квалифицируются как злоупотребление, что соответствует пропорциональному подходу: санкция включается лишь там, где есть материальный эффект для кредиторов либо явное подрывание целей процедуры. Такой подход корреспондирует как с ранними разъяснениями Пленума, допускавшими учёт недобросовестности по инициативе суда, так и с общей линией новейших обзоров, ориентирующих правоприменение на проверяемые, а не декларативные критерии (Пленум ВС РФ, 2015; Верховный

Неоднозначным остаётся вопрос о «границах терпимости» к ошибкам должника, допущенным вследствие низкой финансовой грамотности, особенно когда речь идёт о незначительных нарушениях режима раскрытия или несвоевременном предоставлении сведений. Обзор и последующие комментарии подчёркивают, что дисциплинарная функция права несостоятельности не должна превращаться в барьер для реабилитации. Эмпирически это выражается в том, что отказ в освобождении сохраняет статус редкой меры, а суды в ряде случаев ограничиваются корректирующими решениями в части оспаривания отдельных действий или уточнения

имущественной массы без отказа в списании долгов. Такая практика согласуется с статистическими наблюдениями: доля отказов остаётся порядка единиц процентов, что подтверждает «исключительный» характер санкций и одновременно оставляет пространство для её жёсткого применения при очевидной недобросовестности, прежде всего связанной с сокрытием активов и фиктивной нагрузкой долгового портфеля (Судебный департамент; Обзор 2025).

Заключение

Проведённое исследование показало, что российская модель противодействия злоупотреблению правом в персональном банкротстве эволюционирует к двухконтурной системе проверки, сочетающей объективные индикаторы недобросовестности с оценкой субъективной мотивации должника. Этот сдвиг опирается на обновлённые ориентиры Верховного Суда и подтверждается практикой нижестоящих инстанций: суды всё чаще исходят из экономического смысла поведения и его последствий для конкурсной массы, а не из формальных нарушений, лишённых материального эффекта. В результате отказ в освобождении от обязательств сохраняет статус

исключительной санкции, связанной с доказанной причинной связью между недобросовестными действиями и ущемлением интересов кредиторов, тогда как корректирующие механизмы – оспаривание сделок, уточнение состава имущества, процессуальные фильтры допуска используются для выравнивания балансов без подрыва реабилитационной функции процедуры.

Практическая ценность полученных выводов состоит в операционализации критериев, позволяющих участникам ориентироваться в допустимых границах поведения. Для должника это означает приоритет прозрачности и экономической рациональности решений; для кредиторов – фокус на доказуемости причинного ущерба, а не на ритуальных ссылках на «плохую веру»; для суда – необходимость явной процессуальной артикуляции выявленных признаков недобросовестности с предоставлением сторонам возможности возражения. Системная имплементация этих подходов обещает повысить предсказуемость исходов, сократить транзакционные издержки и укрепить доверие к институту банкротства граждан как к механизму второго шанса, защищённому от оппортунистического использования.

Список литературы:

- [1] Council of Europe. (2021). *European Convention on Human Rights (consolidated version)*. Strasbourg: Council of Europe. Доступ: статья 17 «Prohibition of abuse of rights». // URL: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/convention_ENG
- [2] European Court of Human Rights. (2025). *Guide on Article 17 of the Convention: Prohibition of abuse of rights*. Strasbourg: ECHR-KS. // URL: https://ks.echr.coe.int/documents/d/echr-ks/guide_art_17_eng
- [3] European Union. (2019). *Directive (EU) 2019/1023 of the European Parliament and of the Council of 20 June 2019 on preventive restructuring frameworks, on discharge of debt and disqualifications, and on measures to increase the efficiency of procedures concerning restructuring, insolvency and discharge of debt, and amending Directive (EU) 2017/1132*. Official Journal. // URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2019/1023/oj/eng>.
- [4] Efrat, R. (2006). *The evolution of bankruptcy stigma*. *Theoretical Inquiries in Law*, 7(2), 365–393.
- [5] Jackson, T. H. (1986). *The logic and limits of bankruptcy law*. Cambridge, MA: Harvard University Press. // URL: <https://www.hup.harvard.edu/books/9780674537453>
- [6] *Marrama v. Citizens Bank of Massachusetts*, 549 U.S. 365 (2007). Official U.S. Reports. // URL: <https://tile.loc.gov/storage-services/service/ll/usrep/usrep549/usrep549365/usrep549365.pdf>
- [7] UNCITRAL. (2004). *Legislative Guide on Insolvency Law*. New York: United Nations. // URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/en/05-80722_ebook.pdf

[8] UNCITRAL. (2022). *Legislative Guide on Insolvency Law: Part five — Insolvency law for micro- and small enterprises (adopted at the 54th session; commentary finalized by WG V, Vienna, 13–17 Dec 2021)*. New York: United Nations. // URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/en/msms_insolvency_ebook.pdf

[9] World Bank. (2021). *Principles for Effective Insolvency and Creditor/Debtor Regimes (ICR Principles)*. Washington, DC: World Bank Group. // URL: <https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/391341619072648570/principles-for-effective-insolvency-and-creditor-and-debtor-regimes>

[10] World Bank. (2024). *Explanatory Note to the Principles for Effective Insolvency and Creditor/Debtor Regimes*. Washington, DC: World Bank Group. // URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099060724171031377/pdf/P17566417a8ee00171bd7a1ada03518914c.pdf>

[11] Верховный Суд Российской Федерации. (2015, 13 октября). Постановление Пленума № 45 по делам о несостоятельности (банкротстве) граждан. Официальная публикация / КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_187354/; альтернативный источник: Судебная система РФ (cntd.ru).

[12] Верховный Суд Российской Федерации. (2025, 18 июня). Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан (утверждён Президиумом ВС РФ). // Официальный сайт ВС РФ. URL: <https://vsrf.ru/documents/all/34516/>; см. также КонсультантПлюс.

[13] Верховный Суд Российской Федерации. (2025, 22 июля). Определение по делу о сокрытии активов в процедуре банкротства гражданина (о неприменимости освобождения от обязательств при установлении факта сокрытия). Дайджест/сообщение проф. объединения арбитражных управляющих. // URL: <https://sro-ru.ru/news/opredelenie-verkhovnogo-suda-rossiyskoy-federatsii-ot-22-07-2025/>.

Spisok literatury:

[1] Council of Europe. (2021). *European Convention on Human Rights (consolidated version)*. Strasbourg: Council of Europe. Доступ: стат'я 17 «Prohibition of abuse of rights». // URL: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/convention_ENG

[2] European Court of Human Rights. (2025). *Guide on Article 17 of the Convention: Prohibition of abuse of rights*. Strasbourg: ECHR-KS. // URL: https://ks.echr.coe.int/documents/d/echr-ks/guide_art_17_eng

[3] European Union. (2019). *Directive (EU) 2019/1023 of the European Parliament and of the Council of 20 June 2019 on preventive restructuring frameworks, on discharge of debt and disqualifications, and on measures to increase the efficiency of procedures concerning restructuring, insolvency and discharge of debt, and amending Directive (EU) 2017/1132. Official Journal*. // URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2019/1023/oj/eng>.

[4] Efrat, R. (2006). *The evolution of bankruptcy stigma*. *Theoretical Inquiries in Law*, 7(2), 365–393.

[5] Jackson, T. H. (1986). *The logic and limits of bankruptcy law*. Cambridge, MA: Harvard University Press. // URL: <https://www.hup.harvard.edu/books/9780674537453>

[6] *Marrama v. Citizens Bank of Massachusetts*, 549 U.S. 365 (2007). *Official U.S. Reports*. // URL: <https://tile.loc.gov/storage-services/service/ll/usrep/usrep549/usrep549365/usrep549365.pdf>

[7] UNCITRAL. (2004). *Legislative Guide on Insolvency Law*. New York: United Nations. // URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/en/05-80722_ebook.pdf

[8] UNCITRAL. (2022). *Legislative Guide on Insolvency Law: Part five — Insolvency law for micro- and small enterprises (adopted at the 54th session; commentary finalized by WG V, Vienna, 13–17 Dec 2021)*. New York: United Nations. // URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/en/msms_insolvency_ebook.pdf

[9] World Bank. (2021). *Principles for Effective Insolvency and Creditor/Debtor Regimes (ICR Principles)*. Washington, DC: World Bank Group. // URL: <https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/391341619072648570/principles-for-effective-insolvency-and-creditor-and-debtor-regimes>

[10] World Bank. (2024). *Explanatory Note to the Principles for Effective Insolvency and Creditor/Debtor Regimes*. Washington, DC: World Bank Group. // URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099060724171031377/pdf/P17566417a8ee00171bd7a1ada03518914c.pdf>

[11] Verkhovnyi Sud Rossiiskoi Federatsii. (2015, 13 oktiabria). Postanovlenie Plenuma № 45 po delam o nesostoiatel'nosti (bankrotstve) grazhdan. Ofitsial'naia publikatsiia / Konsul'tantPlius. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_187354/; al'ternativnyi istochnik: Sudebnaia sistema RF (cntd.ru).

[12] Verkhovnyi Sud Rossiiskoi Federatsii. (2025, 18 iiunia). Obzor sudebnoi praktiki po delam o bankrotstve grazhdan (utverzhden Prezidiumom VS RF). // Ofitsial'nyi sait VS RF. URL: <https://vsrf.ru/documents/all/34516/>; sm. takzhe Konsul'tantPlius.

[13] Verkhovnyi Sud Rossiiskoi Federatsii. (2025, 22 iiulia). Opredelenie po delu o sokrytii aktivov v protsedure bankrotstva grazhdanina (o neprimenimosti osvobozhdeniia ot obiazatel'stv pri ustanovlenii fakta sokrytiia). Daidzhest/soobshchenie prof. ob'edineniia arbitrazhnykh upravliaiushchikh. // URL: <https://sro-au.ru/news/opredelenie-verkhovnogo-suda-rossiyskoy-federatsii-ot-22-07-2025/>.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ЧЕРНЫХ Анна Николаевна,
студентка ФГБОУ высшего образования
«Херсонский Государственный педагогический университет»
г. Херсон, Россия
e-mail: info@law-books.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ НОТАРИАЛЬНОГО УДОСТОВЕРЕНИЯ ЗАВЕЩАНИЙ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ актуальных проблем, возникающих в практике нотариального удостоверения завещаний. Рассматриваются вопросы, связанные с установлением дееспособности завещателя, проверкой его воли на соответствие требованиям свободы и тайны завещания, соблюдением формальных требований к документу, а также правовым статусом свидетелей и исполнителей завещания. Исследуются коллизии, порождаемые цифровизацией нотариата, и проблемы, связанные с завещательными распоряжениями на денежные средства в банках. Теоретическую основу работы составили труды ведущих российских юристов и специалистов в области нотариального права. Нормативную базу исследования образуют положения Гражданского кодекса Российской Федерации, Основ законодательства РФ о нотариате и судебная практика. В заключении формулируются конкретные предложения по совершенствованию законодательства и нотариальной практики.

Ключевые слова: завещание, нотариальное удостоверение, дееспособность, тайна завещания, свобода завещания, нотариус, Гражданский кодекс РФ, спорные завещания, цифровизация нотариата.

CHERNYKH Anna Nikolaevna,
student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
Kherson State Pedagogical University
Kherson, Russia

PROBLEMATIC ISSUES OF NOTARIZATION OF WILLS AND WAYS TO SOLVE THEM

Annotation. The article provides a comprehensive analysis of current issues arising in the practice of notarizing wills. It examines issues related to establishing the testator's legal capacity, verifying their will for compliance with the requirements of freedom and testamentary secrecy, complying with formal document requirements, and the legal status of witnesses and executors. It also examines conflicts arising from the digitalization of the notary profession and issues related to testamentary dispositions for bank deposits. The theoretical basis of this work is provided by the works of leading Russian civil law scholars and specialists in notarial law. The normative framework for this study is formed by the provisions of the Civil Code of the Russian Federation, the Fundamentals of Legislation of the Russian Federation on Notaries, and judicial practice. The conclusion offers specific proposals for improving legislation and notarial practice.

Key words: will, notarial certification, legal capacity, testamentary secrecy, freedom of testament, notary, Civil Code of the Russian Federation, disputed wills, digitalization of the notary profession.

Завещание является единственным способом распоряжения имуществом на случай смерти, позволяющим гражданину реализовать свою последнюю волю в отношении принадлежащего ему имущества. Нотариальное удостоверение завещания, предусмотренное п. 1 ст. 1124 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1], призвано обеспечить соблюдение закона, защитить права завещателя и будущих наследников, а также придать документу высшую степень достоверности. Однако, несмотря на детальную законодательную регламентацию, практика нотариального удостоверения завещаний сталкивается с множеством сложных и неоднозначных вопросов.

Проблемы установления подлинной воли завещателя, оценки его дееспособности в «пограничных» состояниях, соблюдения абсолютной тайны и противодействия постороннему влиянию остаются актуальными. Динамичное развитие общества, появление новых форм имущества и цифровая трансформация нотариата порождают новые вызовы, которые существующее законодательство не всегда успевает охватить.

Целью настоящей статьи является выявление и системный анализ наиболее острых проблемных вопросов нотариального удостоверения завещаний и разработка на этой основе путей их решения.

Задачи исследования:

1. Проанализировать проблемы, связанные с установлением дееспособности и свободы воли завещателя.

2. Исследовать вопросы соблюдения тайны завещания и противодействия давлению на завещателя.

3. Выявить формальные и процессуальные сложности, ведущие к оспариванию завещаний.

4. Рассмотреть специфические проблемы, связанные с цифровизацией и отдельными видами завещательных распоряжений.

5. Сформулировать предложения по совершенствованию законодательства и нотариальной практики.

Методологическую основу исследования составили общенаучные (анализ, синтез, системный подход) и частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой, ме-

тод толкования норм права) методы.

Одной из фундаментальных проблем нотариальной практики является оценка дееспособности лица, обратившегося для удостоверения завещания. Согласно ст. 1118 ГК РФ, завещательная дееспособность требует достижения совершеннолетия и полного осознания значения своих действий. Нотариус не обладает специальными медицинскими знаниями и ограничен во времени приема, что делает данную задачу крайне сложной.

1. «Пограничные» состояния завещателя. Нотариус часто сталкивается с лицами преклонного возраста, страдающими возрастными заболеваниями (деменция, болезнь Альцгеймера), или гражданами, находящимися под воздействием лекарственных препаратов. Внешне их поведение может быть вполне адекватным, однако способность полностью осознавать последствия своих действий может быть нарушена.

Отказ нотариуса в удостоверении завещания по причине сомнений в дееспособности, не подкрепленный официальным медицинским заключением, может быть легко оспорен. Как справедливо отмечает Ю.К. Толстой, «нотариус оказывается меж двух огней: с одной стороны, риск удостоверить недействительное завещание, с другой – риск нарушить право гражданина на свободное выражение воли» [2].

2. Психическое давление и влияние третьих лиц. Принцип свободы завещания (ст. 1119 ГК РФ) может быть нарушен не только через физическое насилие, но и через психологическое давление, угрозы, обман или злоупотребление доверием. Выявить такие факты в ходе краткой беседы с завещателем, особенно если он скрывает это влияние, практически невозможно. П.С. Кириллов указывает, что «нотариус должен проявлять особую бдительность при наличии признаков возможного влияния, таких как присутствие во время визита заинтересованных лиц, их активные подсказки, нервозность завещателя» [3]. Однако закон не предоставляет нотариусу эффективных инструментов для противодействия этому.

Пути решения:

- Закрепить в Основах законодательства РФ о нотариате [4] право нотариуса в случаях

обоснованных сомнений предлагать завещателю предоставить справку из психоневрологического диспансера или иное медицинское заключение о его дееспособности. Отказ в таком случае должен фиксироваться, что впоследствии может служить доказательством добросовестности действий нотариуса.

- Внедрить в практику обязательную аудио- и видеозапись процедуры удостоверения завещания (с согласия завещателя) как дополнительную гарантию свободы воли и доказательство в случае судебного спора.

· Проводить беседу с завещателем наедине, без присутствия потенциально заинтересованных наследников.

Тайна завещания (ст. 1123 ГК РФ) является одним из ключевых принципов завещания. Ее нарушение не только является основанием для компенсации морального вреда, но и может стимулировать противоправные действия в отношении завещателя.

1. Проблемы обеспечения тайны. Риски утечки информации возникают на всех этапах: от помощников нотариуса и технического персонала до лиц, осуществляющих хранение в архиве. Цифровизация нотариата и ведение Единой информационной системы нотариата (ЕИС) создают новые угрозы, связанные с несанкционированным доступом к данным.

.2. Нарушение формальных требований. Жесткие требования ст. 1124, 1125 ГК РФ к форме и порядку удостоверения завещания являются частой причиной его оспаривания. Отсутствие даты и места удостоверения, подписи завещателя, сведений о свидетелях (в случаях, когда их присутствие обязательно) ведут к ничтожности завещания. Особенно остро стоит вопрос с подписью рукоприкладчика [5]. Нотариус должен удостовериться, что завещатель не может собственноручно подписать документ не только по физическим причинам (болезнь, неграмотность), но и что эти причины носят устойчивый характер.

Пути решения:

- Ужесточить внутренние регламенты нотариальных палат в отношении доступа к сведениям о завещаниях и усилить ответственность за разглашение тайны.

- Разработать и внедрить подробные методические рекомендации для нотариусов по проверке соблюдения всех формальных тре-

бований, включая порядок установления невозможности собственноручной подписи.

- Активнее использовать право нотариуса на отложение совершения нотариального действия, если у него возникают сомнения в соблюдении требований закона.

Проблемы, связанные со свидетелями и исполнителями завещания

1. Требования к свидетелям. Перечень лиц, которые не могут быть свидетелями при удостоверении завещания (п. 2 ст. 1124 ГК РФ), является исчерпывающим, но на практике нотариусу сложно проверить, например, не является ли свидетель гражданином, не обладающим полным объемом дееспособности, или не связан ли он с завещателем договорными отношениями, которые могут повлиять на его объективность.

2. Правовой статус душеприказчика. При удостоверении завещания с назначением исполнителя завещания (душеприказчика) нотариус зачастую ограничивается фиксацией его согласия, данного в надписи на самом завещании. Однако последующий отказ душеприказчика от исполнения обязанностей или ненадлежащее их исполнение создают значительные трудности для наследников [6]. Закон не обязывает нотариуса разъяснять душеприказчику весь объем его прав и обязанностей.

Пути решения:

- Закрепить обязанность нотариуса не только устанавливать личность свидетеля, но и проводить его устный опрос на предмет соответствия требованиям закона.

- Ввести практику оформления отдельного соглашения с душеприказчиком, в котором бы детально разъяснялись его полномочия, ответственность и порядок вознаграждения. Это повысило бы ответственность исполнителя и снизило число отказов.

Специфические проблемы цифровизации и банковских распоряжений

1. Закрытые и чрезвычайные завещания. Институты закрытого (ст. 1126 ГК РФ) и чрезвычайного (ст. 1129 ГК РФ) завещаний, призванные обеспечить волю гражданина в особых обстоятельствах, на практике порождают наибольшее число споров. Нотариус, принимая конверт с закрытым завещанием, не может проверить его содержание и соответствие форме. Чрезвычайные завещания часто

составляются с грубыми нарушениями, что приводит к их последующему признанию недействительными.

2. Завещательные распоряжения в банках. Право распорядиться денежными средствами на банковском счете путем совершения завещательного распоряжения в банке (ст. 1128 ГК РФ) создает конкуренцию нотариально удостоверенному завещанию. Завещательное распоряжение, составленное позднее, может отменить положения нотариального завещания в части средств на счете, о чем наследники по завещанию могут не знать. Кроме того, сотрудники банка не обладают компетенцией нотариуса для оценки дееспособности клиента.

3. Электронное завещание. Перспектива введения полноценного электронного завещания, удостоверенного квалифицированной электронной подписью, ставит новые вопросы: обеспечение тайны в цифровой среде, идентификация личности завещателя и подтверждение его дееспособности дистанционно.

Пути решения:

- Усилить разъяснительную работу с гражданами о рисках, связанных с составлением закрытых и чрезвычайных завещаний.

- Рассмотреть вопрос об обязательном информировании нотариуса, ведущего наследственное дело, о наличии действующих завещательных распоряжений в банках через систему межведомственного электронного взаимодействия.

- При разработке института электронного завещания предусмотреть обязательную идентификацию с использованием Единой системы идентификации и аутентификации (ЕСИА) и, возможно, обязательную видеоконференц-связь с нотариусом для оценки дееспособности.

Нотариальное удостоверение завещания, являясь краеугольным камнем наследственного права и эффективным инструментом реализации последней воли гражданина, продолжает сталкиваться с комплексом многогранных проблем. Эти вызовы, имеющие как традиционный, так и современный характер, требуют постоянного внимания законодателя и профессионального сообщества. Наиболее острыми из них, порождающими значительное число

судебных споров, остаются вопросы установления полной и бесспорной дееспособности завещателя, подтверждения подлинной свободы его воли, неукоснительного соблюдения тайны завещания и эффективного противодействия скрытому или явному постороннему влиянию со стороны третьих лиц.

Решение этих глубинных проблем видится экспертами не в коренном пересмотре или демонтаже устоявшегося института завещания, а в его последовательном и системном совершенствовании, адаптирующем традиционные процедуры к реалиям цифровой эпохи. Данное совершенствование должно осуществляться по следующим взаимосвязанным направлениям:

1. Совершенствование законодательного регулирования. Требуется предоставление нотариусу не только обязанности, но и четких правовых инструментов для проверки дееспособности завещателя в момент совершения акта. Это может включать законодательное закрепление обязанности по обязательному аудио- и видеопротоколированию процесса составления и удостоверения завещания (при отсутствии возражений завещателя), что послужит объективным доказательством в случае оспаривания. Кроме того, актуальным является вопрос о введении в законодательство таких превентивных мер, как возможность привлечения врача для подтверждения ясного сознания завещателя в сомнительных ситуациях.

2. Развитие и унификация нотариальной практики. Ключевая роль отводится внедрению детальных методических рекомендаций и протоколов действий для нотариусов при работе с «группами риска» (пожилые, тяжелобольные граждане). Не менее важно системное повышение квалификации нотариусов в области психологии и геронтологии, позволяющее точно выявлять малозаметные признаки психологического давления, внушения или «пограничных» состояний завещателя, которые могут повлиять на свободу его волеизъявления.

3. Технологическая модернизация нотариата. В современную эпоху необходимо безопасное и продуманное внедрение цифровых технологий, которые обеспечат не только удобство и доступность процедуры для

граждан (например, через предварительную онлайн-консультацию), но и надежные гарантии подлинности, неизменности, тайны и свободы волеизъявления. Речь идет о развитии электронного нотариата, использовании систем биометрической идентификации, блокчейн-технологий для фиксации и хранения завещаний, что делает документ максимально защищенным от подделок и несанкционированного доступа.

Таким образом, только комплексный и сбалансированный подход, органично сочета-

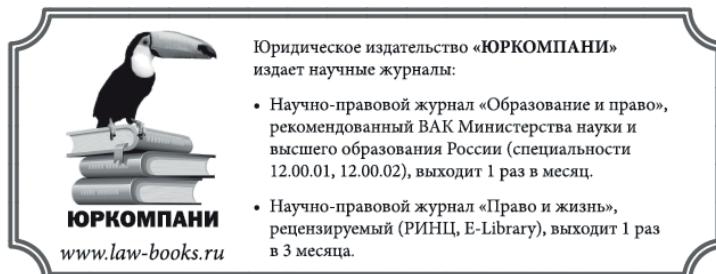
ющий точечные законодательные инициативы, непрерывное профессиональное развитие нотариата и разумное, взвешенное использование передовых технологий, позволит минимизировать правовые риски оспаривания завещаний. Именно такой путь ведет к достижению главной цели — обеспечению максимальной защиты прав и законных интересов как завещателей, так и их добросовестных наследников, укрепляя тем самым доверие ко всему институту наследования.

Список литературы:

- [1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 49. – Ст. 4552.
- [2] Толстой Ю.К. Наследственное право. – М.: Проспект, 2022. – 312 с.
- [3] Кириллов П.С. Проблемы установления свободы воли при нотариальном удостоверении завещаний // Нотариус. – 2022. – № 5. – С. 44-48.
- [4] Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 10. – Ст. 357.
- [5] Абраменков М.С. Наследственное право: учебник для вузов. – М.: Юрайт, 2023. – 458 с.
- [6] Черемных Г.Г. Нотариальное право: учебник. – М.: Юрайт, 2021. – 654 с.
- [7] Ярков В.В. Нотариальное право России. – М.: Норма, 2023. – 480 с.

Spisok literatury:

- [1] Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' tret'ia) ot 26.11.2001 № 146-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2001. – № 49. – St. 4552.
- [2] Tolstoi Iu.K. Nasledstvennoe pravo. – M.: Prospekt, 2022. – 312 s.
- [3] Kirillov P.S. Problemy ustanovleniya svobody voli pri notarial'nom udostoverenii zaveshchanii // Notarius. – 2022. – № 5. – S. 44-48.
- [4] Osnovy zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii o notariate (utv. VS RF 11.02.1993 № 4462-1) // Vedomosti SND i VS RF. – 1993. – № 10. – St. 357.
- [5] Abramakov M.S. Nasledstvennoe pravo: uchebnik dlja vuzov. – M.: Iurait, 2023. – 458 s.
- [6] Cheremnykh G.G. Notarial'noe pravo: uchebnik. – M.: Iurait, 2021. – 654 s.
- [7] Iarkov V.V. Notarial'noe pravo Rossii. – M.: Norma, 2023. – 480 s.

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право»,
рекомендованный ВАК Министерства науки и
высшего образования России (специальности
12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь»,
рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз
в 3 месяца.

ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.11.2025 г.
Дата принятия рукописи к печати: 03.12.2025

DOI: 10.24412/3034-4395-2025-4-62-67

ГРУЗДЕВ Владислав Викторович,
доктор юридических наук,
доцент кафедры гражданского и предпринимательского права,
Российская государственная академия интеллектуальной собственности,
г. Москва
e-mail: v.gruzdev@rgiis.ru

БОТАШЕВ Борис Юрьевич,
магистрант, 2 курс,
кафедра гражданского и предпринимательского права,
Российская государственная академия интеллектуальной собственности,
г. Москва
e-mail: b_botashev@bk.ru

ПРЕДМЕТ ДОГОВОРА И ОБЪЕКТ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА: ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы правовой природы предмета договора и объекта обязательства в гражданском праве. Проводится комплексный анализ их содержания, признаков и взаимосвязи в теоретическом и практическом аспектах. Результатами исследования являются уточнение соотношения данных категорий, выявление их отличий и определение значения для квалификации и исполнения гражданско-правовых обязательств.

Ключевые слова: гражданское право, обязательство, договор, предмет договора, объект обязательства, сделка, правовое регулирование.

GRUZDEV Vladislav Viktorovich,
Doctor of Law,
Associate Professor, Department of Civil and Business Law,
Russian State Academy of Intellectual Property,
Moscow

BOTASHEV Boris Yuryevich,
Master's Student, Second Year,
Department of Civil and Business Law,
Russian State Academy of Intellectual Property,
Moscow

THE SUBJECT OF THE CONTRACT AND THE OBJECT OF THE OBLIGATION: LEGAL CHARACTERISTICS AND THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CONCEPTS

Annotation. This article examines the legal nature of the subject of a contract and the object of an obligation in civil law. It provides a comprehensive analysis of their content, characteristics, and interrelationships in theoretical and practical aspects. The study clarifies the relationship between these categories, identifies their differences, and determines their significance for the classification

and enforcement of civil obligations.

Key words: *civil law, obligation, contract, subject of contract, object of obligation, transaction, legal regulation.*

Проблематика разграничения предмета договора и объекта обязательства традиционно относится к числу дискуссионных вопросов гражданско-правовой теории. Несмотря на устоявшиеся положения отечественной доктрины, в современной науке продолжают возникать споры относительно того, совпадают ли данные категории или обладают самостоятельным юридическим значением. Актуальность исследования обусловлена необходимостью точного понимания данных понятий для правильной квалификации гражданско-правовых отношений, а также для определения их правовых последствий.

В условиях активного развития договорного права, расширения видов обязательств и усложнения предметного состава сделок проблема разграничения данных понятий приобретает прикладное значение. Неправильное определение предмета договора или объекта обязательства способно привести к неверному толкованию условий сделки, а следовательно – к судебным спорам и нарушению прав участников гражданского оборота.

Несмотря на устоявшиеся теоретические подходы, в последние годы исследователи всё чаще обращаются к функциональному анализу этих категорий, рассматривая их взаимосвязь в контексте новых видов договоров, цифрового оборота и смешанных сделок.

Согласно статье 307 Гражданского кодекса Российской Федерации, обязательство представляет собой правоотношение, в силу которого одно лицо обязано совершить в пользу другого определённое действие либо воздержаться от него, а кредитор имеет право требовать исполнения этой обязанности [1]. Сущность данного правоотношения заключается в возложении на должника юридической обязанности совершить в пользу кредитора определённое действие (передать имущество, выполнить работу, оказывать услугу, уплатить денежную сумму и т. п.) либо воздержаться от его совершения в случаях, предусмотренных законом или договором. В то же время кредитор наделён субъективным гражданским правом требовать от должника исполнения этой

обязанности в установленном порядке.

Таким образом, объект обязательства определяется как то, на что направлено поведение должника и в отношении чего реализуется право требования кредитора. Объектом выступают конкретные действия или бездействие должника, имеющие юридическое значение и обеспечивающие достижение определённого правового результата. Необходимо подчеркнуть, что объектом является не вещь сама по себе, а именно поведение, направленное на её передачу, создание или использование. В этом проявляется волевой, динамический характер обязательственного правоотношения, отличающий его от иных гражданско-правовых связей, где объектом могут быть вещи, результаты творчества или нематериальные блага.

Предмет договора, в отличие от объекта обязательства, выражает сущность и содержание достигнутого сторонами соглашения. Он является формой объективированного проявления их согласованной воли и определяет, какие именно действия должны быть совершены сторонами, в отношении каких благ – материальных или нематериальных – осуществляется взаимодействие, а также в каком объёме и порядке происходит их передача, создание или использование.

С научной точки зрения предмет договора выступает структурообразующим элементом обязательственного правоотношения, поскольку именно через его определение раскрывается характер и направленность гражданско-правовой связи. В доктрине гражданского права предмет договора традиционно рассматривается как одно из существенных условий, без согласования которого договор не может быть признан заключённым в силу статьи 432 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Определение предмета позволяет установить юридическую природу договора, отграничить его от смежных конструкций и обеспечить возможность правовой квалификации обязательства. Иными словами, предмет договора конкретизирует волю сторон, придавая ей юридическую определённость и обеспечи-

вая применимость соответствующих правовых норм [2].

Как пишет Н. В. Пономарёва, предмет договора следует рассматривать как конструктивный элемент, определяющий юридическую природу обязательства и обеспечивающий возможность его квалификации в системе гражданско-правовых договоров [3]. Таким образом, именно предмет договора определяет вид правоотношения, его направленность и границы прав и обязанностей сторон.

В исследовании А. С. Грунского предмет договора рассматривается как «смыслоное содержание формулируемых в нём абстрактно-правовых моделей-норм (условий)».

Автор подчёркивает, что именно через предмет договора реализуется воля сторон и конкретизируется юридическая форма обязательственного взаимодействия. В этом смысле предмет выступает не просто обозначением вещи или услуги, но конструированным правовым образом, который фиксирует, каким образом стороны договорились урегулировать свои отношения. Если предмет не конкретизирован, стороны не выявили объём прав и обязанностей, то договор не может быть признан заключённым либо подлежит переосмыслению [4].

Объект обязательства, в отличие от предмета договора, выражает не волевое согласие сторон, а фактическую направленность исполнения. Он представляет собой ту реальность, в которой обязательство реализуется, – действия, услуги, передачу вещей, создание результатов интеллектуальной деятельности или достижение определённого состояния. Иными словами, объект определяет материальное или нематериальное проявление поведения должника, которое обеспечивает реализацию права кредитора.

Как отмечает Г. Н. Уткин, между предметом и объектом существует соотношение содержания и результата. Предмет фиксирует намерение сторон и конструкцию их правовой связи, а объект воплощает это намерение в конкретных юридически значимых действиях и последствиях исполнения [5]. Данное обстоятельство позволяет рассматривать объект не просто как элемент обязательства, а как критерий, по которому определяется его действительное исполнение. При этом специ-

фика объекта напрямую влияет на квалификацию обязательства, его способ исполнения и характер ответственности сторон, что подтверждает необходимость строгого разграничения данных категорий в правоприменительной практике.

В ряде случаев предмет договора и объект обязательства действительно совпадают, что характерно для обязательств, имеющих вещно-правовую направленность. Так, при купле-продаже, меновом договоре или дарении обе категории выражаются через конкретную вещь, подлежащую передаче от одной стороны другой. В таких правоотношениях воля сторон сосредоточена на переходе права собственности, а поведение должника сводится к фактическому действию по передаче имущества. Однако данное совпадение носит формальный характер, поскольку правовое значение имеет не сама вещь, а обязательственное поведение, направленное на её передачу.

В обязательствах по оказанию услуг, выполнению работ, а также в договорах подряда разграничение этих понятий становится принципиальным. Предметом договора в подобных случаях выступает деятельность исполнителя, определяющая содержание его обязанностей, тогда как объектом обязательства является результат, достигаемый в ходе этой деятельности. Именно этот результат, имеющий экономическую и правовую ценность для кредитора, становится объектом правового воздействия и мерой исполнения обязательства.

Особое значение различие между предметом и объектом приобретает в сфере смешанных договоров, где одно соглашение сочетает в себе элементы различных обязательств. Как подчёркивает Т. В. Дерюгина, множественность обязательств в рамках единого договора формирует комплекс разнохарактерных объектов, связанных с различными юридическими последствиями. Это требует системного подхода к определению предмета договора, позволяющего выделить преобладающий элемент и установить, какая правовая природа определяет квалификацию сделки [6].

Практическое значение различия между предметом и объектом подтверждается судебной практикой. Так, при рассмотрении споров о признании договора незаключённым суды

исходят из того, что предмет договора должен быть определённым и индивидуализированным, а объект обязательства – соответствовать правомерной цели гражданского оборота. В постановлениях Верховного Суда Российской Федерации неоднократно подчёркивалось, что отсутствие согласия сторон по предмету влечёт недействительность или незаключённость договора [7].

В судебной практике закреплён принцип – предмет договора должен быть определённым и индивидуализированным, поскольку именно по нему устанавливается воля сторон и содержательная сторона обязательства. Это следует из общих положений ГК РФ и разъяснений высших судебных инстанций. Так, в Определении Верховный Суд Российской Федерации от 04.04.2023 г. № 305-ЭС22-24429 по делу № А40-67639/2021 указано, что при договоре возмездного оказания услуг правовой характер обязательства определяется через волю сторон и согласованный результат, а не просто формулировку деятельности [8]. Аналитические обзоры практики подчёркивают необходимость проверки наличия согласованных наименования, количества, качества (характеристик) и иного содержания предмета при разрешении споров о незаключённости сделки. При отсутствии таких признаков суды отказывают в признании договора порождающим обязательства.

Реальные решения нижестоящих и апелляционных судов иллюстрируют применение этого критерия. При спорах о поставке и подряде неоднократно суды исходили из того, что размытое или не согласованное описание предмета (отсутствие конкретизации наименования, объёма, характеристик или акта приёма-сдачи) препятствует установлению существования обязательственных правоотношений и ведёт к признанию договора незаключённым или отказу в удовлетворении требований о взыскании по «неопределенному» основанию. Аналогичные позиции отражаются в материалах столичных судов, где при отсутствии возможности идентифицировать предмет исполнения суд считает невозможным установить волю сторон для возникновения обязательства.

В современных условиях важность данного разграничения проявляется и при цифрови-

зации гражданского оборота. В электронной среде нередко возникает сложность в определении предмета договора – особенно в сфере оказания услуг через интернет, где объектом обязательства становится цифровой контент или нематериальный результат интеллектуальной деятельности. Таким образом, развитие цифровых форм договоров подтверждает актуальность теоретического уточнения данных категорий.

Вместе с тем практика показывает, что суд может признать предмет договора определённым при наличии согласования основных параметров (вида работ, цели и механизма исполнения) даже при отсутствии детальной спецификации результата. В этих случаях суд оценивает волю сторон в совокупности и устанавливает предмет через доминирующие признаки соглашения. Положение о возможности судебного признания договора заключённым на условиях суда также закреплено в процессуальной практике (п. 4 ст. 445 ГК РФ) и используется судами в ситуациях, когда все существенные условия могут быть воспроизведены решением суда. Следовательно, различие предмета договора и объекта обязательства в судебной практике используется как инструмент квалификации сделки: при формальной неопределенности предмета применяется режим незаключённости, при фактическом согласовании – режим признания договора действующим с последующим определением характера объекта исполнения [9].

Подводя итоги, следует отметить, что предмет договора и объект обязательства представляют собой взаимосвязанные, но не совпадающие правовые категории. Предмет договора фиксирует волевое содержание соглашения и структуру прав и обязанностей, а объект обязательства отражает то, на что направлено исполнение. Их различие имеет решающее значение для квалификации договора, определения его действительности, а также для надлежащего исполнения и защиты прав участников гражданского оборота.

Проведённый анализ теоретических положений, доктринальных подходов и судебной практики позволяет сформулировать комплексные выводы о соотношении предмета договора и объекта обязательства в гражданском праве. Исследование показало, что дан-

ные категории обладают самостоятельным юридическим значением, выполняя различные функции в механизме регулирования обязательственных отношений. Предмет договора отражает волевое содержание соглашения, конкретизирует намерения сторон и формирует структуру их взаимных прав и обязанностей. Объект обязательства выражает то, на что направлено исполнение, и воплощает фактическое содержание правоотношения в поведении или результате действий должника.

Разграничение этих понятий имеет не теоретическое, а прикладное значение. Именно правильное определение предмета позволяет квалифицировать договор как заключённый, определить его вид и применимые правовые нормы. Непонимание различий между предметом и объектом приводит к ошибкам в толковании условий сделки и к последующим судебным конфликтам. Практика показывает, что суды рассматривают определённость предмета как обязательное условие действительности договора, а соответствие объекта правомерной цели гражданского оборота —

как гарантию легитимности обязательства.

Современная тенденция развития гражданского оборота, включая цифровизацию сделок и появление новых видов договоров, усиливает значимость функционального подхода к соотношению данных категорий. Предмет договора всё чаще рассматривается как юридическая конструкция, обеспечивающая формирование обязательства, тогда как объект отражает динамическую сторону исполнения. Такое понимание способствует системному толкованию договоров, учёту воли сторон и правовой предсказуемости оборота.

Итогом проведённого исследования является вывод о необходимости чёткого методологического разграничения предмета договора и объекта обязательства для единообразного правоприменения и обеспечения устойчивости гражданско-правовых связей. Правильная квалификация этих элементов обеспечивает стабильность договорной практики, снижает риск признания сделок незаключёнными и повышает уровень правовой определённости участников гражданского оборота.

Список литературы:

- [1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // «Российская газета», N 238-239, 08.12.1994.
- [2] Брагинский, М. И. Договорное право: общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. — 4-е изд. - Москва : Статут, 2020. - 847 с.
- [3] Грунски А. С. К проблеме понятия предмета гражданско-правового договора // Актуальные проблемы российского права. 2009. №2. С. 205-212.
- [4] Пономарева Н. В. О предмете договора коммерческой концессии // ЮП. 2023. №2 (105). С. 160-166.
- [5] Уткин Г.Н. Состав и структура обязательства в гражданском праве // Аграрное и земельное право. 2024. №1 (229). С. 150-152.
- [6] Дерюгина Т.В. О дихотомии конструкции смешанного договора // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. №3 (61). С. 467-478.
- [7] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2016 г. N 54 г. Москва «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» // URL: <https://rg.ru/documents/2016/12/05/plenum-dok.html> (дата обращения: 05.11.2025).
- [8] Определение ВС РФ от 04.04.2023 г. № 305-ЭС22-24429 по делу № А40-67639/2021 // URL : <https://www.v2b.ru/documents/opredelenie-vs-rf-ot-04-04-2023-g-305-es22-24429-podelu-a40-67639>, (дата обращения: 06.11.2025).
- [9] Определение ВС РФ № 309-ЭС19-10274 // URL : https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/ae8b3531-dc1a-4e53-a969-a5de16e12a82/63d54360-90c5-450f-8028-90945e7fadd4/A50-12400-2018_20200525_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True, (дата обращения: 06.11.2025).

Spisok literatury:

- [1] *Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' pervaia): Federal'nyi zakon ot 30.11.1994 N 51-FZ (red. ot 31.07.2025) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.08.2025) // «Rossiiskaia gazeta», N 238-239, 08.12.1994.*
- [2] *Braginskii, M. I. Dogovornoe pravo: obshchie polozheniia / M. I. Braginskii, V. V. Vitrianskii. — 4-e izd. - Moskva : Statut, 2020. - 847 s.*
- [3] *Grunskii A. S. K probleme poniatiiia predmeta grazhdansko-pravovogo dogovora // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. 2009. №2. S. 205-212.*
- [4] *Ponomareva N. V. O predmete dogovora kommercheskoi kontsessii // IuP. 2023. №2 (105). S. 160-166.*
- [5] *Utkin G.N. Sostav i struktura obiazatel'stva v grazhdanskom prave // Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2024. №1 (229). S. 150-152.*
- [6] *Deriugina T.V. O dikhotomii konstruktsii smeshannogo dogovora // Vestnik Permskogo universiteta. Iuridicheskie nauki. 2023. №3 (61). S. 467-478.*
- [7] *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 22 noiabria 2016 g. N 54 g. Moskva «O nekotorykh voprosakh primeneniia obshchikh polozhenii Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii ob obiazatel'stvakh i ikh ispolnenii» // URL: <https://rg.ru/documents/2016/12/05/plenum-dok.html> (data obrashcheniya: 05.11.2025).*
- [8] *Opredelenie VS RF ot 04.04.2023 po delu № A40-67639/2021 // URL : <https://www.v2b.ru/documents/opredelenie-vs-rf-ot-04-04-2023-g-305-es22-24429-po-delu-a40-67639>, (data obrashcheniya: 06.11.2025).*
- [9] *Opredelenie VS RF № 309-ES19-10274 // URL : https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/ae8b3531-dc1a-4e53-a969-a5de16e12a82/63d54360-90c5-450f-8028-90945e7fadd4/A50-12400-2018_20200525_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True, (data obrashcheniya: 06.11.2025).*

**Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ПРАВО И ЭКОНОМИКА

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.11.2025 г.
Дата принятия рукописи к печати: 03.12.2025

DOI: 10.24412/3034-4395-2025-4-68-73

СПИРИДОНОВ Вячеслав Валентинович,
студент ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого»
г. Санкт-Петербург, Россия
e-mail: info@law-books.ru

ПРАВОВЫЕ ВЫЗОВЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКИ: «УМНЫЕ» СЕТИ, КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ И ДАННЫЕ

Аннотация. В статье анализируются ключевые правовые вызовы, возникающие в процессе цифровой трансформации электроэнергетики России. Рассматриваются вопросы правового регулирования «умных» сетей (*Smart Grid*), обеспечения кибербезопасности критической информационной инфраструктуры и обращения с данными, генерируемыми интеллектуальными системами учета. Выявляются пробелы и коллизии в действующем законодательстве, предлагаются направления для его совершенствования.

Ключевые слова: цифровая трансформация, электроэнергетика, «умные» сети, кибербезопасность, критическая информационная инфраструктура, большие данные, интеллектуальные системы учета, правовое регулирование.

SPIRIDONOV Vyacheslav Valentinovich,
student of the Federal State Autonomous
Educational Institution of Higher Education
«Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University»
St. Petersburg, Russia

LEGAL CHALLENGES OF THE DIGITAL TRANSFORMATION OF THE ELECTRIC POWER INDUSTRY: SMART GRIDS, CYBERSECURITY, AND DATA

Annotation. The article analyzes the key legal challenges arising from the digital transformation of the Russian electric power industry. The issues of legal regulation of Smart Grids, ensuring the cybersecurity of critical information infrastructure, and the handling of data generated by intelligent metering systems are considered. Gaps and conflicts in the current legislation are identified, and directions for its improvement are proposed.

Key words: digital transformation, electric power industry, smart grids, cybersecurity, critical information infrastructure, big data, intelligent metering systems, legal regulation.

Цифровая трансформация электроэнергетики фундаментально меняет ее архитектуру, трансформируя традиционную централизованную систему в распределенную, интерактивную и интеллектуальную среду, известную как «умная» сеть (*Smart Grid*). В российской правовой системе отсутствует прямое законодательное определение понятия «умная» сеть.

Однако его сущность раскрывается через цели и задачи, закрепленные в стратегических документах, и опосредованно – через регулирование интеллектуальных систем учета.

Ключевым документом, задающим вектор развития, является Распоряжение Правительства РФ от 09.06.2020 № 1523-р «Об утверждении Концепции развития интеллектуальной

энергетической системы Российской Федерации» [1]. Концепция определяет интеллектуальную энергетическую систему (ИЭС) как комплекс технологических, управлеченческих и информационных решений, обеспечивающих эффективное функционирование электроэнергетики за счет автоматизированного управления и двустороннего обмена информацией между всеми ее участниками. По мнению А.В. Лагутиной, отсутствие легальной дефиниции «умных» сетей создает правовую неопределенность при применении к ним существующих норм, предназначенных для традиционной энергетики [2].

Функционально ядро «умной» сети составляют интеллектуальные системы учета, правовые основы внедрения которых установлены Федеральным законом от 27.12.2018 № 522-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с развитием систем учета электрической энергии (мощности)» [3]. Данный закон возложил на гарантирующих поставщиков и сетевые организации обязанность по оснащению точек поставки интеллектуальными приборами учета (ИПУ). С точки зрения С.М. Зыкова, Закон № 522-ФЗ стал катализатором цифровизации, но породил и новые вызовы, в частности, в области защиты прав потребителей и определения ответственности за работоспособность и данные ИПУ [4].

Важным аспектом является вопрос собственности на данные и технологическую инфраструктуру. Интеллектуальный прибор учета, как правило, устанавливается на стороне потребителя, но принадлежит и обслуживается сетевой организацией или гарантирующим поставщиком. Это порождает сложную правовую конструкцию. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ [5] не содержит специальных норм, регулирующих отношения, возникающие в связи с установкой оборудования одной стороной на объекте другой стороны для целей исполнения договора. На практике это регулируется договорами энергоснабжения и оказания услуг по передаче электроэнергии. Однако, как справедливо отмечает Е.И. Афанасьева, в этих договорах зачастую не прописаны детальные условия об использовании данных, получаемых с ИПУ, что создает риски для обеих сторон [6].

Таким образом, первым правовым вызовом является формирование целостного понятийного аппарата и адекватного правового режима для «умных» сетей, который бы учитывал их распределенный, интерактивный и технологически сложный характер, выходящий за рамки классического энергетического законодательства.

«Умные» сети, будучи киберфизическими системами, уязвимы для компьютерных атак, последствия которых могут быть сопоставимы с физическими диверсиями. Электроэнергетика в Российской Федерации отнесена к сфере критической информационной инфраструктуры (КИИ) в соответствии с Указом Президента РФ от 17.03.2021 № 140 «Об утверждении Перечня объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» [7]. Следовательно, ее правовой режим в области безопасности определяется Федеральным законом от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» [8].

Закон № 187-ФЗ возлагает на субъектов КИИ (к которым относятся сетевые и генерирующие компании) ряд обязательств, включая:

- Категорирование объектов КИИ.
- Проведение оценки рисков и прогнозирование угроз.
- Установление особых требований к средствам защиты информации.
- Обеспечение непрерывности функционирования путем создания систем безопасности и инцидент-менеджмента.
- Предоставление в Федеральную службу по техническому и экспортному контролю (ФСТЭК России) информацию об инцидентах.

По мнению В.А. Минаева, несмотря на комплексный характер Закона № 187-ФЗ, его практическая реализация в электроэнергетике сталкивается с трудностями, связанными с высокой стоимостью внедрения средств защиты, нехваткой квалифицированных кадров и постоянной эволюцией киберугроз [9]. Особую сложность представляет интеграция устаревших промышленных систем (АСУ ТП), которые не были рассчитаны на современные киберугрозы, в новую парадигму безопасности.

Коллизия возникает на стыке законодательства о КИИ и энергетического законодательства. Например, Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» [10] обязывает субъекты отрасли обеспечивать надежность и безопасность энергосистемы. Однако он не детализирует кибернетические аспекты этой безопасности. В результате, как указывает К.Р. Петросян, требования к физической и кибернетической безопасности могут разрабатываться и контролироваться разными ведомствами (Ростехнадзор, ФСТЭК, ФСБ), что создает риск возникновения противоречивых предписаний [11].

Еще одним вызовом является вопрос ответственности за кибератаки. В случае успешной атаки на объект КИИ, приведшей к веерным отключениям, сложно определить виновное лицо в рамках действующего административного и уголовного права. Кодекс РФ об административных правонарушениях и Уголовный кодекс РФ содержат составы правонарушений, связанных с неправомерным доступом к компьютерной информации (ст. 13.12 КоАП РФ [12], ст. 272 УК РФ [13]), но они не в полной мере учитывают специфику последствий для объектов жизнеобеспечения.

Следовательно, вторым ключевым вызовом является необходимость дальнейшей гармонизации законодательства о КИИ с отраслевым энергетическим законодательством, развития механизмов публично-частного партнерства в области кибербезопасности и совершенствования мер ответственности за кибератаки на объекты энергетики.

Цифровая трансформация порождает огромные массивы данных (Big Data), которые становятся новым стратегическим активом. В контексте «умных» сетей можно выделить несколько типов данных:

1. Данные интеллектуального учета (потребление, генерация, профили нагрузки).
2. Телеметрические данные с оборудования сетей (трансформаторов, выключателей).
3. Данные о состоянии рынка и режимах работы энергосистемы.

Правовой режим этих данных формируется под воздействием нескольких отраслей законодательства.

Во-первых, законодательство о персональных данных. Данные о потреблении электро-

энергии, особенно с высокой детализацией (например, с интервалом в 30 минут или менее), позволяют де-анонимизировать потребителя и получить о нем информацию: режим дня, использование специфических электро-приборов, факт присутствия или отсутствия в жилище. Таким образом, они являются персональными данными в смысле Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [14]. Субъекты КИИ, обрабатывающие такие данные, обязаны соблюдать все требования Закона: получать согласие субъекта, обеспечивать конфиденциальность и безопасность, уведомлять Роскомнадзор и т.д. А.Б. Наумов и С.В. Куракин отмечают, что получение действительного информированного согласия на обработку данных с ИПУ является нетривиальной задачей, так как потребитель зачастую не осознает объем собираемой о нем информации [15].

Во-вторых, законодательство о коммерческой тайне. Для сетевых и сбытовых компаний данные об объемах перетока и потребления, а также о режимах работы сети могут составлять коммерческую тайну (Федеральный закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» [16]). Однако здесь возникает конфликт интересов. С одной стороны, компания заинтересована в защите этих данных. С другой стороны, в условиях «умной» сети для обеспечения эффективного функционирования системы эти данные должны в определенном объеме и формате предоставляться системному оператору, участникам оптового и розничного рынков. Правовые рамки такого обмена на сегодняшний день определены недостаточно четко.

В-третьих, вопросы права собственности на данные. Гражданское законодательство РФ не знает понятия «право собственности на данные». Данные рассматриваются как объект гражданских прав – информация (ст. 128 ГК РФ). Создаваемые интеллектуальными приборами учета данные являются производными от процесса потребления услуги. Кто является их «создателем» и правообладателем? Потребитель, чье поведение генерирует данные? Сетевая компания, чье оборудование их фиксирует и передает? Гарантирующий поставщик, который обязан их собирать в силу закона? Доктринальных и судебных от-

ветов на эти вопросы пока нет. По мнению Д.В. Петрова, разрешить этот тупик могло бы введение конструкции «производных данных» и закрепление в законе презумпции, что данные, созданные в процессе исполнения публично-правовой обязанности (как в случае с ИПУ), являются общедоступными, за исключением той части, что относится к персональным данным [17].

В-четвертых, регулирование обмена данными. Для реализации потенциала «умных» сетей необходим свободный, но регламентированный обмен данными между всеми участниками: генерацией, сетевыми компаниями, системным оператором, поставщиками и потребителями. В настоящее время такой обмен регламентирован фрагментарно – отдельными правилами оптового и розничных рынков, утверждаемыми Правительством РФ. Требуется создание комплексной нормативной базы, определяющей форматы, протоколы, сроки и условия доступа к различным типам данных в электроэнергетике, по аналогии с европейской директивой о внутреннем рынке электроэнергии (Directive (EU) 2019/944).

Таким образом, третий правовой вызов заключается в формировании сбалансированного правового режима данных, который, с одной стороны, защищал бы права потребителей (включая право на неприкосновенность частной жизни), а с другой – обеспечивал бы свободный поток информации, необходимый для эффективного и надежного функционирования цифровой энергосистемы.

Для преодоления обозначенных правовых вызовов целесообразно рассмотреть следующие меры:

1. Разработка и принятие специального федерального закона (или масштабная поправка в ФЗ «Об электроэнергетике»), который бы закрепил понятийный аппарат «умных» сетей, принципы их функционирования, права и обязанности всех участников, включая потребителей-посьюмеров.

2. Углубление гармонизации законодательства о КИИ и энергетического законодательства. Возможно, создание единого подзаконного акта (например, постановления Правительства РФ), который бы устанавливал комплексные требования к безопасности для объектов электроэнергетики, объединяющие кибернетические и физические аспекты.

3. Создание детализированного правового режима для данных ИПУ. Необходимо четко разграничить персональные и неперсональные данные, установить исчерпывающий перечень целей, для которых данные могут использоваться без дополнительного согласия потребителя (билинг, управление режимами сети), и ввести упрощенные процедуры получения согласия для иных целей (сервисы энергосбережения).

4. Стимулирование разработки и внедрения стандартов и протоколов для обеспечения интероперабельности (совместимости) устройств и систем от разных производителей, что является основой для создания конкурентной экосистемы «умной» энергетики.

5. Развитие саморегулирования. Следует поощрять создание отраслевых стандартов и кодексов поведения, регулирующих обмен данными и обеспечение кибербезопасности, что позволит гибко реагировать на быстрое технологическое развитие.

Список литературы:

- [1] Распоряжение Правительства РФ от 09.06.2020 № 1523-р «Об утверждении Концепции развития интеллектуальной энергетической системы Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 24. – Ст. 3940.
- [2] Лагутина А. В. Правовые проблемы внедрения технологий «умных сетей» (Smart Grid) в электроэнергетике России / А. В. Лагутина // Энергетическое право. – 2021. – № 2. – С. 44–49.
- [3] Федеральный закон от 27.12.2018 № 522-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с развитием систем учета электрической энергии (мощности)» // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 53 (часть I). – Ст. 8456.
- [4] Зыков С. М. Правовые аспекты внедрения интеллектуальных систем учета электроэнергии: вызовы и перспективы / С. М. Зыков // Журнал российского права. – 2020. – № 5. – С.

112–125.

[5] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

[6] Афанасьева Е. И. Договорные отношения в сфере интеллектуального учета электроэнергии: проблемы и решения / Е. И. Афанасьева // Хозяйство и право. – 2022. – № 4. – С. 110–118.

[7] Указ Президента РФ от 17.03.2021 № 140 «Об утверждении Перечня объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 12. – Ст. 1975.

[8] Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 31 (часть I). – Ст. 4736.

[9] Минаев В. А. Кибербезопасность объектов критической информационной инфраструктуры топливно-энергетического комплекса: правовые аспекты / В. А. Минаев // Право и безопасность. – 2022. – № 3. – С. 75–82.

[10] Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 13. – Ст. 1177.

[11] Петросян К. Р. Правовое обеспечение кибербезопасности в электроэнергетике: коллизии и пробелы законодательства / К. Р. Петросян // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2021. – № 10. – С. 20–28.

[12] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.

[13] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

[14] Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (часть I). – Ст. 3451.

[15] Наумов А. Б. Персональные данные в интеллектуальных системах учета электроэнергии: проблемы правовой квалификации и защиты / А. Б. Наумов, С. В. Куракин // Информационное право. – 2020. – № 4. – С. 88–94.

[16] Федеральный закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 32. – Ст. 3283.

[17] Петров Д. В. Big Data в энергетике: поиск правового режима / Д. В. Петров // Закон. – 2023. – № 1. – С. 130–140.

Spisok literatury:

[1] Rasporiazhenie Pravitel'stva RF ot 09.06.2020 № 1523-r «Ob utverzhdenii Kontseptsii razvitiia intellektual'noi energeticheskoi sistemy Rossiiskoi Federatsii» // Sbornik zakonodatel'stva RF. – 2020. – № 24. – St. 3940.

[2] Lagutina A. V. Pravovye problemy vnedreniya tekhnologii «umnykh setei» (Smart Grid) v elektroenergetike Rossii / A. V. Lagutina // Energeticheskoe pravo. – 2021. – № 2. – S. 44–49.

[3] Federal'nyi zakon ot 27.12.2018 № 522-FZ «Ovnesenii izmenenii v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii v sviazi s razvitiem sistem ucheta elektricheskoi energii (moshchnosti)» // Sbornik zakonodatel'stva RF. – 2018. – № 53 (chast' I). – St. 8456.

[4] Zykov S. M. Pravovye aspekty vnedreniya intellektual'nykh sistem ucheta elektroenergii: vyzovy i perspektivy / S. M. Zykov // Zhurnal rossiiskogo prava. – 2020. – № 5. – S. 112–125.

[5] Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' pervaia) ot 30.11.1994 № 51-FZ // Sbornik zakonodatel'stva RF. – 1994. – № 32. – St. 3301.

[6] Afanas'eva E. I. Dogovornye otnosheniiia v sfere intellektual'nogo ucheta elektroenergii: problemy i resheniia / E. I. Afanas'eva // Khoziaistvo i pravo. – 2022. – № 4. – S. 110–118.

[7] Uказ Prezidenta RF ot 17.03.2021 № 140 «Ob utverzhdenii Perechnia ob'yektov kriticheskoi

informatsionnoi infrastruktury Rossiiskoi Federatsii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2021. – № 12. – St. 1975.

[8] Federal'nyi zakon ot 26.07.2017 № 187-FZ «O bezopasnosti kriticheskoi informatsionnoi infrastruktury Rossiiskoi Federatsii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2017. – № 31 (chast' I). – St. 4736.

[9] Minaev V. A. Kiberbezopasnost' ob'ektov kriticheskoi informatsionnoi infrastruktury toplivno-energeticheskogo kompleksa: pravovye aspeky / V. A. Minaev // Pravo i bezopasnost'. – 2022. – № 3. – S. 75–82.

[10] Federal'nyi zakon ot 26.03.2003 № 35-FZ «Ob elektroenergetike» // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2003. – № 13. – St. 1177.

[11] Petrosian K. R. Pravovoe obespechenie kiberbezopasnosti v elektroenergetike: kollizii i probely zakonodatel'stva / K. R. Petrosian // Vestnik universiteta imeni O.E. Kutafina (MGIuA). – 2021. – № 10. – S. 20–28.

[12] Kodeks Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniiakh ot 30.12.2001 № 195-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2002. – № 1 (ch. 1). – St. 1.

[13] Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 13.06.1996 № 63-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 1996. – № 25. – St. 2954.

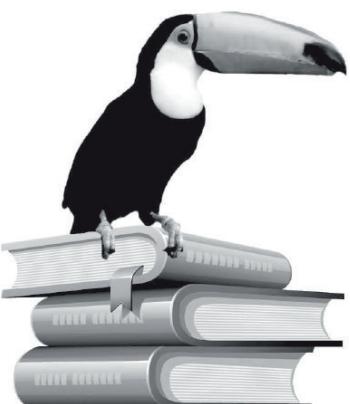
[14] Federal'nyi zakon ot 27.07.2006 № 152-FZ «O personal'nykh dannykh» // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2006. – № 31 (chast' I). – St. 3451.

[15] Naumov A. B. Personal'nye dannyye v intellektual'nykh sistemakh ucheta elektroenergii: problemy pravovoi kvalifikatsii i zashchity / A. B. Naumov, S. V. Kurakin // Informatsionnoe pravo. – 2020. – № 4. – S. 88–94.

[16] Federal'nyi zakon ot 29.07.2004 № 98-FZ «O kommercheskoi taine» // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2004. – № 32. – St. 3283.

[17] Petrov D. V. Big Data v energetike: poisk pravovogo rezhima / D. V. Petrov // Zakon. – 2023. – № 1. – S. 130–140.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.11.2025 г.
Дата принятия рукописи к печати: 03.12.2025

DOI: 10.24412/3034-4395-2025-4-74-81

КУЗНЕЦОВ Роман Константинович,
ВЧ 31602, сотрудник
e-mail: kuznetsoff.roman@mail.ru

ЭЛЕКТРОННАЯ ФОРМА СДЕЛКИ: ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу эволюции правового регулирования электронной формы сделок в условиях цифровой трансформации гражданского оборота. Прослеживается эволюция доктринальных подходов к пониманию электронных сделок — от концепции правовой кибернетики 1960-х годов до современных правовых конструкций цифровых прав и смарт-контрактов. Анализируется законодательная эволюция регулирования электронного документооборота, электронной подписи и цифровых финансовых активов. Особое внимание уделяется дискуссионным вопросам правовой природы электронных сделок, их соотношению с традиционными формами волеизъявления, проблемам квалификации конклюдентных действий в цифровой среде. Рассматриваются актуальные проблемы правового режима криптовалют, цифрового рубля, смарт-контрактов и операций с использованием технологии блокчейн. Исследуются вопросы защиты прав участников электронных сделок, обеспечения информационной безопасности, преодоления цифрового неравенства. Анализируются перспективные направления правового регулирования, связанные с развитием искусственного интеллекта, интернета вещей и распределённых автономных организаций. Автор обосновывает необходимость дальнейшего совершенствования законодательства на основе принципов технологической нейтральности, функциональной эквивалентности и защиты прав участников цифрового оборота. Формулируются предложения по развитию специального законодательства о цифровых технологиях и корректировке общих норм гражданского права.

Ключевые слова: электронная сделка, цифровые права, правовое регулирование, электронная форма договора, цифровизация гражданского оборота, криптовалюты, цифровые финансовые активы, правовая кибернетика.

KUZNETSOV Roman Konstantinovich,
Military Unit 31602, employee

ELECTRONIC FORM OF TRANSACTION: EVOLUTION OF LEGAL REGULATION IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Annotation. The article provides a comprehensive analysis of the evolution of legal regulation of electronic forms of transactions in the context of digital transformation of civil circulation. The genesis of doctrinal approaches to understanding electronic transactions is examined, from the concept of legal cybernetics of the 1960s to modern legal constructs of digital rights and smart contracts. The legislative evolution of regulation of electronic document management, electronic signatures, and digital financial assets is analyzed. Special attention is paid to controversial issues regarding the legal nature of electronic transactions, their relationship with traditional forms of expression of will, and problems of qualifying conclusive actions in the digital environment. Current problems of

the legal regime of cryptocurrencies, digital ruble, smart contracts, and operations using blockchain technology are considered. Issues of protecting the rights of participants in electronic transactions, ensuring information security, and overcoming digital inequality are investigated. Promising directions of legal regulation related to the development of artificial intelligence, the Internet of Things, and decentralized autonomous organizations are analyzed. The author substantiates the necessity of further improvement of legislation based on the principles of technological neutrality, functional equivalence, and protection of the rights of participants in digital circulation. Proposals are formulated for the development of special legislation on digital technologies and amendments to general norms of civil law.

Key words: *electronic transaction, digital rights, legal regulation, electronic form of contract, digitalization of civil circulation, cryptocurrencies, digital financial assets, legal cybernetics.*

Трансформация гражданско-правовых отношений под воздействием цифровых технологий поставила перед правовой наукой фундаментальный вопрос о правовой природе электронных сделок. Если в конце XX века исследователи лишь предвидели масштабы грядущих изменений, то сегодня электронная форма совершения сделок стала повседневной реальностью, охватывающей практически все сферы хозяйственной деятельности. Актуальность научного осмыслиения этих процессов обусловлена не только количественным ростом электронных транзакций, но и качественным изменением самой природы правовых отношений, возникающих в цифровой среде.

Теоретическое осмыслиение правовой природы электронных сделок имеет давнюю историю в отечественной цивилистике, хотя терминологическое оформление этого феномена происходило постепенно. Ещё в середине 1960-х годов Д.А. Керимов обосновывал необходимость формирования правовой кибернетики как самостоятельного научного направления, способного обеспечить адекватное правовое регулирование автоматизированных систем управления (Керимов, 1962). Это было время, когда юридическая наука только начинала осознавать масштаб предстоящих технологических изменений и их влияние на правовую действительность. Позднее А.Б. Венгеров развил эти идеи в монографии, посвященной праву и информации в условиях автоматизации управления, где впервые была предпринята попытка комплексного анализа правовых проблем, возникающих при использовании электронных средств обработки информации (Венгеров, 1978).

М.И. Брагинский в своих работах сере-

дины 1970-х годов обращал внимание на особенности правового регулирования информационных отношений в условиях автоматизированных систем управления, формируя методологические основы для последующего изучения электронных форм взаимодействия субъектов права (Брагинский, 1976).

В современной цивилистической доктрине электронная сделка рассматривается как юридическая операция, осуществляемая с использованием электронных средств и технологий, включая интернет, электронную почту, мобильные приложения и технологию распределённых реестров (Идрисов, 2020). Такое понимание, однако, не является общепризнанным и порождает множество дискуссионных вопросов относительно соотношения формы и содержания сделки, роли технических средств в процессе волеизъявления, критерий действительности электронных транзакций.

Развитие законодательства в сфере электронного документооборота происходило постепенно и не всегда последовательно, что отражает объективную сложность правовой регламентации стремительно меняющихся технологий. С.Ю. Михайлова и Е.В. Иванова отмечают, что понятие электронного документа прошло длительную эволюцию в российском праве, прежде чем приобрело относительно устойчивые юридические характеристики (Михайлова, Иванова, 2022). Первоначально электронный документ воспринимался исключительно как техническое средство фиксации информации, лишённое самостоятельного правового значения. Постепенно, с развитием технологий электронной подписи и систем идентификации пользователей, электронный документ стал признаваться

равнозначным документу на бумажном носителе.

Принципиальное значение для формирования нормативной основы электронных сделок имело введение в Гражданский кодекс Российской Федерации положений о цифровых правах. А.Ю. Олимпиев справедливо указывает, что норма создала правовую основу для регулирования широкого спектра отношений, возникающих в цифровой среде, хотя и породила новые интерпретационные проблемы (Олимпиев, 2024). Появление категории цифровых прав в гражданском законодательстве стало попыткой законодателя адаптировать традиционную систему объектов гражданских прав к реалиям цифровой экономики, однако эта попытка вызвала неоднозначную оценку в научном сообществе.

В.В. Кресс подробно анализирует понятие цифровых прав как объектов гражданских прав и отмечает, что законодательная дефиниция этой категории остаётся недостаточно определённой, что создаёт трудности в право-применительной практике (Кресс, 2022). Основная проблема заключается в том, что цифровые права определяются через указание на возможность их осуществления посредством информационных технологий, что, по сути, характеризует лишь технический способ реализации прав, но не раскрывает их юридическую природу. Такой подход создаёт риск смешения формы и содержания правоотношения, когда технологические характеристики начинают подменять собственно правовые критерии.

Дискуссионным остаётся вопрос о соотношении понятий «электронная сделка» и «сделка в электронной форме». Некоторые авторы рассматривают электронную форму как разновидность письменной формы сделки, другие настаивают на её самостоятельном характере. А.П. Адаменко и соавторы обращают внимание нормативные новации в этой сфере и подчёркивают, что электронные сделки характеризуются особыми способами фиксации волеизъявления и верификации участников (Адаменко, Пискунова, Целовальникова, 2023). Действительно, традиционное понимание письменной формы сделки предполагает создание документа, содержащего текст сделки и подписи сторон, тогда как электронная

форма может реализовываться через последовательность технологических операций, не всегда укладывающихся в классическую схему документирования.

Особого внимания заслуживает проблема квалификации конклюдентных действий в электронной среде. Согласно сложившейся практике, действия пользователя по нажатию кнопки «согласен» или переходу по гиперссылке могут рассматриваться как выражение воли на совершение сделки. Однако юридическая природа таких действий остаётся дискуссионной: являются ли они полноценным волеизъявлением или представляют собой лишь технический способ подтверждения согласия с условиями, сформулированными другой стороной?

Классификация электронных сделок по различным основаниям представляет значительный теоретический и практический интерес. В зависимости от технологической платформы выделяют сделки, совершающиеся посредством электронной почты, через специализированные торговые площадки, с использованием систем электронного обмена данными. Каждый из этих способов характеризуется особенностями идентификации сторон, фиксации волеизъявления и доказывания факта совершения сделки.

Электронные контракты как разновидность электронных сделок представляют собой соглашения, оформленные в цифровом виде и сопровождаемые электронными подписями. Правовые основы электронной подписи детально регламентированы специальным законодательством, устанавливающим различные виды электронных подписей и условия их использования. Квалифицированная электронная подпись по своей юридической силе приравнивается к собственноручной подписи, однако для её использования требуется получение сертификата ключа проверки электронной подписи в аккредитованном удостоверяющем центре.

Электронные платежи как переводы денежных средств, осуществляемые через электронные системы, представляют собой особую категорию электронных сделок. Их правовая природа дискутируется в науке: одни авторы рассматривают электронный платёж как самостоятельную сделку, другие – как

способ исполнения денежного обязательства, возникшего из основной сделки. Развитие платёжных технологий, появление электронных денег, криптовалют и иных цифровых платёжных средств существенно усложняет правовую квалификацию платёжных операций и требует выработки новых регуляторных подходов.

Особую актуальность в последние годы приобрела проблема правового регулирования криптовалют и операций с ними. Банк России в своём докладе для общественных консультаций обозначил основные риски, связанные с оборотом криптовалют, и предложил подходы к их регулированию. Позиция регулятора вызвала широкую дискуссию в профессиональном сообществе (Кондратьева, 2017).

А.В. Крупочкин и И.П. Хоминич проводят различие между криптовалютами и цифровыми финансовыми активами, отмечая, что последние уже получили легальное определение в российском законодательстве и обладают более определённым правовым режимом (Крупочкин, Хоминич, 2025). Цифровые финансовые активы, в отличие от криптовалют, имеют обязанное лицо, которое несёт ответственность перед обладателями таких активов. Это принципиальное различие обуславливает разные подходы к регулированию: если цифровые финансовые активы могут регулироваться в рамках существующего финансового законодательства с определёнными модификациями, то криптовалюты требуют выработки совершенно новых регуляторных решений.

А.Д. Кузнецова и Н.А. Калмакова исследуют процесс становления законодательной базы Российской Федерации в сфере оборота криптовалют и обращают внимание на проект цифровизации рубля как альтернативу частным криптовалютам (Кузнецова, Калмакова, 2022). Цифровой рубль, разрабатываемый Банком России, представляет собой цифровую форму национальной валюты, которая будет сочетать преимущества наличных и безналичных денег. В.Е. Косарев и С.Л. Добридник анализируют концепцию цифрового рубля и отмечает, что его внедрение может существенно изменить архитектуру платёжной системы и создать новые возможности для расчётов (Косарев, Добридник, 2023). Однако

остаются открытыми вопросы о соотношении цифрового рубля с традиционными формами денег, о механизме эмиссии и обращения, о влиянии на банковскую систему.

Проблема защиты прав участников электронных сделок приобретает особую остроту в условиях, когда традиционные механизмы правовой защиты не всегда эффективны в цифровой среде. Трудности доказывания факта совершения сделки, содержания волеизъявления сторон, момента заключения договора создают серьёзные препятствия для судебной защиты нарушенных прав.

Концепция смарт-контрактов, то есть самоисполняемых договоров, условия которых записаны в виде программного кода и автоматически исполняются при наступлении определённых событий, представляет собой качественно новый этап развития договорных отношений. Однако правовая природа смарт-контрактов остаётся дискуссионной.

О.С. Иоффе в своих фундаментальных трудах по общей теории гражданского права разработал концепцию юридических фактов, которая сохраняет методологическое значение и для анализа электронных сделок (Иоффе, 2020). Сделка как волевой акт субъекта, направленный на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, предполагает наличие определённых элементов: способности к волеизъявлению, свободы воли, соответствия волеизъявления внутренней воле. В контексте электронных сделок каждый из этих элементов приобретает специфическое содержание, связанное с опосредованным характером волеизъявления через технические средства.

О.А. Красавчиков в классической работе о юридических фактах в советском гражданском праве обосновывал необходимость различия правообразующих, правоизменяющих и правопрекращающих юридических фактов (Красавчиков, 1958).

Развитие интернета вещей и искусственного интеллекта создаёт новые вызовы для правового регулирования сделок. Устройства, оснащённые датчиками и способные взаимодействовать друг с другом без участия человека, потенциально могут совершать юридически значимые действия. Например, холодильник, отслеживающий наличие про-

дуктов, может автоматически формировать заказ в интернет-магазине.

Дискуссия о возможности признания искусственного интеллекта субъектом права ведётся в юридической науке, однако большинство исследователей пока склоняются к отрицательному ответу, предлагая использовать традиционные категории агентских отношений и деликтной ответственности.

Развитие технологии распределённых автономных организаций (DAO), действующих на основе смарт-контрактов без традиционной организационной структуры, также требует переосмысливания классических категорий корпоративного права.

С.В. Сарбаш в своих работах о правовом регулировании обязательств подчёркивает значение принципа свободы договора как основы частноправового регулирования (Сарбаш, 2016). Применительно к электронным сделкам этот принцип приобретает особое значение. С одной стороны, электронная среда существенно расширяет возможности для реализации свободы договора: стороны могут легко находить контрагентов, оперативно согласовывать условия, использовать стандартные формы договоров или создавать индивидуализированные условия.

Проблема защиты слабой стороны в электронных договорах приобретает особую актуальность. Потребители, вступающие в правоотношения с крупными цифровыми платформами, часто лишены реальной возможности влиять на условия договора и вынуждены соглашаться с предложенными условиями по принципу «всё или ничего».

М.А. Бажина и соавторы исследуют проблемы правового обеспечения цифровой экономики и обращают внимание на необходимость комплексного подхода к регулированию, охватывающего не только гражданско-правовые, но и публично-правовые аспекты (Бажина, Городнова, Жевняк, 2023). Действительно, развитие электронных сделок невозможно без создания надёжной инфраструктуры, включающей системы электронной идентификации, удостоверяющие центры, платёжные системы, информационные платформы.

О.А. Николайчук и Е.А. Гаврилова анализируют проблемы правового регулирования цифровых технологий в банковской сфере и

отмечает необходимость адаптации банковского законодательства к новым реалиям (Николайчук, Гаврилова, 2025). Традиционная банковская деятельность трансформируется под воздействием финансовых технологий: появляются банки, работающие исключительно в цифровом формате, развиваются внедряются технологии распределённых реестров для расчётов и клиринга. Регуляторные подходы, выработанные для традиционных банков, требуют пересмотра с учётом специфики цифровых финансовых услуг.

Концепция «регулирования на основе данных» предполагает использование больших данных и аналитических инструментов для повышения эффективности регулирования. Регуляторы получают возможность в режиме реального времени отслеживать операции на рынке, выявлять из них подозрительные, прогнозировать риски. Однако такой подход также порождает проблемы: обеспечение конфиденциальности данных, предотвращение дискриминации на основе автоматизированной обработки данных, прозрачность алгоритмов принятия регуляторных решений.

Проблема цифрового неравенства и обеспечения доступа к цифровым технологиям приобретает правовое измерение. Если совершение юридически значимых действий возможно преимущественно в электронной форме, то лица, не имеющие доступа к соответствующим технологиям или не обладающие цифровой грамотностью, оказываются в неравном положении.

Подводя итоги проведённого исследования, необходимо констатировать, что электронная форма сделки прошла значительный путь эволюции. Законодательство постепенно адаптируется к технологическим изменениям, хотя этот процесс протекает неравномерно и не всегда своевременно. Доктрина гражданского права активно разрабатывает теоретические основы понимания природы электронных сделок, их места в системе юридических фактов, особенностей правового режима.

Вместе с тем сохраняется значительное число нерешённых проблем, требующих внимания законодателя и исследователей. Правовой режим криптовалют остаётся недостаточно определённым, несмотря на принятие законодательства о цифровых финансовых

активах. Смарт-контракты не получили адекватного правового регулирования, что создаёт неопределённость относительно условий их действительности и последствий исполнения.

Дальнейшее совершенствование правового регулирования электронных сделок должно основываться на нескольких принципах. Во-первых, принцип технологической нейтральности: правовые нормы должны формулироваться таким образом, чтобы не привязываться к конкретным технологиям, которые быстро устаревают, а регулировать экономическую суть отношений. Во-вторых, принцип функциональной эквивалентности: электронные формы совершения юридически значимых действий должны признаваться равнозначными традиционным формам при соблюдении определённых условий. В-третьих, принцип защиты прав участников: регулирование должно обеспечивать баланс интересов всех участников гражданского оборота в цифровой среде, включая защиту слабой стороны, обеспечение информационной безо-

пасности, предотвращение нарушений.

Представляется целесообразным дальнейшее развитие специального законодательства о цифровых технологиях с одновременной корректировкой общих норм ГК РФ. Требуется чёткое определение правового статуса различных видов цифровых активов, установление условий действительности и порядка совершения электронных сделок, регламентация использования смарт-контрактов, создание механизмов разрешения споров, возникающих в связи с электронными сделками.

Таким образом, электронная форма сделки представляет собой динамично развивающийся правовой институт, находящийся на стыке технологических инноваций и традиционных цивилистических конструкций. Успешное правовое регулирование в этой сфере требует сочетания фундаментальных теоретических исследований и прагматичных регуляторных решений, учитывающих специфику цифровой среды и обеспечивающих защиту прав всех участников гражданского оборота.

Список литературы:

- [1] Адаменко А. П., Пискунова Н. И., Целовальникова И. Ю. (2023). Электронная форма сделки: проблемы теории и практики // Юридическая наука. № 8. С. 156-159.
- [2] Брагинский М. И. (1976). Правовое регулирование информационных отношений в условиях АСУ. (На материалах АСУ Госснаба СССР) // Советское государство и право. М.: Наука. № 1. С. 38-46.
- [3] Венгеров А. Б. (1978). Право и информация в условиях автоматизации управления. (Теоретические вопросы). М. С. 51.
- [4] Идрисов Х. В. (2020). Электронная форма договора: доктрина и правовое регулирование // Российский юридический журнал. № 3(132). С. 107-113.
- [5] Иоффе О. С. (2020). Избранные труды по гражданскому праву: из истории цивилистической мысли, гражданское правоотношение, критика теории «хозяйственного права». 4-е изд. М.: Статут. 780 с.
- [6] Керимов Д. А. (1962). Кибернетика и право // Советское государство и право. № 11. С. 98-104.
- [7] Кондратьева А. И. (2017). Правовое регулирование криптовалют // Экономика и предпринимательство. № 12-4(89). С. 1198-1201.
- [8] Косарев В. Е., Добридник С. Л. (2023). Практические аспекты разработки и внедрения цифрового рубля в банковские информационные системы // Инновации и инвестиции. № 2. С. 143-149.
- [9] Красавчиков О. А. (1958). Юридические факты в советском гражданском праве. М.: Государственное издательство юридической литературы. С. 60.
- [10] Кресс В. В. (2024). Виртуальные и цифровые объекты гражданских прав в парадигме статьи 128 ГК РФ // Правовая политика и правовая жизнь. № 3. С. 137-148. DOI 10.24412/1608-8794-2024-3-137-148.
- [11] Крупочкин А. В., Хоминич И. П. (2025). Криптовалюты и цифровые активы в совре-

менной правовой и финансовой системе России: проблемы терминологии и классификации // *Мир новой экономики*. Т. 19. № 2. С. 22-32.

[12] Кузнецова А. Д., Калмакова Н. А. (2022). Становление законодательной базы Российской Федерации в сфере оборота криптовалюты: цифровизация рубля // *Финансовое право*. № 3. С. 21-24.

[13] Михайлова С. Ю., Иванова Е. В. (2022). Правовые сущность и содержание категории «электронный документ» // *Право и практика*. № 2. С. 194-197. DOI 10.24412/2411-2275-2022-2-194-197.

[14] Николайчук О. А., Гаврилова Е. А. (2025). Проблемы устойчивости банковской системы в условиях цифровизации // *Бизнес. Образование. Право*. № 2(71). С. 120-126. DOI 10.25683/VOLBI.2025.71.1297.

[15] Олимпиев А. Ю., Галузо В. Н. (2024). О допустимости цифровизации при праворегулировании в Российской Федерации // *Криминологический журнал*. № 4. С. 124-127. DOI 10.24412/2687-0185-2024-4-124-127.

[16] Правовое регулирование отношений по оказанию услуг в условиях цифровой экономики: доктринальные, нормотворческие и правоприменимельные аспекты: монография / Бажина М. А., Городнова Н. В., Жевняк О. В. [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Е. Г. Шабловой; М-во науки и высш. образования РФ (2023). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 264 с.

[17] Сарбаш С. В. (2016). Элементарная догматика обязательств: Учебное пособие / Исслед. центр частн. права им. С. С. Алексеева при Президенте РФ, Рос. школа частн. права. М.: Статум.

Spisok literatury:

[1] Adamenko A. P., Piskunova N. I., Tseloval'nikova I. Iu. (2023). *Elektronnaia forma sdelki: problemy teorii i praktiki* // *Iuridicheskaya nauka*. № 8. С. 156-159.

[2] Braginskii M. I. (1976). *Pravovoe regulirovanie informatsionnykh otnoshenii v usloviakh ASU. (Na materialakh ASU Gossnaba SSSR)* // *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. М.: Nauka. № 1. С. 38-46.

[3] Vengerov A. B. (1978). *Pravo i informatsiia v usloviakh avtomatizatsii upravleniia. (Teoreticheskie voprosy)*. М. С. 51.

[4] Idrisov Kh. V. (2020). *Elektronnaia forma dogovora: doktrina i pravovoe regulirovanie* // *Rossiiskii iuridicheskii zhurnal*. № 3(132). С. 107-113.

[5] Ioffe O. S. (2020). *Izbrannye trudy po grazhdanskому pravu: iz istorii tsivilisticheskoi mysli, grazhdanskoe pravootnoshenie, kritika teorii «khoziaistvennogo prava»*. 4-e izd. М.: Statut. 780 s.

[6] Kerimov D. A. (1962). *Kibernetika i pravo* // *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. № 11. С. 98-104.

[7] Kondrat'eva A. I. (2017). *Pravovoe regulirovanie kriptovaliut* // *Ekonomika i predprinimatel'stvo*. № 12-4(89). С. 1198-1201.

[8] Kosarev V. E., Dobridnik S. L. (2023). *Prakticheskie aspekty razrabotki i vnedreniya tsifrovogo rublia v bankovskie informatsionnye sistemy* // *Innovatsii i investitsii*. № 2. С. 143-149.

[9] Krasavchikov O. A. (1958). *Iuridicheskie fakty v sovetskem grazhdanskem prave*. М.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo iuridicheskoi literatury. С. 60.

[10] Kress V. V. (2024). *Virtual'nye i tsifrovye ob'yekty grazhdanskikh prav v paradigme stat'i 128 GK RF* // *Pravovaia politika i pravovaia zhizn'*. № 3. С. 137-148. DOI 10.24412/1608-8794-2024-3-137-148.

[11] Krupochkin A. V., Khominich I. P. (2025). *Kriptovaliuty i tsifrovye aktivy v sovremennoi pravovoi i finansovoi sisteme Rossii: problemy terminologii i klassifikatsii* // *Мир новой экономики*. Т. 19. № 2. С. 22-32.

[12] Kuznetsova A. D., Kalmakova N. A. (2022). Stanovlenie zakonodatel'noi bazy Rossiiskoi Federatsii v sfere oborota kriptovaliuty: tsifrovizatsii rublia // Finansovoe pravo. № 3. S. 21-24.

[13] Mikhailova S. Iu., Ivanova E. V. (2022). Pravovye sushchnost' i soderzhanie kategorii «elektronnyi dokument» // Pravo i praktika. № 2. S. 194-197. DOI 10.24412/2411-2275-2022-2-194-197.

[14] Nikolaichuk O. A., Gavrilova E. A. (2025). Problemy ustoichivosti bankovskoi sistemy v usloviiakh tsifrovizatsii // Biznes. Obrazovanie. Pravo. № 2(71). S. 120-126. DOI 10.25683/VOLBI.2025.71.1297.

[15] Olimpiev A. Iu., Galuzo V. N. (2024). O dopustimosti tsifrovizatsii pri pravoregulirovaniu v Rossiiskoi Federatsii // Kriminologicheskii zhurnal. № 4. S. 124-127. DOI 10.24412/2687-0185-2024-4-124-127.

[16] Pravovoe regulirovaniye otnoshenii po okazaniyu uslug v usloviiakh tsifrovoy ekonomiki: doktrinal'nye, normotvorcheskie i pravoprimenitel'nye aspekty: monografija / Bazhina M. A., Gorodnova N. V., Zhevniak O. V. [i dr.]; pod obshch. red. d-ra iurid. nauk, prof. E. G. Shablovoi; M-vo nauki i vyssh. obrazovaniia RF (2023). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. 264 s.

[17] Sarbash S. V. (2016). Elementarnaia dogmatika obiazatel'stv: Uchebnoe posobie / Issled. tsentr chastn. prava im. S. S. Alekseeva pri Prezidente RF, Ros. shkola chastn. prava. M.: Statut.

**Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

ЗЕНИЧЕВ Николай Андреевич,
старший преподаватель кафедры теории,
истории государства и права, социально-экономических дисциплин
Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГЮЮ (РПА Минюста России),
e-mail: nzenichev@yandex.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА ШЕРИФА В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ В ПЕРИОД XVII-XIX ВЕКОВ

Аннотация. Настоящая статья представляет комплексное историко-правовое исследование становления и эволюции института шерифа в Соединённых Штатах Америки от его англосаксонских истоков IX века до конца XIX века.

Исследование выявляет уникальность американской модели правоохранительных органов, которая характеризуется отсутствием федерального законодательства о шерифах и основанием полномочий должности на английском общем праве.

В статье анализируются наиболее значимые этапы развития института шерифа: от колониального периода (XVII век) с системой назначения через американскую революцию и переход к выборной системе (конец XVIII века), через период фронтира середины XIX века, когда институт шерифа достигал пика своей власти, к консолидации конституционного статуса и кризису института к концу XIX века.

Также в статье проводится анализ соотношения между неписанным общим правом и письменным законодательством штатов, разграничение между конституционными полномочиями и законодательными обязанностями, разнообразие подходов отдельных штатов к финансированию и управлению.

Ключевые слова: шериф, англосаксонское общее право, правоохранительные органы США, Уголовное право США.

ZENICHEV Nikolay Andreevich,
Senior Lecture of the Department of Theory, History
of State and Law, Socio-Economic Disciplines,
Saint-Petersburg branch of the All-Russian State University of Justice

THE EVOLUTION OF THE SHERIFF'S OFFICE IN THE UNITED STATES OF AMERICA FROM THE 17TH TO THE 19TH CENTURIES

Annotation. This article provides a comprehensive historical and legal examination of the formation and evolution of the American sheriff institution from its Anglo-Saxon origins in the ninth century to the end of the nineteenth century.

The study reveals the distinctive character of the American law enforcement model, which is marked by the absence of federal sheriffdom legislation and the grounding of the office's authority in English common law. Unlike its English predecessor, which had become largely ceremonial by the nineteenth century, the American sheriff was constitutionally established in most states as a popularly elected office possessing substantial enforcement powers.

The article traces the major phases of institutional development: the colonial period (seventeenth century) with gubernatorial appointment; the American Revolution and shift toward electoral systems (late eighteenth century); the frontier era of the mid-nineteenth century, during

which sheriffs achieved peak authority; and the consolidation of constitutional status followed by institutional crisis by century's end.

Additionally, the article examines the relationship between unwritten common law and written state legislation, the distinction between constitutional powers and statutory duties, and the diversity of approaches adopted by individual states regarding the financing and administration of the office.

Key words: *Sheriff, Anglo-Saxon common law, US law enforcement, US criminal law.*

Шериф представляет собой один из наиболее архаичных и одновременно живых институтов американского правоохранительного аппарата, берущий своё начало в англо-саксонской правовой традиции IX века. В отличие от своего английского предшественника, который к XIX веку трансформировался преимущественно в церемониальную должность, американский шериф сохранил и развил свои полномочия как конституционный орган местного управления, обладающий реальной юрисдикцией и оперативными функциями.

Уникальность правового регулирования института шерифа заключается в том, что термин «sheriff» не упоминается в федеральном законодательстве. Вся правовая база, регулирующая деятельность шерифов, находится исключительно в компетенции штатов и основывается на конституциях штатов, законодательстве штатов и англо-саксонском общем праве. Это создаёт уникальную правовую ситуацию: шериф наследует свои полномочия одновременно из двух источников - из неписаного общего права (как преемник средневекового *shire-reeve*) и из законодательства отдельных штатов.

Это принципиальное отличие института шерифа от многих других правоохранительных институтов, которые получили федеральное законодательное оформление. Федеральный кодекс США, в частности раздел 28, регулирует полномочия федеральных маршалов. Таким образом, институт шерифа полностью находится в компетенции штатов. Современные шерифы существуют в 48 из 50 штатов (за исключением Аляски и Коннектикута). Каждый штат самостоятельно определяет в своей конституции и законодательстве правовой статус, полномочия, порядок избрания или назначения шерифа³. Отсутствие федерального регулирования отражает фундаментальный принцип американского федерализма: охрана правопорядка на местном уровне остается прерогативой штатов и мест-

ных органов власти, а не федерального правительства⁴. Но в отличии от муниципальной полиции сама должность шерифа защищена конституцией штата от произвольной ликвидации законодательным органом.

Основой правового положения шерифа в США является доктрина наследования полномочий из английского общего права. Согласно этой доктрине, шериф в Соединённых Штатах по самой природе своей должности обладает всеми существенными полномочиями, которые принадлежали должности шерифа по общему праву Англии. [1] Эта правовая презумпция была сформулирована американскими судами ещё в XIX веке и остаётся действующей доктриной в большинстве штатов.

Эти полномочия включали: сохранение мира, подавление беспорядков и восстаний, арест преступников, обеспечение безопасности судов, исполнение судебных приказов, управление тюрьмами и созыв вооружённых отрядов граждан [14].

Важно отметить, что эти полномочия существуют как часть неписаного общего права, формировавшегося веками из судебных прецедентов и правовых обычаяев. Этот принцип имеет важное практическое значение: если конституция или законодательство штата прямо не запрещают шерифу осуществлять определённое полномочие, которое исторически принадлежало должности по общему праву, то шериф сохраняет это полномочие [14]. Это создаёт презумпцию в пользу широкого толкования полномочий шерифа, в отличие от других должностей на уровне штата, полномочия которых строго ограничены текстом закона.

Американская юридическая доктрина выработала важное разграничение между двумя категориями полномочий шерифа: конституционными полномочиями (constitutional powers) и законодательными обязанностями (statutory duties)

Конституционные полномочия — это те

полномочия, которые являются неотъемлемой частью должности шерифа и защищены конституцией штата от законодательного вмешательства. Эти полномочия описываются судами как «основные и важные обязанности, существующие с незапамятных времен», которые «характеризуют и отличают» должность шерифа [15]. Конституционные полномочия не могут быть отняты или переданы другому должностному лицу законодательным органом без внесения поправки в конституцию штата.

Классическая формулировка этого принципа была дана Верховным судом штата Висконсин в деле *State ex rel. Kennedy v. Brunst* (1870): «Представляется нам неразумным считать, что при конституции, которая тщательно предусматривает выборы шерифов, устанавливает срок полномочий и т.д., законодательный орган может отделить от должности её обязанности и функции и передать эти обязанности другому должностному лицу». Суд пояснил, что если законодательный орган может лишить шерифа всех его обязанностей и передать их назначаемому чиновнику, то конституционное положение о выборности шерифа становится «совершенно бессмысленным», так как избиратели будут выбирать «шерифа лишь по имени, в то время как все обязанности и сущность должности будут осуществляться и принадлежать чиновнику, назначаемому иной властью» [16].

Законодательные обязанности — это дополнительные полномочия и обязанности, которые законодательный орган штата возлагает на шерифа сверх его конституционных полномочий¹⁵. Эти обязанности могут быть изменены, расширены или отменены законодательным органом по его усмотрению. Они не являются частью сущности должности шерифа и относятся к категории «обыденных и повседневных» административных функций¹⁶.

Это разграничение необходимо для того, чтобы не прописывать все полномочия шерифа в конституциях штатов и оставить законодательному органу гибкость в регулировании деталей осуществления правоохранительной функции.

Отсутствие федерального регулирования института шерифа имеет глубокие историче-

ские корни, уходящие в колониальный период и раннюю республиканскую эпоху. Когда колонисты перенесли институт шерифа из Англии в Северную Америку в XVII веке, они рассматривали его как местного правоохранителя на уровне графства, ответственного перед местным сообществом. [2]

Истоки должности шерифа уходят в период раннего средневековья, когда англосаксонские королевства Британии разбились на административные единицы, известные как ширы (shires). Термин «шериф» (sheriff) происходит от англосаксонского «shire-reeve», что буквально означает «представитель королевской власти в графстве». Слово «shire» обозначало территориальную единицу, сформированную вокруг какого-либо замка или центра власти, а «reeve» указывало на должностное лицо, назначаемое королём для управления этой территорией. [3] Самые ранние упоминания о shire-reeve относятся к концу X века. Историки долгое время спорили о точном времени возникновения этой должности: ранее учёные предполагали её происхождение в IX веке, однако более современные исследования показывают, что формальное упоминание должности в документах датируется началом XI века. [4] Первоначально шериф был королевским чиновником (gerefa), подчиненным королю и отвечавшим за администрирование королевских земель в своём графстве. Основные обязанности включали сбор налогов и пошлин, поддержание порядка, организацию обороны от внешних врагов и судебные функции. Каждый король мог назначать своих представителей по собственному усмотрению. Шериф стал постепенно возвышаться в статусе, поскольку король всё более полагался на него для управления удалённых областей его владений. Со временем шериф трансформировался из простого администратора в могущественного чиновника, контролирующего не только финансовые, но и судебные и военные функции в пределах своего шира [17].

Норманнское завоевание 1066 года стало поворотной точкой в развитии должности шерифа. Вильгельм Завоеватель сохранил существующий англосаксонский институт управления, поскольку обнаружил его эффективность для контроля покорённой территории, но значительно расширил и переор-

ганизовал полномочия шерифов. После 1066 года в каждой графстве (шире) большинство англосаксонских шерифов были заменены норманнскими дворянами, которые получали свою должность как вознаграждение за верность королю. Норманнские шерифы стали чрезвычайно могущественными фигурами в жизни графств. Их полномочия включали: контроль над графскими судами и судами сотен, где они разбирали дела и получали доходы от штрафов, сбор всех королевских налогов, командование местными войсками и ополчением, управление королевскими замками, исполнение судебных приказов королевского суда. [5]

Финансовая система XII века создавала стимулы для серьезных злоупотреблений со стороны шерифов. Король часто отдавал право сбора налогов в графстве тому, кто предложит наибольшую сумму самому королю. Таким образом назначенный шериф получал право оставлять себе всё, что он собирал сверх согласованной суммы. Это неминуемо приводило к произволу: шерифы вымогали дополнительные суммы, устанавливали неофициальные платежи, дважды взимали одни и те же налоги и в целом использовали судебные полномочия для личного обогащения. Волна жалоб привела к формальным расследованиям, наиболее известным из которых было Расследование деятельности шерифов 1170 года, в результате которого большинство (21 из 26) шерифов были смешены со своих постов. [6]

Когда король Иоанн Безземельный вступил на престол в 1199 году и начал ещё более откровенно эксплуатировать своих шерифов в целях сбора средств для войн во Франции, между королём и баронами назрел конфликт. Эта напряженность привела к восстанию баронов и вынужденному подpisанию Великой хартии вольностей 15 июня 1215 года.

Из 63 статей Великой хартии вольностей не менее 27 прямо или косвенно касались деятельности шерифов. Это было не случайностью, а отражением того, что шерифы были главными инструментами королевского произвола и что контроль над ними был ключевым требованием мятежных баронов [17]. Важно отметить, что Великая хартия вольностей не отменила должность шерифа и не лишила его полномочий. Напротив, документ

признавал необходимость этой должности, но стремился упорядочить и ограничить её деятельность, подчинить её закону.

Во второй половине XII века при королях Генрихе II и его преемниках произошла важная реформа английской судебной системы, которая существенно трансформировала роль шерифа. Создание системы королевских разъездных судей, должность коронера, который первоначально назначался для контроля над деятельностью шерифа, особенно в части собирания судебных штрафов, введение присяжных — всё это постепенно ограничивало судебное усмотрение шерифов и делало судебный процесс более справедливым, хотя шерифы по-прежнему нередко манипулировали процессом, вызывая присяжных в неудобное время и штрафуя тех, кто не мог явиться. [7] К XV веку роль шерифа в судебной системе значительно уменьшилась. Королевские судьи, сначала приезжавшие на судебные сессии, постепенно стали более фиксированными в своих местах работы. Система ассизов (courts of assize) — разъездных королевских судов — была формализована и расширена. Шериф остался председателем суда шира (графства), но его судебная власть была существенно ограничена. Он больше не был главным судьей в графстве, а являлся администратором и исполнителем судебных приказов.

Начиная с XVI века, должность английского шерифа начала стремительно терять свое значение. Во-первых, в XVI веке была создана должность лорда-лейтенанта, который постепенно стал исполнять многие военные и административные полномочия, которые ранее относились к компетенции шерифа. Во-вторых, процесс централизации налогообложения лишил шерифа его основной финансовой функции — сбора налогов. К XVII веку большинство налогов собирала централизованная система налоговых органов, а не местные шерифы. К XVIII веку большинство судебных функций, которые когда-то принадлежали шерифу, были перераспределены между мировыми судьями и королевскими судьями, а сам английский шериф, ранее один из наиболее могущественных чиновников королевства, трансформировался преимущественно в церемониальную должность. [8, с. 11] Он участвовал в церемониальных мероприятиях,

отвечал за организацию судебных сессий в техническом смысле, но не обладал судебной или административной властью [17].

Это трансформация была процесса централизации власти в руках королевского правительства и специализированных общегосударственных органов, однако именно в тот момент, когда английский шериф утрачивал своё влияние, американские колонисты закрепляли и даже расширяли полномочия шерифа. Молодая американская демократия выбрала путь, противоположный английской централизации - она сохранила и демократизировала должность шерифа, превратив его из назначаемого королём чиновника в выборного представителя местного сообщества. Причины этого лежали в специфике колониального общества: обширные территории, рассредоточенное население и отсутствие централизованного аппарата принуждения требовали сильного местного правоохранителя, подотчётного общине, а не далёкой метрополии.

Когда англичане основали колонию Виргиния (1607), они очень быстро приняли английскую систему местного управления, основанную на графствах и должности шерифа. В 1634 году Виргиния была разделена на восемь графств и был назначен первый шериф – Уильям Стоун, его личность является характерным примером того, кем являлись шерифы в новой колониальной иерархии [18]. Уильям Стоун был членом земельной аристократии, плантатором, он был одновременно мировым судьей графства, членом церковного прихода, членом законодательного собрания и шерифом. А позднее был назначен Заместителем губернатора, что демонстрирует высокий статус должности шерифа в колониальной иерархии.

В отличие от более позднего американского опыта, в колониальный период шериф был не выборной, а назначаемой должностью. [9] Губернатор колонии, действуя от имени английского короля, назначал шерифов для каждого графства. Судьи графства представляли список из трёх кандидатов, и губернатор выбирал одного из них для назначения на должность. Шериф назначался обычно на один год, с возможностью продления полномочий еще на год по усмотрению губернатора, это позволяло оперативно реагировать и заменять неэ-

ффективных или склонных к коррупции шерифов. Наличие достаточной компетенции по юридическим вопросам кандидатов на пост шерифа обеспечивалось в большинстве колоний требованием, чтобы кандидаты на пост шерифа были членами суда графства.

Важным элементом сохранения высокого статуса шерифа в английских колониях, в отличии от метрополии, стала система финансирования шерифа за счёт сборов и комиссионных. Шериф имел право удерживать 10% от всех собранных им налогов и доходов; взимать сборы за исполнение каждого судебного приказа, за каждый арест, за поимку беглого раба, за содержание каждого заключённого в тюрьме, за вызов свидетелей и составление списков присяжных. Это ставило доход шерифа в прямую зависимость от его активности и эффективности: чем больше судебных приказов он исполнял, чем больше людей он арестовывал, тем выше его доход. Однако, одновременно подобная система неизбежно приводила к злоупотреблениям. Исторические источники свидетельствуют, что колониальные шерифы часто взимали незаконные сборы, изымали незаконные доли от продажи рабов, налагали неправомерные сборы и растрачивали деньги, которые должны были быть потрачены на питание заключённых в тюрьме, при этом даже в малонаселённых районах доход шерифа мог составить несколько тысяч долларов в год, что было значительной суммой в XVII-XVIII веках. [10] В некоторых колониях выносились предложения о переводе шерифов на регулярную зарплату вместо системы сборов, однако вплоть до XX века в большинстве штатов действовала система оплаты шерифа через сборы и комиссионные.

Более того, начиная с 1679 года именно шерифы стали нести ответственность за содержание и управление тюрьмами. По мере того, как колонии развивались, потребность в специальных местах для содержания заключённых стала очевидной. Вначале шерифы импровизировали, часто содержа заключённых в своих собственных домах или в наспех переоборудованных зданиях, но развитие законодательства вскоре стало требовать создания специальных тюремных помещений.

В итоге функции управления и содержания тюрем стали одними из самых прибыльных

для шерифов. Они взымали сборы за содержание каждого заключённого, за предоставление одежды и еды, за каждое посещение заключенного, и даже за помещение в более удобные камеры. Более того, в теории администрация колония должна была снабжать заключенных пищей, однако на практике шерифы часто перепродаивали пищу заключённым по завышенным ценам, оставляя себе разницу.

К концу XVII века все основные английские колонии в Северной Америке имели должность шерифа. Существовало значительное разнообразие в деталях организации: одни колонии назначали шерифов на один год, другие на несколько лет; одни требовали членства в судах, другие нет; разница была и в размере пошлин и комиссионных. Однако в целом структура была единообразной: должность был конституционной, шериф был представителем королевской власти (позднее штата) и отвечал за охрану правопорядка, сбор налогов и управление тюрьмами [18].

Однако до Войны за независимость США выборы шерифов существовали исключительно на уровне разрозненных прецедентов.

Американская революция 1765-1783 годов стала переломным моментом в истории института шерифа. После провозглашения независимости в 1776 году каждый из американских штатов разрабатывал свою собственную конституцию. При написании этих конституций многие штаты сознательно выбрали выборную систему для шерифа как способ обеспечить подотчётность перед населением и избежать возвращения к монархии.

Пенсильвания стала одной из первых и наиболее демократичных в своём подходе. Её конституция 1776 года прямо предусматривала: «Шерифы и коронеры должны избираться ежегодно в каждом городе и графстве свободными гражданами ... ни один человек не должен оставаться на должности шерифа более трёх последовательных лет или иметь возможность быть избранным снова в течение четырёх лет после этого» [19]. Эта формулировка ограничивала сроки полномочий, предотвращая консолидацию слишком большой власти в одних руках, что было основной опасностью, которую пытались избежать революционеры. Также принцип подотчётности перед избирателями означал, что шериф

больше не мог управлять своим графством исключительно в интересах администрации или своих личных. Если шериф давал взятки, чинил произвол или пренебрегал своими обязанностями, избиратели могли не переизбрать его на следующий срок. Это создавало мощный стимул для честного исполнения обязанностей и внимания к интересам местной общины.

По мере того, как новые штаты присоединялись к союзу, большинство из них также включали выборную систему для шерифа в свои конституции. К началу XIX века выборный шериф стал почти универсальным стандартом.

Включение шерифа и правил его избрания в конституцию превратило его в уникальный правоохранительный орган - даже законодательный орган штата не мог произвольно упразднить должность или избавиться от выборной системы без внесения поправки в конституцию, также шериф оставался подотчётен избирателям, а не исполнительным или законодательным органам власти, в отличии от появившейся позднее в XIX веке полиции, подчиненной мэрам и городским советам.

Если XVII-XVIII века были периодом становления американского шерифа, а конец XVIII века — периодом его демократизации, то XIX век стал «золотым веком» этого института в полном смысле этого выражения. Именно в XIX веке, особенно после гражданской войны (1861-1865) и по мере расширения границ американского государства в западном направлении, шериф достиг пика своей власти и значения в американской политической системе. После войны за независимость американцы активно продвигались на запад, открывая новые территории и основывая новые поселения. Эти территории характеризовались несколькими ключевыми особенностями: огромными расстояниями между поселениями, малочисленность населения, отсутствие плотной сети государственных учреждений, и наличие серьёзных преступных угроз со стороны индейцев, групп бандитов, конокрадов. В этих условиях шериф графства вместе с несколькими помощниками должен был нести ответственность за охрану правопорядка, управление тюрьмами, исполнение судебных решений, налогообложение

и другие функции на территории размером с европейское государство. [11, с. 8] Это создало уникальную ситуацию, в которой шериф превратился в главного правоохранителя на фронтире.

При этом финансирование на фронтире было серьёзной проблемой: федеральное правительство и правительства штатов часто не имели достаточных ресурсов для обеспечения правоохраны на территориях, где проживало немного людей, и налоговая база была мала. [12]

Кодекс Кёрни (Kearney Code) 1846 года попытался создать стандартизированную систему оплаты для шерифов на территориях, где отсутствовала возможность выплачивать заработную плату. Согласно этому кодексу, каждая конкретная обязанность шерифа (арест преступника, вручение судебного приказа, содержание заключённого в течение одного дня, и т.д.) имела установленную денежную стоимость. Шериф получал определённый процент от этой суммы. [13]

При этом шерифы на фронтире постоянно сталкивались с нехваткой персонала, отсутствием инфраструктуры, в отдельных случаях малообразованными и непрофессиональными мировыми судьями.

В условиях нехватки персонала шериф обращался к древнему праву *posse comitatus* (власть округа). Согласно этому праву, унаследованному из английского общего права, шериф имел право призвать любого дееспособного человека на помочь в поддержании правопорядка и преследовании преступников. На фронтире эта система была часто единственным способом собрать достаточное количество людей для борьбы с организованными преступными группами или для поимки опасного преступника. Но постепенно становилось ясно, что система, основанная на одном или двух шерифах и добровольной помощи граждан, не может обеспечить надлежащий уровень охраны правопорядка в условиях, когда преступность становилась более организованной, транспортные сети развивались, и уровень мобильности преступников

возрастал. Именно эта необходимость привела к созданию муниципальной полиции в XIX веке — полиции, которая отличалась от шерифа тем, что была профессиональной, постоянной, централизованной, и подотчётна городскому руководству, а не избирателям округа. Основными вызовами институту шерифа стали проблемы профессионализма, коррупции, политизации и эффективности. К концу XIX века начались дебаты о необходимости реформирования института шерифа, однако движение за профессионализацию правоохранительной деятельности набрало силу лишь в XX веке.

Таким образом, в то время, когда Англия централизовала власть и превратила шерифа в церемониальное должностное лицо, Америка демократизировала эту должность и закрепила её в своих конституциях штатов, сохранив при этом преемственность от англосаксонского «shire-reeve» IX века. Американский шериф представляет собой уникальный гибрид, не имеющий прямых аналогов в других государствах. Он одновременно обладает полномочиями на основе неписаного общего права, является конституционным органом местного государственного управления, защищённый от законодательного произвола и выборным должностным лицом, подотчётным избирателям, а не администрации округа, при этом обладая как судебными, так и исполнительными полномочиями.

Эта многослойная природа полномочий шерифа, сформированная ко второй половине XIX века, содержит внутренние противоречия. Профессионализация правоохранительной деятельности, развитие городской муниципальной полиции, растущая сложность криминальных вызовов — всё это создало предпосылки для кризиса, который развернулся в двадцатом столетии. Но именно потому, что шериф был закреплён в конституциях штатов, этот кризис не привёл к полной замене института, как произошло в Англии, а спровоцировал долгие дебаты о его реформировании.

Список литературы:

[1] Jason M. Cieslik, *Usurping Authority: Illinois Sheriffs Declare Law Unconstitutional*, 55

Loy. U. Chi. L. J. 869 (2024). – URL: <https://lawcommons.luc.edu/luclj/vol55/iss4/5> (дата обращения: 10.11.2025).

[2] Holmes, Chad R., “*Ingenious Entanglements*”: *Sheriffs, Capitalism, and Civil Society in America, 1750-1850*» (2023). *Graduate Theses, Dissertations, and Problem Reports*. 12266. – URL: <https://researchrepository.wvu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=12872&context=etd> (дата обращения: 12.11.2025).

[3] William Alfred Morris, *The Medieval English Sheriff to 1300*. The University Press; London, New York, etc. Longmans, Green & co. ltd., 1927/ – URL: <https://dn790003.ca.archive.org/0/items/medievalenglishs0000morr/medievalenglishs0000morr.pdf> (дата обращения: 11.11.2025).

[4] Sharpe, R. “*The Earliest Norman Sheriffs.*” *History*, vol. 101, no. 347, Wiley, 2016, pp. 485–94. URL: <https://ora.ox.ac.uk/objects/uuid:b5faf33-bb25-43eb-92bc-9f2f5252fdb9/files/m285a80ee673125bfa48156214b1b9502> (дата обращения: 14.11.2025).

[5] Green, Judith. “*The Sheriffs of William the Conqueror.*” *Chapter. In Anglo-Norman Studies V: Proceedings of the Battle Conference 1982*, edited by R. Allen Brown, 129–45. *Anglo-Norman Studies*. Boydell & Brewer, 1983. URL: <https://www.cambridge.org/core/books/anglonorman-studies-v/sheriffs-of-william-the-conqueror/F7B0981A06766AC14F9C7A7B1365A108#chapter> (дата обращения: 14.11.2025).

[6] Emilie AMT, *The Reputation of the Sheriff, 1100-1216*, in: *The Haskins Society Journal* 8, 1996, p. 91 – URL: https://emilieamt.com/wp-content/uploads/2018/07/article_1996_reputation_sheriff.pdf (дата обращения: 17.11.2025).

[7] NBER (National Bureau of Economic Research). Charles Angelucci, Simone Meraglia *The Medieval Roots of Inclusive Institutions: From the Norman Conquest of England to the Great Reform Act* – URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w23606/revisions/w23606.rev2.pdf (дата обращения: 17.11.2025).

[8] Томсинов, В. А. Юридические аспекты английской революции 1640–1660 годов. Период конституционной борьбы: ноябрь 1640 – август 1642 года: Учебное пособие. М.: Зерцало+М, 2010. — 264 с.

[9] Rankin, Hugh F. «*The General Court of Colonial Virginia: Its Jurisdiction and Personnel.*» *The Virginia Magazine of History and Biography*, vol. 70, no. 2, 1962, pp. 142–53. URL: <https://research.colonialwilliamsburg.org/DigitalLibrary/view/index.cfm?doc=ResearchReports%5CRR0088.xml> (дата обращения: 17.11.2025).

[10] Tomberlin, James. “‘DON’T ELECT ME’: SHERIFFS AND THE NEED FOR REFORM IN COUNTY LAW ENFORCEMENT.” *Virginia Law Review* 104, no. 1 (2018): 113–56. URL: [https://virginalawreview.org/wp-content/uploads/2020/12/Tomberlin_Online%20\(1\).pdf](https://virginalawreview.org/wp-content/uploads/2020/12/Tomberlin_Online%20(1).pdf) (дата обращения: 18.11.2025).

[11] Нефедов Б.И. Правовой фронт в регулировании трансграничных общественных отношений. – Московский журнал международного права. №3. С. 6–16.

[12] Krier, Kaci Mae, «*Outlaws, Lawmen, and the Emergence of Justice on the Western Frontier*» (2025). Honors Program Theses. 1003. — URL: <https://scholarworks.uni.edu> (дата обращения: 18.11.2025).

[13] Larry Ball, “*FRONTIER SHERIFFS at WORK*,” Source: *The Journal of Arizona History* 27, no. 3 (1986): 283–96, pg 283-284 URL: https://escholarship.org/content/qt6705r7jb/qt6705r7jb_noSplash_1c043e26cd5ca670c1548a029922378a.pdf?t=mr7itp (дата обращения: 18.11.2025).

[14] Tennessee County Technical Assistance Service. *Law Enforcement. – State ex rel. Thompson v. Reichman*, 188 S.W. 225, 227 (Tenn. 1916). – URL: <https://ctas.tennessee.edu> (дата обращения: 10.11.2025).

[15] Wisconsin Supreme Court. *Manitowoc County v. Local 986B, AFSCME, AFL-CIO*, 168 Wis.2d 819 (1992). – URL: <https://wicourts.gov> (дата обращения: 10.11.2025); *Supreme Court of Wisconsin. Decision No. 2005AP2742*. – URL: <https://wicourts.gov> (дата обращения: 12.11.2025).

[16] *State ex rel. Kennedy v. Brunst*, 26 Wis. 412, 414-415 (1870). – Цит. по: *Supreme Court of Wisconsin. Decision No. 2005AP2742*. – URL: <https://wicourts.gov> (дата обращения: 11.11.2025).

- [17] *High Sheriffs of England and Wales. History of High Sheriff.* – URL: <https://highsheriffsofstaffordshire.co.uk> (дата обращения: 11.11.2025).
- [18] *Pennsylvania Sheriffs' Association. Sheriff History* URL: <https://pasheriffs.org> (дата обращения: 11.11.2025).
- [19] *Constitution of Pennsylvania - September 28, 1776. – Section 31:* URL: <https://avalon.law.yale.edu> (дата обращения: 11.11.2025).

Spisok literatury:

- [1] Jason M. Cieslik, *Usurping Authority: Illinois Sheriffs Declare Law Unconstitutional*, 55 *Loy. U. Chi. L. J.* 869 (2024). – URL: <https://lawcommons.luc.edu/luclj/vol55/iss4/5> (data obrashcheniya: 10.11.2025).
- [2] Holmes, Chad R., “*Ingenious Entanglements*”: *Sheriffs, Capitalism, and Civil Society in America, 1750-1850*» (2023). *Graduate Theses, Dissertations, and Problem Reports.* 12266. – URL: <https://researchrepository.wvu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=12872&context=etd> (data obrashcheniya: 12.11.2025).
- [3] William Alfred Morris, *The Medieval English Sheriff to 1300*. The University Press; London, New York, etc. Longmans, Green & co. ltd., 1927/ – URL: <https://dn790003.ca.archive.org/0/items/medievalenglishs0000morr/medievalenglishs0000morr.pdf> (data obrashcheniya: 11.11.2025).
- [4] Sharpe, R. “*The Earliest Norman Sheriffs.*” *History*, vol. 101, no. 347, Wiley, 2016, pp. 485–94. URL: <https://ora.ox.ac.uk/objects/uuid:b5fafa33-bb25-43eb-92bc-9f2f5252fdb9/files/m285a80ee673125bfa48156214b1b9502> (data obrashcheniya: 14.11.2025).
- [5] Green, Judith. “*The Sheriffs of William the Conqueror.*” Chapter. In *Anglo-Norman Studies V: Proceedings of the Battle Conference 1982*, edited by R. Allen Brown, 129–45. *Anglo-Norman Studies. Boydell & Brewer*, 1983. URL: <https://www.cambridge.org/core/books/anglonorman-studies-v/sheriffs-of-william-the-conqueror/F7B0981A06766AC14F9C7A7B1365A108#chapter> (data obrashcheniya: 14.11.2025).
- [6] Emilie AMT, *The Reputation of the Sheriff, 1100-1216*, in: *The Haskins Society Journal* 8, 1996, p. 91 – URL: https://emilieamt.com/wp-content/uploads/2018/07/article_1996_reputation_sheriff.pdf (data obrashcheniya: 17.11.2025).
- [7] NBER (National Bureau of Economic Research). Charles Angelucci, Simone Meraglia *The Medieval Roots of Inclusive Institutions: From the Norman Conquest of England to the Great Reform Act* – URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w23606/revisions/w23606.rev2.pdf (data obrashcheniya: 17.11.2025).
- [8] Tomsinov, V. A. *Iuridicheskie aspekty angliiskoi revoliutsii 1640– 1660 godov. Period konstitutsionnoi bor'by: noiabr' 1640 – avgust 1642 goda: Uchebnoe posobie.* M.: Zertsalo+M, 2010. — 264 s.
- [9] Rankin, Hugh F. «*The General Court of Colonial Virginia: Its Jurisdiction and Personnel.*» *The Virginia Magazine of History and Biography*, vol. 70, no. 2, 1962, pp. 142–53. URL: <https://research.colonialwilliamsburg.org/DigitalLibrary/view/index.cfm?doc=ResearchReports%5CRR0088.xml> (data obrashcheniya: 17.11.2025).
- [10] Tomberlin, James. “‘DON’T ELECT ME’: *SHERIFFS AND THE NEED FOR REFORM IN COUNTY LAW ENFORCEMENT.*” *Virginia Law Review* 104, no. 1 (2018): 113–56. URL: [https://virginialawreview.org/wp-content/uploads/2020/12/Tomberlin_Online%20\(1\).pdf](https://virginialawreview.org/wp-content/uploads/2020/12/Tomberlin_Online%20(1).pdf) (data obrashcheniya: 18.11.2025).
- [11] Nefedov B.I. *Pravovoi frontir v regulirovaniii transgranichnykh obshchestvennykh otnoshenii.* – Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava. №3. C. 6–16.
- [12] Krier, Kaci Mae, «*Outlaws, Lawmen, and the Emergence of Justice on the Western Frontier*» (2025). *Honors Program Theses.* 1003. — URL: <https://scholarworks.uni.edu> (data obrashcheniya: 18.11.2025).
- [13] Larry Ball, “*FRONTIER SHERIFFS at WORK,*” Source: *The Journal of Arizona History*

27, no. 3 (1986): 283–96, pg 283-284 URL: https://escholarship.org/content/qt6705r7jb/qt6705r7jb_noSplash_1c043e26cd5ca670c1548a029922378a.pdf?t=mr7itp (data obrashcheniia: 18.11.2025).

[14] Tennessee County Technical Assistance Service. *Law Enforcement. – State ex rel. Thompson v. Reichman*, 188 S.W. 225, 227 (Tenn. 1916). – URL: <https://ctas.tennessee.edu> (data obrashcheniia: 10.11.2025).

[15] Wisconsin Supreme Court. *Manitowoc County v. Local 986B, AFSCME, AFL-CIO*, 168 Wis.2d 819 (1992). – URL: <https://wicourts.gov> (data obrashcheniia: 10.11.2025); *Supreme Court of Wisconsin. Decision No. 2005AP2742*. – URL: <https://wicourts.gov> (data obrashcheniia: 12.11.2025).

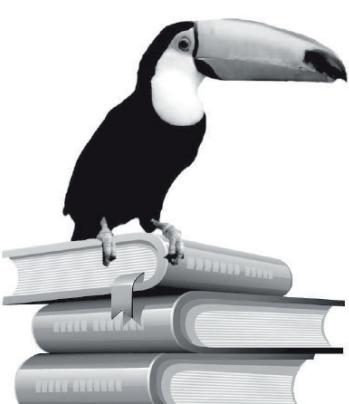
[16] *State ex rel. Kennedy v. Brunst*, 26 Wis. 412, 414-415 (1870). – Tsit. po: *Supreme Court of Wisconsin. Decision No. 2005AP2742*. – URL: <https://wicourts.gov> (data obrashcheniia: 11.11.2025).

[17] *High Sheriffs of England and Wales. History of High Sheriff*. – URL: <https://highsheriffsofstaffordshire.co.uk> (data obrashcheniia: 11.11.2025).

[18] *Pennsylvania Sheriffs' Association. Sheriff History* URL: <https://pasheriffs.org> (data obrashcheniia: 11.11.2025).

[19] *Constitution of Pennsylvania - September 28, 1776. – Section 31*: URL: <https://avalon.law.yale.edu> (data obrashcheniia: 11.11.2025).

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Денисов Максим Денисович,

магистр

Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина,

e-mail: maksim.denisov.1999@list.ru

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ КОМПЬЮТЕРНОГО МОШЕННИЧЕСТВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И КЛАССИФИКАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена теоретическому анализу понятия и видов компьютерного мошенничества, рассматриваемого в контексте уголовного законодательства Российской Федерации. Рассматриваются современные подходы к классификации данного вида преступлений, выделяются механизмы совершения мошеннических действий в цифровой среде, а также анализируются особенности правовой квалификации деяний в рамках ст. 159 УК РФ и смежных норм.

Ключевые слова: компьютерное мошенничество, киберпреступность, ст. 159 УК РФ, электронные платежные системы, фишинг, информационная безопасность, классификация преступлений, криминологический подход.

DENISOV Maksim Denisovich,

Master's student

of the Tambov State University named after G. R. Derzhavin

CONCEPT AND TYPES OF COMPUTER FRAUD: THEORETICAL APPROACHES AND CLASSIFICATIONS

Annotation. The article is devoted to a theoretical analysis of the concept and types of computer fraud, considered in the context of the criminal legislation of the Russian Federation. Modern approaches to the classification of this type of crime are examined, the mechanisms of committing fraudulent actions in the digital environment are highlighted, and the features of the legal qualification of acts under Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation and related provisions are analyzed.

Key words: computer fraud, cybercrime, Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation, electronic payment systems, phishing, information security, crime classification, criminological approach.

Компьютерное мошенничество представляет собой одну из наиболее актуальных форм преступной деятельности в условиях стремительного развития информационных технологий. Оно характеризуется использованием средств вычислительной техники, сетевых коммуникаций и программного обеспечения для совершения действий, направленных на незаконное завладение чужим имуществом либо получением иных имущественных выгод. Теоретическое понимание этого явления формируется на стыке криминологии, информа-

ционной безопасности и права, что обуславливает необходимость комплексного подхода к его изучению.

С точки зрения юридической науки, компьютерное мошенничество подпадает под определение, установленное в рамках уголовного законодательства Российской Федерации, в частности ст. 159 УК РФ, где мошенничество рассматривается как хищение чужого имущества или приобретение права на имущество путём обмана или злоупотребления доверием. Современная трактовка

криминалистической практики расширяет это понятие, учитывая, что использование информационных технологий позволяет скрывать источники преступной деятельности, изменять или подделывать электронные данные и документы, а также обеспечивать анонимность субъекта преступления. Важной особенностью компьютерного мошенничества является его потенциальная масштабность и быстрота воздействия на многочисленные объекты одновременно, что отличает его от традиционных форм мошенничества [1].

Классификационные подходы к компьютерному мошенничеству в научной литературе строятся на основе анализа механизмов совершения преступления, используемых технологий и способов воздействия на потерпевшего. Среди выделяемых категорий исследователи различают мошенничество с использованием электронных платежных систем, фишинговые атаки, мошенничество в сфере онлайн-торговли, а также программы-вымогатели и киберскриминг, предполагающий извлечение денежных средств под угрозой распространения конфиденциальной информации. Классификация также может опираться на субъектную характеристику преступления, разделяя действия, совершаемые индивидуальными пользователями, организованными группами и киберпреступными сообществами, что имеет значение для прогнозирования рисков и разработки профилактических мер.

Теоретические подходы к изучению компьютерного мошенничества включают криминологический, юридический и социально-психологический аспекты. Криминологический подход концентрируется на выявлении факторов, способствующих совершению преступлений в информационном пространстве, таких как техническая подкованность субъектов, доступность цифровых ресурсов и уязвимость информационных систем. Юридическая перспектива направлена на уточнение состава преступления, определение объективной и субъективной стороны деяния, а также соотношение с действующими нормами УК РФ и международными стандартами кибербезопасности. Социально-психологический анализ акцентирует внимание на мотивации преступников, влиянии сетевых культур и особенностях взаимодействия с потенциаль-

ными жертвами [2].

На основе совокупного анализа теоретических подходов формируется понимание необходимости комплексного регулирования компьютерного мошенничества, которое включает как совершенствование уголовного законодательства, так и развитие технологических и организационных мер защиты информации. В российской правоприменительной практике наблюдается постепенное расширение норм УК РФ, направленных на охрану имущественных и нематериальных интересов граждан в цифровой среде, что отражает динамику информационного общества и возрастающие требования к безопасности электронных коммуникаций.

Современное компьютерное мошенничество характеризуется высокой динамичностью и адаптивностью, что отражает развитие цифровых технологий и изменение моделей поведения пользователей в информационном пространстве. Преступные действия в этой сфере нередко скрываются за сложными алгоритмами, автоматизированными системами и криптографическими средствами, что создаёт дополнительные трудности для правоохранительных органов. В этой связи ключевой задачей криминологической науки является не только идентификация видов и методов мошенничества, но и анализ структурных закономерностей его возникновения, а также выявление факторов, способствующих распространению преступлений в цифровой среде.

Одним из существенных аспектов является соотношение компьютерного мошенничества с традиционными формами хищений. Если классическое мошенничество опирается на прямое взаимодействие между преступником и потерпевшим, то в цифровой среде зачастую отсутствует физический контакт, а воздействие осуществляется через манипуляцию информацией, программное обеспечение и дистанционные каналы связи. Это требует корректировки юридической квалификации деяний и применения ст. 159 УК РФ с учётом особенностей электронных доказательств и цифровых следов, что подтверждается судебной практикой последних лет [3].

В научной литературе выделяется несколько методологических подходов к системати-

зации компьютерного мошенничества. Одни авторы акцентируют внимание на объекте посягательства, выделяя имущественные и нематериальные виды ущерба, включая незаконное присвоение денежных средств, интеллектуальной собственности и персональных данных. Другие исследователи предлагают классификацию, ориентированную на используемые технические средства и программные методы, что позволяет выделять фишинг, кейлоггинг, социальную инженерию, применение вредоносного ПО и схемы финансовых манипуляций через электронные платформы. Такой подход обеспечивает понимание не только самого факта преступления, но и механизмов его реализации, что важно для профилактики и расследования [4].

С точки зрения уголовного права, актуальность исследования определяется необходимостью точного разграничения понятий «мошенничество», «компьютерное преступление» и «киберпреступление». Хотя термин «компьютерное мошенничество» в УК РФ напрямую не выделен, его действия квалифицируются через ст. 159, а также в ряде случаев в совокупности с нормами о незаконном доступе к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ), распространении вредоносных программ (ст. 273 УК РФ) и хищении средств с использованием электронных платежных систем (ст. 159.6 УК РФ). Это позволяет право-применителям учитывать специфику цифровой среды и формировать комплексные меры

правовой защиты.

Важно отметить, что превентивная функция законодательства в области компьютерного мошенничества предполагает не только установление уголовной ответственности, но и стимулирование разработки технологических стандартов безопасности, образовательных программ по киберграмотности и внутреннего контроля организаций. Современные исследования подчеркивают необходимость интеграции юридических, технических и социально-психологических мер для эффективного противодействия киберпреступности, что отражает глобальную тенденцию перехода к многоуровневой модели защиты информации [5].

Таким образом, компьютерное мошенничество следует рассматривать как многоплановое явление, включающее правовые, криминологические и технические аспекты. Ключевым элементом в изучении и классификации данного феномена является учет механизмов воздействия на объекты преступления, мотивации и организационной структуры субъектов, а также особенностей современного информационного общества. Комплексный подход, объединяющий теоретические исследования и практику уголовного права, позволяет создавать эффективные стратегии предупреждения и расследования преступлений в цифровой среде, соответствующие как требованиям УК РФ, так и международным стандартам информационной безопасности.

Список литературы:

- [1] Алексеев, Д. С. *Мошенничество в сфере компьютерной информации: особенности квалификации и конкуренции со смежными составами преступлений* / Д. С. Алексеев // Аллея науки. – 2022. – Т. 1, № 2(65). – С. 508-518.
- [2] Долженко, Н. И. *Мошенничество в сети Интернет* / Н. И. Долженко, С. О. Тарасова // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2023. – № 2. – С. 34-37.
- [3] Модонов, Н. В. *Мошенничество в сфере компьютерной информации: понятие и виды* / Н. В. Модонов // Молодой ученый. – 2024. – № 50(549). – С. 319-321.
- [4] Мустаев, В. И. *Проблема квалификации преступлений в сфере компьютерной информации* / В. И. Мустаев // Следственная деятельность: проблемы, их решение, перспективы развития : Материалы VII Всероссийской молодёжной научно-практической конференции, Москва, 27 ноября 2023 года. – Москва: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2024. – С. 163-167.
- [5] Урванцев, Е. В. *Вопросы квалификации преступлений в сфере компьютерной информации* / Е. В. Урванцев // Научное образование. – 2023. – № 3(20). – С. 161-165.

Spisok literatury:

- [1] Alekseev, D. S. *Moshennichestvo v sfere komp'iuternoi informatsii: osobennosti kvalifikatsii i konkurentsii so smezhnymi sostavami prestuplenii* / D. S. Alekseev // *Alleia nauki.* – 2022. – T. 1, № 2(65). – S. 508-518.
- [2] Dolzhenko, N. I. *Moshennichestvo v seti Internet* / N. I. Dolzhenko, S. O. Tarasova // *Aktual'nye voprosy bor'by s prestupleniiami.* – 2023. – № 2. – S. 34-37.
- [3] Modonov, N. V. *Moshennichestvo v sfere komp'iuternoi informatsii: poniatie i vidy* / N. V. Modonov // *Molodoi uchenyi.* – 2024. – № 50(549). – S. 319-321.
- [4] Mustaev, V. I. *Problema kvalifikatsii prestuplenii v sfere komp'iuternoi informatsii* / V. I. Mustaev // *Sledstvennaya deiatel'nost': problemy, ikh reshenie, perspektivy razvitiia : Materialy VII Vserossiiskoi molodezhno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 27 noiabria 2023 goda.* – Moskva: Moskovskaia akademia Sledstvennogo komiteta Rossiiskoi Federatsii, 2024. – S. 163-167.
- [5] Urvantsev, E. V. *Voprosy kvalifikatsii prestuplenii v sfere komp'iuternoi informatsii* / E. V. Urvantsev // *Nauchnoe obrazovanie.* – 2023. – № 3(20). – S. 161-165.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru